С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

ТРЕСТ

«ЗАРЯ»

С. Л. Войцеховский

ТРЕСТ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

ЗАРЯ
КАНАДА
1974

S. L. WOYCIECHOWSKI

THE TRUST

LIBRARY OF CONGRESS CATALOG CARD NUMBER:
74-79206

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНОЕ ДЕЛО
ЗАРЯ
ZARIA. 73 BISCAY ROAD
LONDON 74, ONTARIO
CANADA

ПРЕДИСЛОВИЕ

История боевой организации, созданной и возглавленной генералом А. П. Кутеповым, состоит из двух частей. Первая — с 1922 года до начала апреля 1927 года — была попыткой кутеповцев проникнуть в Россию и там закрепиться для активной борьбы с поработившей отечество коммунистической диктатурой и противодействием, оказанным этой попытке чекистами и их орудием, так называемым Трестом. Вторая — с июля того же 1927 года до похищения А. П. Кутепова в Париже 26-го января 1930 года — отмечена несколькими удачными боевыми действиями на русской территории и, к сожалению, гибелью большинства участников.

Их подвиг освещен подробно, как зарубежной русской печатью, так и советскими сообщениями о «белогвардейском терроре», но о называвшей себя Монархическим Объединением России или Трестом чекистской «легенде» существуют лишь лживая советская версия — роман Льва Никулина «Мертвая зыбь» — и труды нескольких американских, польских и русских авторов, которые, с одним исключением, с Трестом не соприкасались и писали о нем по наслышке, не располагая, к тому же, достаточной документацией.

Между тем, история этой советской провокации, направленной против русской эмиграции и иностранцев, заслуживает внимания и изучения потому, что, в изменившейся за десятилетия обстановке, ее цель и методы во многом совпадают с целью и методами более поздних коммунистических провокационных и дезинформационных начинаний. Поэтому, как свидетель событий, связанных с историей Треста, я считаю долгом рассказать то, что мне известно, и дополнить этот рассказ многими, еще нигде не опубликованными, документами.

За помощь, оказанную мне сведениями о Тресте, благодарю г-жу Наталию Грант, А. А. Бормана, А. С. Гершельмана и Н. Л. Пашенного.

С. Л. Войцеховский.

1974 г.

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

26 января 1930 года генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов вышел утром из своей парижской квартиры в церковь, но оттуда не вернулся. Встревоженная семья сообщила полиции его исчезновение.

Нашелся свидетель, сообщивший, что он видел, как в автомобиль втолкнули человека, похожего на пропавшего без вести русского генерала, но проверить это показание не удалось.

Эмигранты не сомневались в том, что Кутепов стал жертвой советского преступления, но улик не было. Если французское правительство ими располагало, оно до сих пор молчит, но несть ничего тайного, что не стало бы явным.

А. И. Солженицын упомянул лестницу на Лубянке, по которой — по его словам — «водили всех заключенных центральной тюрьмы». Он назвал некоторых, в том числе эмигрантов — Савинкова, Шульгина, Краснова и Кутепова. Вряд ли это было литературной вольностью. По возрасту и довоенной биографии, Солженицын не мог знать, был ли похищенный в Париже генерал доставлен в Москву, но после войны он мог это узнать от солагерников, разделявших его заключение.

Существует другое, бесспорное доказательство вины большевиков. Летом 1965 года журнал «Москва» опубликовал «Мертвую зыбь» — хвастливый рассказ Льва Никулина о чекистской провокации, направленной в двадцатых годах против русской эмиграции.

Никулин изобразил Кутепова непримиримым и активным врагом советской власти, но об его трагической судьбе не сказал ни слова. Однако, 22 сентября 1965 года «Красная звезда» напечатала письмо генерал-полковника Шиманова, похвалившего автора «Мертвой зыби» за то, что он «восстановил в памяти народа забытые, ранее оклеветанные бандой Берия имена честных и преданных родине чекистов».

«К сожалению — прибавил Шиманов — о некоторых погибших, потом реабилитированных товарищах сказано слишком мало... Отведены только две строчки организатору поимки Савинкова, чекисту Пузицкому, а комиссар государственной безопасности 2-го ранга Сергей Васильевич Пузицкий был участником гражданской войны, твердым большевиком-ленинцем, воспитанником Дзержинского. Он участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контр-революционной монархической организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и других белогвардейских организаторов и вдохновителей иностранной военной разведки и гражданской войны».

—

Кем был человек, ради которого чекисты пошли на риск этой — как выразился Шиманов — «операции» в столице иностранного государства?

Он был прославленным белым военачальником, но Москва знала, что вооруженная борьба не возобновится на русской территории в существовавшей тогда внутренней и внешней обстановке.

Он был проницательным политиком и — как сказано в воспоминаниях князя С. Е. Трубецкого — «слишком трезвым практиком, чтобы придавать значение детально разработанным вне времени и пространства программам будущего государственного устройства России».

«Возрожденную Россию — говорил он — нужно строить, отнюдь не копируя старую, но и не обрывая исторической преемственности с лучшими традициями прошлого... Неизмеримо глубоки пережитые потрясения и социальные сдвиги».

Он был обаятельным и сильным. Это признавали даже люди, политически от него далекие. Так, например, еврейский общественный деятель Г. Б. Слиозберг написал в 1934 году:

«Фигура Кутепова нам всем представлялась легендарной. Его огромный организаторский талант, его абсолютное умение влиять на массы армии, всеобщее к нему уважение офицерского состава — все это окружало имя Кутепова особым обаянием».

По мнению того же Слиозберга, Кутепов был вождем, способным «очистить Россию от наносного зла большевизма и

восстановить порядок, укрепить новый режим, согласный с народной волей» ([1]).

Коммунисты это понимали. Знали они и то, что, говоря о потрясениях и сдвигах, Кутепов не хотел быть их пассивным наблюдателем.

«Не будем — сказал он в апреле 1929 года — предаваться оптимистическому фатализму и ждать, что все совершится как-то само собой... Лишь в борьбе обретем мы свое отечество».

Чекисты не сомневались в том, что этот призыв к активности не был пустой фразой. Именно поэтому они решили Кутепова уничтожить. Вероятно, в этом им помогли предатели-эмигранты — Скоблин, Плевицкая, Третьяков.

Охоту на Кутепова большевики начали за несколько лет до его похищения. Их орудием стала организация, которую Шиманов, в «Красной звезде», назвал Трестом.

—

Словом «Трест» в переписке с Кутеповым и другими эмигрантами пользовались для конспиративного обозначения, яко бы существовавшего в Москве, тайного Монархического Объединения России возглавлявшие эту — выражаясь чекистским языком — «легенду» советские агенты: бывший генерал-лейтенант императорской службы, профессор советской военной академии Андрей Медардович Зайончковский; бывший Российский военный агент в Черногории, генерал-майор Николай Михайлович Потапов; бывший директор департамента министерства путей сообщения, действительный статский советник Александр Александрович Якушев.

Было ли это Объединение сразу создано, как легенда, или состояло вначале из действительных монархистов и стало ею после захвата руководства Якушевым и Потаповым, сказать трудно. Во всяком случае, с ноября 1921 года связь с эмигрантами оказалась в-их руках.

Первым, под предлогом служебной командировки советского экспортного учреждения, за границей побывал Якушев. В Ревеле он встретился с Юрием Александровичем Артамоновым, которого знал до революции. Он рассказал ему, что в России существует тайная монархическая организация, возглавленная Зайончковским.

---

1. "Генерал Кутепов", сборник статей, Париж, 1934 г.

Артамонов был моложе Якушева. Он воспитывался в Александровском Лицее, стал в годы войны вольноопределяющимся Лейб-Гвардии Конного полка, участвовал в Белом движении в рядах Северо-Западной армии. Рассказ Якушева он сообщил в Берлин своему другу и однополчанину, князю Кириллу Алексеевичу Ширинскому-Шихматову.

Никулин утверждает, что чекисты это письмо перехватили и что Якушев, вернувшись в Москву, был немедленно арестован, но что Дзержинскому удалось уговорить его стать не только тайным, но и усердным сотрудником чекистов по борьбе с эмиграцией, которую он якобы возненавидел за ее неосторожность.

Мне эта версия кажется недостоверной. Я многократно видел Якушева. Он не казался человеком, испытавшим душевную драму. Я думаю теперь, что он был умным и ловким актером. В письме Шиманова он назван «товарищем» и «чекистом». Это позволяет предположить, что в Ревель он приехал по советскому заданию.

—

Через Артамонова Монархическое Объединение России, сокращенно называвшее себя М.О.Р., установило связь с Высшим Монархическим Советом, состоявшим из приверженцев великого князя Николая Николаевича. Затем был налажен контакт с польским генеральным штабом. Артамонов переехал в Варшаву и был там признан резидентом тайной русской монархической организации.

В августе 1923 года Якушев побывал в Берлине, участвовал там в совещании о созыве эмигрантского монархического съезда и был принят на французской Ривьере великим князем, которому сказал, что М.О.Р. «отдает себя в его распоряжение».

В октябре Потапов, перешедший с Якушевым границу из России в Польшу и снабженный польским паспортом, съездил в Париж и в Сремские Карловцы, к великому князю и к генералу Врангелю, который отнесся отрицательно к попытке вовлечь его в орбиту М.О.Р.

В начале 1924 года великий князь предложил Кутепову возглавить то, что тогда называли «работой специального назначения по связи с Россией». Согласие Кутепова можно считать днем рождения боевой организации.

«Опыта в революционной борьбе — написал значительно позже о Кутепове хорошо знавший его человек — у А. П. не было. Все приходилось создавать внове... Было необходимо, прежде всего, почувствовать биение сердца порабощенной России — узнать, чем живет и дышит русский народ и узнать не от посторонних лиц, а от своих верных и преданных людей... Они первые и начали свои походы вглубь России» ([2]).

Переход границы был в те годы более легким, чем стал позже, когда проволочные заграждения, сторожевые вышки, прожекторы, многочисленные патрули и безлюдная пограничная полоса отделили Россию от внешнего мира, но и тогда нужны были мужество и готовность взглянуть смерти в глаза.

Скажу по собственному опыту — легче было перейти границу из России в свободную страну, чем в обратном направлении. Каждый шаг человека, уходившего с родины, приближал к спасению. Каждый отдалявший от границы шаг — увеличивал опасность.

В то время бытовая ткань дореволюционной России была уже искажена, но еще не уничтожена. Тайно проникший в Россию эмигрант видел много знакомых черт, но риск его подстерегал. Это испытали даже те, кто, после соглашения Кутепова с М.О.Р., сами того не зная, охранялись бдительным оком чекистов.

—

Можно спросить, почему Кутепов, посылая людей в Россию, воспользовался предложенной ему помощью М.О.Р.?

Объяснение, мне кажется, в том, что первоначальная задача сводилась к разведке, к желанию узнать, чем стала страна после нескольких лет революции. Связь с тайной монархической организацией обеспечивала кутеповцам относительную безопасность. Из них двое прожили в Москве долго.

Мария Владиславовна Захарченко, при первой встрече, казалась сдержанной и молчаливой. Знавшие лучше называли ее смелой, волевой и охваченной жестокой ненавистью к большевикам.

На внешность она внимания не обращала, одевалась просто. К обветренному, загоревшему лицу косметика не прикасалась. Во всем облике было что-то твердое, мужское. За-

2. "Ген. Кутепов", сборник статей, Париж, 1934 г.

мужем она была дважды. Первый муж был убит на германском фронте, второй — в белой армии.

Георгий Николаевич Радкович стал офицером накануне революции, сражался с коммунистами в рядах Добровольческой Армии, в ноябре 1920 г. был эвакуирован из Крыма в Галлиполи. С Марией Владиславовной его сблизил общий «поход» в Россию, где они, до начала апреля 1927 года, пользовались покровительством М.О.Р., торговали с лотка на одном из московских базаров и изредка возвращались в Париж или Гельсингфорс для доклада Кутепову о своих наблюдениях.

Общаясь с другими участниками Кутеповской организации, они ни разу не высказали подозрения в возможности советской провокации в М.О.Р. Верили провокаторам мои друзья, верил им и я.

Мы были молоды и воспитаны в традициях той России, для которой военный мундир был порукой чести. Мы не могли представить себе генералов Зайончковского или Потапова презренным орудием чекистов. Мы были, до известной степени, одурманены открывшейся перед нами возможностью легкой связи с Россией и благополучного оттуда возвращения.

В доверии к М.О.Р. нас укрепляло отношение генеральных штабов — финляндского и польского — к этой, как мы думали, тайной монархической организации. Мы сознавали себя не бедными, бесправными эмигрантами, а звеньями мощного подпольного центра на русской земле. Наша переписка с Кутеповым и с М.О.Р. перевозилась в дипломатических вализах иностранными курьерами и — как теперь известно из воспоминаний бывшего польского офицера и дипломата Даиммера — не вскрывалась и не расшифровывалась. Ослепление финнов и поляков не оправдывает нашего, но оно его, отчасти, объясняет.

Обязывавшая нас конспирация облегчала советским агентам их задачу. Она ограничивала наш кругозор, не допускала обсуждения и анализа того, что считалось строжайшей тайной. Посоветоваться нам было не с кем — это было бы ее нарушением. Мы были готовы на любую жертву, но, по сравнению с чекистами, были наивными детьми.

Кутепов был осторожнее, но мы это тогда не знали.

—

В Москве Мария Владиславовна пришла к выводу, что советская власть укрепляется и что только террор может ее

поколебать. Кутепов это мнение разделил. Он придавал террору самодовлеющее значение и предполагал, что совершенные кутеповцами террористические акты вызовут в России — как он мне сказал — детонацию.

Когда Захарченко, с его согласия, сообщила Якушеву отношение Кутепова к террору, ответом был резкий отпор. Красной нитью в письмах Якушева Кутепову, в его разговорах с Артамоновым и мною проходила обращенная к эмигрантам просьба: «Не мешайте нам вашим непрошенным вмешательством; мы накапливаем силы и свергнем советскую власть, когда будем, наконец, готовы».

В начале июля 1926 года настал день, когда мне пришлось сообщить Кутепову категорический отказ М.О.Р. от террора. Вопрос был поставлен ребром. Развязка стала неизбежной.

—

Захарченко и Радкович знали в Москве участника М.О.Р., называвшего себя Стауницом. Они даже были отданы под его попечение.

Якушев, в переписке с эмигрантами, называл его Касаткиным и министром финансов тайного монархического Объединения, но за границей, по понятной теперь причине, он не появлялся.

В апреле 1927 года Стауниц внезапно сознался Захарченко в том, что он, в действительности, латыш Опперпут, в свое время проникший, как советский агент, в савинковский Народный Союз Защиты Родины и Свободы.

Потрясенной этим признанием женщине он сказал, что М.О.Р. — чекистская «легенда», а Якушев, Потапов и скончавшийся в 1926 году Зайончковский всегда были только исполнителями указаний Г.П.У.

Он прибавил, что раскаялся в этом прошлом и хочет помочь находящимся в Москве кутеповцам, посоветовав им немедленное бегство за границу. В тот же день он и Захарченко двинулись в Финляндию, а Радкович и два его соратника — в Польшу. Советскую границу все перешли благополучно.

В Финляндии Опперпут повторил Кутепову, финнам и вызванным из Варшавы польским офицерам то, что он в Москве сказал Захарченко. Он напечатал свои разоблачения в финляндской прессе и в рижской газете «Сегодня». Он обратился к Кутепову с просьбой дать ему случай искупить вину перед

эмиграцией участием в террористическом акте на советской территории. Вопреки совету тех, кто Опперпуту не поверил, Кутепов согласие дал.

—

В конце мая из Финляндии вышли в Россию две группы террористов. Первая состояла из Опперпута, Захарченко и молодого офицера Петерса. Ее целью была Москва. Вторая — марковец-артиллерист Виктор Александрович Ларионов и бесстрашные юноши, Сергей Соловьев и Дмитрий Мономахов — должна была совершить террористический акт в Петрограде.

«Каждый террорист — сказано в изданной позже в Москве народным комиссариатом по иностранным делам книге «Белогвардейский террор против СССР» (1928 г.) — был вооружен двумя револьверами, большим маузером, ручными гранатами, бомбами и другими взрывчатыми веществами... Ленинградская группа определенного объекта покушения не имела. Было предоставлено ее усмотрению выбрать подходящее партийное и иное собрание. Московская группа должна была взорвать общежитие сотрудников О.Г.П.У. на Лубянке. Условлено было лишь, что ленинградская группа должна действовать лишь тогда, когда в печати появятся сведения о взрыве в Москве».

Это требование Опперпута обрекало петроградскую группу на бездействие и давало чекистам неограниченный срок на ее поимку. Но Ларионов не выдержал бездействия. Он и его друзья проникли 7 июня 1927 г. в здание партийного клуба на Мойке и забросали бомбами происходившее там собрание. По советским сведениям, 26 его участников были ранены, многие — тяжело. Пользуясь возникшей паникой, террористы скрылись и счастливо выбрались в Финляндию.

Для политбюро эта удача кутеповцев была не только неожиданной, но и страшной, потому что в тот же день в Варшаве был смертельно ранен советский полпред (посол) Войков, а вблизи польской границы — убит председатель Минского Г.П.У. Опанский, проезжавший по железнодорожному пути на открытой дрезине. Сделавшие это террористы обнаружены не были.

Судьба московской группы сложилась трагически для Захарченко и Петерса, а судьба Опперпута окончательно не разгадана. В книге о «белогвардейском терроре» он не упомянут, словно никогда не существовал.

«Хотя ей — сказано в этой книге о группе — удалось подложить в дом № 3/6 по Малой Лубянке в Москве мелинитовую бомбу весом в четыре килограмма, последняя в ночь на 3 июня была обнаружена и, таким образом, бедствие было предотвращено».

Участники покушения — по этой советской версии — пытались уйти на Запад, но смерть Марии Владиславовны в перестрелке с облавой вблизи станции Дретунь и смерть Петерса в такой же перестрелке вблизи Смоленска описаны в книге подробно. Существуют документы и свидетельские показания, эту версию подтверждающие.

Однако, Г.П.У., в опубликованном в советской печати сообщении, Опперпута назвало белым террористом и, даже больше, описало его смерть в месте и при обстоятельствах, полностью совпадающих с теми, которые народный комиссариат по иностранным делам связал с судьбою Петерса. Возникло, поэтому, обоснованное мнение, что Опперпут вернулся из Финляндии в Россию не для участия в терроре, а для противодействия ему.

Осенью 1944 года, в Берлине, генерал В. В. Бискупский рассказал мне, что в годы германской оккупации Киева немцами был разоблачен и расстрелян советский подпольщик, называвший себя Александром Коваленко и бароном фон Мантейфелем, но оказавшийся чекистом Опперпутом.

—

После гибели Захарченко и Петерса, кутеповцы совершили в 1927 году еще несколько походов в Россию, но это обошлось им дорого — организация потеряла, по меньшей мере, 80 процентов своего состава. Некоторые были захвачены большевиками и расстреляны. Другие были убиты с оружием в руках, в столкновениях с пограничной охраной или чекистами. На берегу Онежского озера, в окрестностях Петрозаводска, пал в перестрелке один из участников боевой вылазки Ларионова — Сергей Владимирович Соловьев.

Организация была обескровлена, но ее последнее слово сказано не было. В следующем году Радкович и Мономахов дошли до Москвы. Из них первый, 6 июня, взорвал бомбу в бюро пропусков на Лубянке. Застигнутый погоней вблизи Подольска, он застрелился. Судьба Мономахова мне не известна.

Пришлось подумать о пополнении кадров. Нужны были и средства, которых у Кутепова всегда было мало. В 1929

году наметилась возможность их получения и, притом, не из иностранного, а из русского источника — из заграничных вкладов дореволюционной России. Страх большевиков перед возобновлением боевой активности кутеповцев мог ускорить парижское преступление чекистов.

—

Оглядываясь назад, можно спросить, нужны ли были жертвы, понесенные организацией? Были ли они оправданы немногими боевыми удачами?

Уцелевшие участники описанных мною событий могли сказать, что для них организация была политической школой. Она раскрыла им глаза на методы борьбы коммунистов с эмиграцией и часть этого опыта до сих пор не лишена значения, но, поднимая оружие против большевиков, кутеповцы думали не об этом. Их вели в бой другие побуждения. В иностранной литературе об этой эпохе существуют строки, посвященные Георгию Николаевичу Радковичу. Их написал американец Павел Блэксток. Я их, в переводе с английского, повторю:

«Как и все остальные добровольные участники боевой организации генерала Кутепова, в течение нескольких лет проникавшие в С.С.С.Р. с разведывательными и террористическими заданиями, Георгий Радкович полностью отдавал себе отчет в связанном с этим риском. Его жена и друзья уже лишились жизни в таких походах. Говоря беспристрастно, дело, которому он служил, было действительно безнадежным, но тем, кого бы мы сегодня назвали истинно-верующими, нет нужды надеяться для того, чтобы что-либо предпринять. Когда он метнул свои бомбы и превратил в развалины часть ненавистной главной квартиры тайной полиции, Радкович должен был испытать мгновение свершения и преображения, редко достигаемое обыкновенным человеком. Его безымянные соратники тоже заслужили место в храме славы испытавших поражение. Они не написали воспоминаний. Умирая, они не произносили речей, а история их забыла. Их эпитафией остался страдальческий возглас одного из них:

— Для нас нет ни снисхождения, ни сострадания!».

Кутеповцы не ожидали ни наград, ни славы. Их единственным побуждением была любовь к поруганной России. Эту любовь они нам завещали.

ТРЕСТ

— ▪ —

ВОСПОМИНАНИЯ

1

Впервые я услышал имя Димитрия Федоровича Андро де Ланжерона в ноябре 1918 года, в осажденном петлюровцами Киеве. Он был тогда, по назначению гетмана Скоропадского, губернским старостой (губернатором) Волыни и привел оттуда в окруженный противником город отряд державной стражи (полиции).

В начале 1919 года, в Одессе, где я был переводчиком при французском консуле Энно, политическое отделение штаба войск Добровольческой Армии узнало, что мой отец хочет пробраться в занятый уже не украинцами, а большевиками Киев, к оставшейся там семье. По поручению штаба, поручик Арсений Федорович Ступницкий, в котором тогда никто не предсказал бы будущего редактора парижских советофильских «Русских Новостей», предложил мне сопутствовать отцу в этом опасном путешествии и восстановить утерянную связь с киевским тайным добровольческим центром. Накануне отъезда он вручил мне удостоверение, в котором было сказано, что моя служба во французском консульстве «являлась полезной для дела Добровольческой Армии».

9-го марта, в вагоне возвращавшегося во Францию Энно, мы приехали в Яссы, а оттуда двинулись дальше вдвоем по только что испытавшей войну Европе. Этапами были: веселый и беспечный Бухарест; населенный трансильванскими немцами Кронштадт; занятый румынами Арад; великолепный Бу-

дапешт; голодающая Вена и, наконец, Варшава, где мы задерживались в ожидании возможности перейти затихший польско-советский фронт. Нам помогли князь Евстафий Сапега и генерал Николай Иванович Глобачев, возглавлявший в Польше миссию дореволюционного Российского Красного Креста, занятую репатриацией военнопленных из Германии. Сапега устроил пропуск в Пинск и снабдил письмом к капитану Шарскому, начальнику опорного пункта польской разведки в этом городе, а Глобачев — удостоверениями, в которых мы были названы возвращающимися на родину киевлянами.

До нашего отъезда из Одессы представителем Добровольческой Армии был там генерал Гришин-Алмазов. В Варшаве мы узнали из газет, что его сменил генерал Шварц, назначивший Андро помощником по гражданской части.

13-го мая отец и я, простившись с Шарским у моста через Пину, перешли его и не погибли в весеннем половодье безлюдного Полесья только благодаря случайной встрече с крестьянином, жителем деревни Кривичи, не занятой ни поляками, ни большевиками. У него мы переночевали, а на следующее утро он в лодке доставил нас в Парахонск, где на железнодорожной станции хозяйничали красноармейцы.

Этот поход был для меня преддверием трагических событий. В Мозыре нам пришлось, по требованию станционного начальства, участвовать в разгрузке стоявших на запасном пути товарных вагонов, из которых мы выносили трупы скончавшихся от тифа людей. В Коростене нас задержали, как «колчаковцев», но вскоре отпустили. В Киеве отец был узнан, арестован и расстрелян. Я скрывался на Демиевке — окраине Киева — как рабочий национализированного садоводства. Управлял им бывший владелец, русский немец. Там я встретился с генералом К. и полковником С., которых нельзя было назвать активным добровольческим центром — жили они только надеждой на скорое освобождение города приближавшимися к нему белыми войсками.

Вместо них, первыми заняли Демиевку сечевые стрелки Коновальца, но на следующий день, после короткой перестрелки у городской думы с передовым добровольческим отрядом, им пришлось из Киева уйти.

Прикомандированный к управлению главноначальствующего Киевской области, генерала Абрама Михайловича Драгомирова, я радостно надел погоны и пришил к рукаву трехцветный угол, но радость оказалась непрочной. Освобождение

не дало киевлянам ни безопасности, ни порядка. Большевики ворвались в город 1-го ноября, но были отброшены за Ирпень, а 3-го декабря я простился с матерью и братом Юрием, не зная, увижу ли их когда-либо.

В конце января 1920 года, при оставлении Одессы генералом Н. Н. Шиллингом, я, как многие участники борьбы с большевиками, был брошен в порту на произвол судьбы. Меня и сослуживца, прапорщика Кравченко, спасло из мышеловки возвращение в город. Незнакомая еврейская семья впустила в свою квартиру постучавших в дверь «золотопогонников».

Выбраться из захваченной большевиками России мне удалось лишь в сентябре 1921 года. Перейдя у деревни Майково, вблизи Острога, установленную Рижским договором польскую границу, я вернулся в Варшаву, куда до меня — тем же, нелегальным, с советской точки зрения, образом — перебрались из Киева мать и брат.

Во время этих испытаний я ни разу не вспомнил Д. Ф. Андро де Ланжерона.

—

В Варшаве насущной заботой стали имущественные дела, расстроенные смертью отца, войной и инфляцией. Они привели меня к адвокату Антонию Корнецкому.

Он был поляком и ревностным католиком — настолько ревностным, что Ватикан пожаловал ему звание папского камергера — но, в то же время, другом русских эмигрантов.

Отбыв в молодости воинскую повинность вольноопределяющимся Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка, расквартированного в Варшаве, он навсегда сохранил добрые отношения с его офицерами. Их фотографии в доломанах и парадных ментиках не исчезли из его кабинета, когда в России случилась революция, а Польша стала независимой республикой. При распространенной тогда руссофобии, это было редким проявлением гражданского мужества. Эмигранты это оценили и шли к Корнецкому толпой.

Однажды, дату вспомнить не могу, — он познакомил меня со своим клиентом — высоким, грузным и, по сравнению со мной, не молодым человеком, Димитрием Федоровичем Андро.

—

Он показался мне тогда стариком. Теперь я знаю, что было ему лет пятьдесят с небольшим и что происходил он от одного из тех французских роялистов, которым император Павел Петрович предоставил убежище на Волыни.

Обрусевший внук французского эмигранта окончил Пажеский корпус, участвовал в Турецкой кампании 1877-1878 г.г., командовал после нее Донским казачьим полком. Поэтому и правнук, мой новый знакомый, был пажем, выпущенным в 1890 году из корпуса Лейб-Гвардии в Казачий полк. Уйдя в запас в чине сотника, он поселился в Ровенском уезде, в имении Деражня. Там застала его революция.

В 1921 году, после раздела Волыни на советскую и польскую часть, он благоразумно решил избавиться от близости к границе. Деражня была продана графу Потоцкому, а Андро приобрел другое поместье в Поморском воеводстве, недалеко от Данцига. Обойтись без адвоката он не мог, а для меня встреча с ним у Корнецкого стала первым шагом к участию в организации, стяжавшей печальную известность под условным обозначением — Трест.

—

Не знаю, почему Андро захотел со мной познакомиться, но предполагаю, что причиной была моя служба в варшавском телеграфном агентстве Русспресс.

В польской столице существовал в те годы русский военно-исторический кружок, основанный генералом Пантелеймоном Николаевичем Симанским. Военное искусство и история не были единственными темами его собраний. Положение России также привлекало внимание. Я дважды рассказал в нем то, что видел и пережил под советской властью. Сократив эти сообщения, я послал их, как статьи, парижскому «Общему Делу», которое их напечатало. Их заметил владелец Русспресса Сергей Михайлович Кельнич. Ему я обязан тем, что на многие годы стал профессиональным журналистом.

Андро, жившему в деревне и бывшему в Варшаве наездом, не хватало злободневной информации. Он ее получал в разговорах со мной. Мы встречались в просторной квартире его польского родственника, нотариуса Гуляницкого. Андро, вторым браком, был женат на его сестре Марии Антоновне.

Помню место этих встреч — светлый зал в старом доме на Медовой улице, скудно обставленный роялем, пальмами в

кадках и мягкими креслами в коленкоровых чехлах вокруг низкого, круглого стола. Там, весной 1923 года, Андро познакомил меня с Юрием Александровичем Артамоновым, которого назвал представителем Высшего Монархического Совета.

—

Согласившись на это свидание, я предполагал, что увижу человека пожилого. Членами Совета, обосновавшегося в Берлине, были люди, создавшие себе имя до революции. В моем воображении, они были синклитом почтенных старцев. Возраст их представителя меня удивил.

Артамонов был только года на три старше меня. Лев Никулин, автор «Мертвой зыби» — изданного в 1967 году в Москве лживого советского рассказа о Тресте — состарил его на десять лет, приписав окончание Лицея в 1907 году. В действительности, он был лицеистом последнего выпуска — окончил его после революции, весной 1917 года, уже будучи вольноопределяющимся Лейб-Гвардии Конного полка.

Он был красив — той мягкой, женственной красотой, которой славились некоторые дворянские и купеческие семьи таких приволжских губерний, как Нижегородская и Ярославская, да он и был волжанином по матери, рожденной Пастуховой. Особенно хороши были глаза — синие, оттененные длинными ресницами.

В обращении он был благовоспитанным петербуржцем. В Варшаве, где русскими эмигрантами были, большей частью, беженцы из южных и западных губерний, некоторые обороты его столичной речи привлекали внимание.

Разговор, в присутствии Андро, был короток и незначителен. Я не скрыл от представителя зарубежных монархистов, что не верю в возможность свержения большевиков эмигрантами или иностранцами. Во мне еще было живо ощущение стихийной силы обрушившейся на Россию катастрофы. Неотвратимость некоторых, порожденных ею, перемен казалась мне очевидной. Отношение к Белому движению, к жертвенному подвигу его участников, оставалось положительным, но повторение в прежнем виде казалось невозможным. Коммунисты были для меня поработителями русского народа, его злейшими врагами, но взрыв сопротивления в сердце страны — в Москве — казался вернейшим путем к освобождению.

Артамонов меня выслушал и предложил продолжить разговор на следующий день.

—

Даже не все коренные варшавяне жили тогда в собственных квартирах. В переполненном городе, ставшем столицей нового государства, это было для многих недоступной роскошью. Приезжие и эмигранты ютились по чужим углам.

Артамонов снимал комнату в польской семье, на Маршалковской улице, в ее спокойной, не торговой части. Обстановка показалась мне не трудовой. На письменном столе, над стопкой разноязычных книг, лежала ракета. Ее владелец, очевидно, только что, в полдень, вернулся с тенисной площадки.

Заговорив о мнениях, высказанных мною у Андро, он прибавил, что полностью их разделяет — борьба должна возобновиться в России, где, впрочем, она уже ведется.

Высший Монархический Совет — признался он — был ширмой, которую Андро назвал по его просьбе. В действительности, он представляет в Варшаве другую, тоже монархическую, но тайную организацию, существующую не в Берлине, а в Москве.

Назвав ее Монархическим Объединением Центральной России, он сообщил, что оно возглавлено генералом Андреем Медардовичем Зайончковским, создавшим в 1918 году, после захвата власти большевиками, антисоветский кружок офицеров-монархистов.

Вскользь упомянув свою недолгую причастность к этому кружку, он затем рассказал службу в Северо-Западной белой армии генерала Юденича; описал нелегкую жизнь в Эстонии после демобилизации русских добровольческих частей; заговорил о Ревеле, где его положение улучшилось благодаря знанию иностранных языков, и закончил рассказ встречей с бывшим воспитателем Лицея, тайным монархистом и советским служащим, воспользовавшимся заграничной командировкой для установления связи с эмигрантами.

Эта встреча — по его словам — была не единственной. В Ревеле побывали и другие посланцы из Москвы. Отношения наладились настолько, что М.О.Ц.Р. назначило его своим резидентом в Варшаве. В подтверждение он показал удостоверение второго отдела польского генерального штаба о том, что «господин Юрий Артамонов проживает в Польше с ведома этого штаба и пользуется его покровительством».

Все это было сказано просто, без рисовки и громких слов. Он не предложил мне стать членом М.О.Ц.Р., не потребовал присяги в соблюдении тайны, не настаивал на каком-либо обя-

зательстве, но ограничился просьбой помочь ему разобраться в тех сторонах местной жизни — польской и русской — которые знал недостаточно.

—

Я был польщен доверием и взволнован тем, что услышал. Ни малейшего недоверия к Артамонову во мне не возникло ни тогда, ни позже, когда я — четыре года спустя — узнал, что тесно связанное с боевой организацией генерала Александра Павловича Кутепова Монархическое Объединение России, бывшее М.О.Ц.Р., было в действительности орудием чекистов.

После полутора лет кустарной, но увлекательной подпольной работы Союза Освобождения России, в которой я участвовал в Одессе и Ананьеве в 1920-1921 г.г., мне, в благополучном варшавском спокойствии, недоставало борьбы, опасности и выполнения национального долга. Я искал применения моему патриотизму. Артамонов его указал.

Другого я тогда не видел. Русская эмиграция в Польше была ослаблена, разбита постигшими ее ударами — принудительным отъездом Б. В. Савинкова в Прагу и высылкой Л. И. Любимовой и ее сотрудников по русскому зарубежному Красному Кресту из Варшавы в Данциг. Выходившая в Варшаве под редакцией Д. В. Философова газета «За Свободу» была не только антисоветской, но и республиканской. Ее враждебное, даже злобное отношение к русским монархистам изменилось значительно позже, после удачного покушения Б. С. Коверды на жизнь советского полпреда Войкова.

Где-то далеко, в Югославии, был генерал Петр Николаевич Врангель. Светлый ореол озарял его имя в моих глазах с тех дней, когда Союз Освобождения России, летом 1920 года, установил из Одессы связь с белым Крымом, но в возможность военного похода эмигрантов в Россию я не верил. Артамонов сказал мне то, что я хотел услышать.

—

Четыре года меня обманывала та советская «легенда», в которую Артамонов невольно, как продолжаю думать, меня вовлек. В апреле 1927 года провокация была разоблачена «бежавшим» из Москвы в Гельсингфорс чекистом Опперпутом, называвшим себя в М.О.Р. одновременно Стауницом и Касаткиным. Я не сомневаюсь в том, что его «бегство» было ходом

в сложной игре чекистов, вынужденных ликвидировать Трест, но желавших сохранить контроль над боевыми действиями Кутеповской организации. Советские сообщения о судьбе Опперпута, после его возвращения из Финляндии в Россию, настолько противоречивы, что поверить им невозможно. Обнаружил я эти противоречия позже. В 1927 году появление Опперпута за границей и его разоблачения были для меня тяжким ударом.

23-го мая, по просьбе Артамонова, я передал ему письмо, обращенное к «господину Александровичу». Этот прозрачный псевдоним был создан наспех — М.О.Р. и Кутеповская организация называли его Липским.

Письмо подвело итог моему участию в том, что, по непростительной доверчивости, долго казалось нам существующей в России тайной монархической организацией. Не сохранись оно, я, вероятно, не все бы вспомнил. К счастью, могу привести его полностью, прибавив в скобках несколько поясняющих слов.

2

«Вы — сказано в письме — обратились ко мне от имени начальника второго отдела генерального штаба польской армии с просьбой восстановить в моей памяти и изложить в письменном виде содержание моей переписки с Монархическим Объединением России — Трестом. Я охотно исполняю эту просьбу, так как считаю, что в сложившейся обстановке выяснение всех обстоятельств дела Треста в одинаковой степени важно как для русской национальной эмиграции, так и для Польши.

Моя переписка с М.О.Р. началась вскоре после нашего знакомства и установления связи между Вами и мною. Продолжалась она, более или менее регулярно, с 1923 по 1927 год, прекратившись лишь в апреле с. г. по причинам Вам известным. Однако, и по своей интенсивности, и по содержанию, переписка эта распадается на несколько самостоятельных периодов.

Первый из этих периодов может, примерно, считаться со дня нашего знакомства до того дня, когда Вы познакомили меня с Александром Александровичем (Якушевым) и Николаем Михайловичем (Потаповым). В этот период я совершенно не касался в моих письмах, адресованных в «Правление Тре-

ста», вопросов организационных. Письма этого периода могут быть названы информационными.

Содержание их касалось, главным образом, событий местной политической жизни и было пересказом тех моих статей и корреспонденций, которые одновременно опубликовывались мною в существовавших тогда, и частично продолжающих существование ныне, органах русской заграничной печати.

Наиболее интенсивной и регулярной была отсылка таких информационных писем в первый год моей переписки с М.О.Р. Дабы ниже не возвращаться к этому вопросу, отмечу, что постепенно отправка этих писем начала становиться более редкой, а затем и совершенно прекратилась ввиду того, что на мои запросы, обращенные к Александру Александровичу, о том, насколько эти мои произведения могут представлять для него интерес, ответа я не получил, а сам считал мои сообщения не представляющими для М.О.Р. достаточного интереса ввиду общей и, так сказать, публицистической трактовки тем. Постепенно отправка такого рода информационных писем прекратилась совершенно и лишь в 1927 году мною вновь было отправлено Александру Александровичу несколько таких писем — на этот раз простые, дословные копии моих статей, опубликованных в газете «Руль».

После свидания моего с Александром Александровичем переписка начала адресоваться мною на его имя, но в содержании ее появился новый элемент, который может быть назван организационным. В первые месяцы после моего знакомства с А. А. переписка продолжала быть интенсивной, то есть письма отправлялись довольно часто и мною были сделаны А. А-чу некоторые предложения о расширении связей М.О.Р., но ответ был получен отрицательный и потому переписка этого рода тоже постепенно ослабела.

Из отдельных затрагивавшихся в ней тем, я припоминаю следующие:

а) о Петлюре;
б) о Рижском мирном договоре;
в) о моей работе в русской заграничной печати;
г) о Димитрии Федоровиче (Андро де Ланжероне);
д) о польской национальной демократии.

Письмо о покойном С. В. Петлюре было написано А. А-чу после моего свидания с Петлюрой, устроенного мне ныне также покойным членом Центрального Украинского Комитета в Польше А. Ф. Саликовским. Описание этого свидания и заяв-

ления Петлюры, им самим для меня написанные, были мною несколько позже опубликованы в печати, так что в настоящее время они не составляют тайны.

Письмо о Рижском договоре было — точно не помню — или отправлено А. А-чу в Москву или передано ему во время его второго пребывания в Варшаве. В этом письме я изложил мой взгляд на Рижский мирный договор, как на единственную возможную основу отношений между Россией и Польшей, даже после падения советской власти; осудил, как непрактичную, точку зрения той части русской эмиграции, которая не имеет мужества принимать обязывающие в области внешней политики решения, и советовал М.О.Р. стать на мою точку зрения и исходить из Рижского договора, как базы для будущих русско-польских отношений. Я констатировал, что опасность для мирного развития русско-польских отношений может быть создана не только попыткой нарушения Рижского договора, в территориальном отношении, Россией, но и поддержкой украинского и белорусского сепаратизма внутри России со стороны Польши, если бы польская политика, вопреки Рижскому договору, стала на этот путь. А. А. — насколько я помню — разделил в разговоре со мной эту точку зрения на Рижский договор.

Письмо о моей работе в русской заграничной печати довольно подробно излагало мои связи с русскими органами печати и предлагало М.О.Р. мои услуги по распространению в этой печати правильных сведений о положении в советской России. Ответом на это письмо была присылка на мое имя материалов, передававшихся мне через Вас. Одно время среди этих материалов были «сводки Г.П.У.», а затем, главным образом, статьи Серова по церковным вопросам. Эти статьи были мною широко использованы для пропаганды против антицерковной политики большевиков и продолжали поступать до самого конца моей переписки с М.О.Р., то есть до апреля с. г., так что последнее письмо Серова о причинах ареста митрополита Сергия было опубликовано мною в парижском журнале «Борьба за Россию» уже после появления Опперпута в Финляндии и его разоблачений. Впоследствии, после установления регулярной связи в «окно» (согласованное М.О.Р. с польским генеральным штабом место перехода польско-советской границы участниками Треста и Кутеповской организации) через Михаила Ивановича (оказавшегося впоследствии чекистом М. И. Криницким), я неоднократно получал от него, по моей

просьбе, минскую газету «Звезда» и различные советские журналы, которыми также широко пользовался в моей профессиональной работе.

Письма о Д. Ф. (Андро де Ланжероне) содержали описание моих разговоров с ним, как с лицом, считавшим себя связанным с М.О.Р. Как Вам известно, ничего интересного и существенного ни эти разговоры, ни взгляды Д. Ф. на положение не представляли.

После свидания А. А. (Якушева) с представителями польской национальной демократии, на котором я не присутствовал, мною была составлена и отправлена (или передана) А. А-чу очень подробная записка об этом польском политическом течении. Записка эта не касалась организационной стороны жизни польской политической партии, мне совершенно не известной, но подробно разбирала истоки национал-демократической идеологии в Польше, причины переживаемого польским обществом идеологического кризиса, причины падения авторитета национал-демократов в польском обществе и, со сравнительно большой точностью, предсказывала неизбежность кризиса и перехода власти в Польше в руки маршала Пилсудского. В конце записки я предсказывал неизбежное, в будущем, образование новой польской национальной идеологии и распад течений, так или иначе связанных с тем временем, когда Польша жила в состоянии «разделов». Копия этой записки довольно долго мною хранилась, но после майского переворота (захвата власти Пилсудским в мае 1926 года) я использовал изложенные в ней мысли, переставшие быть запретными, в моих статьях и корреспонденциях из Польши, а самую рукопись за ненадобностью уничтожил.

За весь этот период переписка продолжала быть односторонней, то есть отдельные ответы на затрагивавшиеся мною вопросы давались А. А-чем в его письмах на Ваше имя, а я сам писем от А. А-ча не получал.

Я считаю это главной причиной того, что постепенно моя переписка с М. О. Р. замерла и наступил второй период, тянувшийся с середины 1924 до апреля 1927 года. В этот период я всецело перешел к отправке в М.О.Р. материалов, извлеченных из периодической печати с двумя исключениями, о которых ниже.

Отправка материалов, извлеченных из печати, началась с отсылки А. А-чу вырезок из газет по вопросам, могущим, как тогда казалось, представлять для него интерес. Постепен-

но, отправка вырезок превратилась в отсылку обзоров, которые первоначально составлялись на пишущей машинке, а затем, для упрощения работы, путем наклейки вырезок из газет на бумагу и касались исключительно жизни русской эмиграции, почти исключительно — вне пределов Польши. Никакого материала, кроме извлечений из газет, в эти обзоры совершенно сознательно не включалось. Копии тех обзоров, которые составлялись на пишущей машинке, у меня сохранились и я прилагаю их к настоящему письму, одновременно соглашаясь на их предъявление начальнику второго отдела генерального штаба, но обращаясь к Вам с просьбой о возвращении их мне, ибо, в сложившейся обстановке (обнаружении советской провокации в М.О.Р.) они являются для меня крайне ценным оправдательным документом. Всего в М.О.Р. мною было отправлено 85 таких обзоров.

Насколько память мне не изменяет, за весь этот период я только раз обратился к А. А-чу с письмом по принципиальному вопросу. Оно касалось возможности моей поездки на состоявшийся в апреле 1926 года в Париже Зарубежный Съезд и выясняло отношение М.О.Р. к желательности моего участия в этом съезде. Через Вас мною было получено подписанное А. А-чем письмо с любезным, но категорическим заявлением о том, что этот «курьезный», по выражению А. А-ча, съезд его не интересует.

Вторым исключением была моя переписка с М.О.Р. во время Вашего прошлогоднего (в 1926 году) отпуска. Мною было получено из Москвы, через генеральный штаб, несколько пакетов с сопроводительными письмами, подписанными либо А. А-чем, либо С. Мещерским. Сопроводительные письма эти не содержали ровно ничего интересного, а приложенные к ним письма на имя ген. Кутепова и других лиц были мною отправлены по назначению. В Москву мною, при сопроводительных письмах, отправлены были (через генеральный штаб и дипломатических курьеров) письма, полученные от ген. Кутепова и, насколько помню, первая часть рукописи В. В. Шульгина «Три столицы».

В тот же период в Варшаве состоялось мое свидание с П. Б. Струве. Подробное письмо об этом свидании и пожеланиях Струве было отправлено в Москву и адресовано «в правление Треста».

Вышесказанным моя переписка с М.О.Р., насколько помню, исчерпывается. Остается сказать несколько слов о моей пе-

реписке с Александром Алексеевичем Денисовым (псевдоним А. А. Лангового). Я написал ему за все время существования нашей связи несколько писем по общим евразийским организационным и идеологическим вопросам и получил несколько ответов, которые тогда же были мною приняты и охарактеризованы в разговоре с Вами, как отписки. Кроме А. А-ча й А. А. Денисова я ни с кем из М. О. Р. — Треста не переписывался.

По содержанию вышеизложенного я всегда готов дать генеральному штабу как устные, так и письменные разъяснения. Поскольку эти разъяснения могут затронуть вопросы, выходящие за пределы расследования того, чем был в действительности Трест, а касающиеся внутренних эмигрантских дел и отношений, я считаю необходимым получить предварительное письменное разрешение генерала Кутепова».

—

Заключительная фраза моего письма показывает, насколько, даже в трудные дни разоблачения чекистской провокации, которой мы, эмигранты, невольно способствовали верой в существование в России большой и мощной подпольной монархической организации, соратники А. П. Кутепова по борьбе с большевиками стремились оградить свое русское достоинство.

Согласие Кутепова на сообщение польскому генеральному штабу дополнительных сведений мне, однако, не понадобилось. Второй отдел удовлетворился письмом и не потребовал дополнений, ни письменных, ни устных. Его доверие к Кутеповской организации и ко мне поколеблено не было. Когда позже, по причине не связанной с делом Треста, штаб изменил свое отношение к Артамонову и потребовал его отозвания из Варшавы, его преемником был назначен я.

Резидентом Кутепова в Польше я остался до его похищения чекистами в Париже, в январе 1930 года, и расстался с созданной им боевой организацией и со всякой тайной политической активностью не при нем, а при том лице, которому генерал Евгений Карлович Миллер поручил то, что тогда называлось «работой на Россию». Новый начальник организации хотел ее продолжить на началах, которым я — по деловым и личным побуждениям — сочувствовать не мог.

Копии посланных в Москву обзоров были мне возвращены. Сохранились полученные мною в 1926 году письма Якушева. Одно из них показывает, что отрицательное отношение М.О.Р. к моему участию в Зарубежном Съезде определилось не сразу.

Вначале Якушев поездку одобрил, но затем изменил мнение. Возможно, что причиной перемены было желание не допустить моей встречи с Кутеповым, которого я тогда знал только по его переписке с Артамоновым и Трестом. Разговор с ним мог привести к сравнению наших впечатлений от Якушева и Потапова, а это могло поколебать доверие к ним. Москва на этот риск не пошла.

Сохранившийся ответ Якушева на пожелания Струве кажется мне ключем к пониманию одной из главных задач, поставленных чекистами их агентам в М. О. Р. Оно, может быть, объясняет не только это, но и одну из причин решенной возглавителями О.Г.П.У. самоликвидации великой провокации.

3

Артамонов был евразийцем. Он подарил мне «Исход к Востоку» — первый, изданный в 1921 году в Софии, евразийский сборник. От него я услышал имена Петра Николаевича Савицкого, князя Николая Сергеевича Трубецкого и Петра Петровича Сувчинского.

Восприятие России, как особого мира, не европейского и не азиатского; признание идеи-правительницы необходимой основой успешной борьбы за освобождение от коммунизма и построение новой Империи; провозглашение идеократии наиболее прочным и разумным государственным строем; бытовое исповедничество, как фундамент национальной жизни — все это казалось мне тогда, да и теперь кажется, привлекательным и верным. Исторические и геополитические труды основоположников евразийства дополнили то, что дало мне общение с Артамоновым, но евразийцем, в полном смысле слова, я не стал. Вначале этому помешала недостаточная связь Варшавы с Прагой и Парижем — главными очагами евразийского движения. Затем сказался присущий мне консерватизм, не мирившийся с революционностью некоторых евразийцев. Главной причиной стало позже решительное отталкивание от положительного отношения газеты «Евразия» к советчине.

Из видных участников движения я знал только П. Н. Савицкого. Переписка с ним возникла, по моему почину, в сентябре 1924 года. Прервало ее не разоблачение Треста, а начало 1930 года, когда тот чистый, благородный человек, которым Савицкий, несомненно, был, не проявил достаточной

твердости в сопротивлении проникшему в евразийскую среду предательству, называвшему себя идейным разногласием.

Встретился я с Савицким только раз, когда он, при содействии М.О.Р., ехал из Праги в Москву на тайный евразийский съезд, бывший — как теперь известно — чекистской инсценировкой. Мы встретились в Варшаве, у Артамонова, за час до отъезда на советскую границу. Ее предстоящий переход не способствовал разговору.

До или после «съезда» — точно вспомнить не могу — в Варшаве появился перешедший границу в «окно» Александр Алексеевич Ланговой, называвший себя евразийцем. Две его поездки в Польшу, упомянутые Никулиным в «Мертвой зыби», состоялись, по этой советской версии, зимой, но Артамонов познакомил меня с ним летом или осенью.

Молодой, долговязый, вертлявый человек со впалой грудью, сын московского врача, близкого до революции к Максиму Горькому и к другим революционным писателям, не понравился мне обостренным любопытством к связям эмигрантов с Россией и не вязавшимися с «бытовым исповедничеством» эпикурейскими замашками. Во всей его повадке было что-то неприятное, порочное, но я подавил это впечатление, подрывавшее веру в М.О.Р., и не поделился им с Артамоновым.

Теперь — благодаря Никулину — известно, что сестра Лангового, Наталия Алексеевна Рославец, была чекисткой.

—

Евразийство привлекло меня объяснением причин постигшей Россию катастрофы, но организационно я считал себя связанным не с ним, а с тем тайным Монархическим Объединением, которое в Варшаве представлял Артамонов.

Я не ждал от него полной откровенности, понимая, что он связан конспирацией, которую не может, без необходимости, нарушить. Доверие объяснялось, помимо убеждения в порядочности Артамонова, тем, что М.О.Р. было возглавлено Зайончковским, бывшим командиром Петровской гвардейской бригады, которого должен был знать Кутепов, служивший в Преображенском полку.

Теперь я знаю из неопубликованных воспоминаний Александра Сергеевича Гершельмана, что побывавшие за границей эмиссары Треста, встречавшиеся с русскими монархистами, называли и других бывших генералов, причастных, по их сло-

вам, к тайной организации в России — Шапошникова, Лебедева и Потапова.

Первые два имени я в годы моей связи с М.О.Р. ни от кого не слышал, а в принадлежности Николая Михайловича Потапова к Тресту убедился осенью 1923 года.

—

Артамонов постепенно рассказал мне не только существование в Москве сильной, сплоченной монархической организации, но и ее связь с великим князем Николаем Николаевичем, генералом Кутеповым и Высшим Монархическим Советом. Он сообщил, что Кутепов назначил его своим резидентом в Варшаве и раскрыл мне картину того содействия, которое тайным монархистам оказывали штабы — польский, эстонский и финляндский.

Я не сомневался в том, что эта помощь дается не даром и что за нее М.О.Р. расплачивается нужными штабам сведениями о большевиках и их вооруженных силах, но, при моем отношении к коммунистам, как к разрушителям России и поработителям русского народа, я не видел в этом ничего предосудительного.

Я узнал, что письма Кутепова доставляются в Москву в польских дипломатических вализах и что так же привозятся оттуда ответы Треста. В 1926 году я сам в этом убедился.

По собственному желанию — я не расспрашивал — Артамонов назвал Александра Александровича Якушева, ставшего первым звеном его соприкосновения с М.О.Р. Он описал его приезд в Ревель приблизительно так, как это значительно позже сделал Никулин в «Мертвой зыби».

В августе 1923 года Артамонов уехал на несколько дней из Варшавы в Германию. Там, в Потсдаме, в русской церкви, состоялось задуманное в Ревеле его венчание с Александрой Кирилловной Олсуфьевой. Мне показалось странным, что посаженным отцом жениха на этой свадьбе был Якушев, но недоумение осталось мимолетным — раз представитель М.О.Р. мог пользоваться советскими заграничными командировками для встреч с эмигрантами, его участие в семейном торжестве одного из них было незначительной подробностью.

Россия переживала расцвет «новой экономической политики». Ею, по мнению тех, кто верил в мощь М.О.Р., объяснялось многое, что позже, при Сталине, было бы очевидно невозможным. Кроме того, как верно сказано о Тресте в «Мертвой

зыби», «в него верили потому, что подпольная монархическая организация в центре России была заветной мечтой эмигрантов».

—

А. К. Артамонова была молода, красива и общительна. Даже в таком блестящем, элегантном городе, как Варшава, ее и мужа трудно было не заметить, тем более, что Артамонов нигде не служил и охотно бывал в обществе, сблизившись с кружком обеспеченных и развлекавшихся русских варшавян.

Это вызывало подозрения. Пожилой эмигрант Гернгросс, бывший офицер, заполнявший досуг прогулками по городу, несколько раз, проходя по Саксонской площади мимо здания генерального штаба, заметил Артамонова, входившего в этот дом.

Своим наблюдением он поделился с моей матерью, прибавив, что пойманный им с поличным Артамонов несомненно состоит на службе штаба осведомителем о русской эмиграции. Это обвинение было безопаснее правды, а опровержение — не только не возможно, но и не желательно. Я, однако, рассказал Артамонову этот случай. Он повторил мой рассказ штабу, но ничто не изменилось — резидент М.О.Р. продолжал среди бела дня относить в штаб пакеты, предназначенные Москве, и возвращался туда за московскими ответами.

Вскоре я убедился в том, что штаб был в конспирации так же неопытен, как и мы.

—

Зашифрованный дневник, отметивший дату моей первой встречи с Якушевым и Потаповым, был сожжен в июле 1944 года, когда советские войска подошли к Варшаве и его безопасное хранение перестало быть возможным. Помню, что осенью 1923 года, после возвращения из Германии, Артамонов предупредил меня о предстоящем приезде Якушева в Варшаву и прибавил, что приедет он не один, а со вторым, еще более видным участником М.О.Р. — бывшим российским военным агентом в Черногории, генералом Потаповым.

Свидание состоялось вечером, в небольшой комнате на Хлодной улице № 5, где Артамоновы временно поселились после свадьбы. С порога бросилось в глаза светлое пятно — абажур невысокой лампы на столе у единственного, скрытого тяжелой портьерой окна. Справа от него сидел, наклонив-

шись вперед, сутуловатый, лысый человек. Я заметил желтоватый, нездоровый цвет его лица; высокий лоб; некрасивый нос; проницательный взгляд острых, черных глаз. Второго гостя я рассмотрел не сразу — он был в тени, откинувшись на спинку стула. Не сразу я увидел тяжелое, полное тело и одутловатое, скуластое, очень русское лицо.

Впрочем, в этот вечер я меньше всего был занят внешностью приезжих. Внимание было поглощено другим — впервые я увидел в Варшаве людей, называвших себя монархистами и появившихся, как в сказке, из советской Москвы, а то, что я знал тогда об их дореволюционном прошлом, казалось оправданием безусловного доверия.

Теперь я знаю, что бывший генерал-лейтенант Потапов, называвший себя в Тресте Медведевым, был офицером генерального штаба, прослужившим 12 лет в Черногории и вернувшимся в Россию за два с половиной года до февральской революции, к которой он незамедлительно примкнул.

Теперь мне известно, что большевики назначили его в ноябре 1917 года первым советским начальником генерального штаба, преемником отстраненного ими генерала Марушевского, и что позже он, по их назначению, был помощником управляющего военным министерством, большевика Подвойского.

Теперь я знаю содержание составленной им 7-го декабря 1918 года и опубликованной Академией Наук СССР в первом выпуске ее «Исторического Архива» за 1962 год «Краткой справки о деятельности народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции». Поэтому я теперь не понимаю, как могли его сверстники, бывшие начальники и сослуживцы, поверить в искренность его монархических взглядов. Но тогда — в комнате Артамоновых — все это мне не было известно, а Потапов был в моих глазах заслуженным офицером царской службы, поставившим на карту жизнь ради восстановления монархии.

—

Наигранная осторожность была проявлена Потаповым вскоре после нашей первой встречи, когда он попросил А. К. Артамонову и меня свезти его в Лазенки — романтический варшавский парк, украшенный прелестным, небольшим дворцом короля Станислава-Августа, лебединым прудом, отраженными в нем колоннами летнего театра и тенистыми аллеями

Юрий Александрович Артамонов

Юрий Александрович Артамонов

у подножия крутого холма, на котором стоит другой дворец — исторический Бельведер.

Просьбу он объяснил тем, что знал Лазенки в те далекие годы, когда молодым офицером начинал службу в расквартированном вблизи этого парка Лейб-Гвардии Волынском полку.

Встретившись в городе, мы наняли извозчика и въехали в Уяздовские аллеи, ведущие к Лазенкам, когда Потапов вдруг, в безоблачное утро, попросил возницу поднять верх пролетки.

— Не нужно — объяснил он — чтобы нас увидели вместе.

В Лазенках этот человек, приехавший в Варшаву по указке чекистов для обмана эмигрантов и поляков, вел себя сентиментально. Он прошел вглубь парка, отыскал старую липу, раскинувшуюся над лужайкой, остановился и долго, сосредоточенно простоял под этим деревом, не сказав ни слова. Даже веселая и склонная к насмешке А. К. Артамонова была тронута отразившейся на нем печалью.

Якушев не прятался. Его встреча с Романом Дмовским и другими польскими национал-демократами упомянута в моем письме Артамонову. Неоднократно Артамоновы и я ужинали с ним в превосходных варшавских ресторанах. Он оказался опытным гастрономом и ценителем тонких вин.

—

Во дни этого пребывания московских гостей в столице Польши мне показалось странным желание Якушева побывать в цирке. Артамонова оно тоже смутило. Он попробовал отговорить его от этой затеи тем более, что Потапов должен был в ней участвовать, но Якушев проявил настойчивость.

Любовь к цирку — сказал он — настолько в нем сильна, что не увидеть варшавского он не может, а риск настолько невелик, благо в Варшаве никто его и Потапова не знает, что беспокоиться не о чем.

Мы неохотно уступили и просидели спектакль в ложе, на виду у всех. По пути в цирк Потапов мельком спросил мою жену, остался ли кто-либо из ее родственников в России. Из всегда соблюдавшейся нами, в этом отношении, осторожности, она ответила отрицательно.

Теперь я думаю, что Якушев захотел побывать в цирке не из любви к нему. Он, вероятно, хотел показать предупрежденным об его приезде тайным советским агентам, что все — с точки зрения чекистов — обстоит благополучно.

—

Удивительным, по нарушению элементарной конспирации, был обед, данный Артамонову и мне начальником русской секции второго отдела генерального штаба, капитаном Михаилом Таликовским. Он пригласил нас в ресторан гостиницы Бристоль — один из лучших в Варшаве. Мы сидели в общем зале втроем — польский офицер в военной форме и двое русских эмигрантов.

До 1926 года этот обед был моим единственным контактом с генеральным штабом. Помню, как меня — во время этой встречи с Таликовским, несомненно располагавшим значительными средствами на представительство — удивила его скромность. Далеко не новый мундир был аккуратно заплатан на локте.

Таликовский был поляком, но уроженцем Одессы, свободно говорившим по-русски. Писал он на этом языке правильно, по старой орфографии. Якушев и Артамонов называли его Михаилом Михайловичем.

Сохранилось написанное им 20-го мая 1924 года собственноручное письмо А. К. Артамоновой:

«Многоуважаемая Сударыня!

Честь имею известить Вас, что в ответ на телеграмму, посланную Юрием Александровичем, получен ответ: «В ночь с субботы на воскресенье 24-25 мая будем в окне. Андрей Ев.»

Остаюсь с почтением,

Таликовский»

—

Речь шла, очевидно, о шифрованной телеграмме, посланной штабом по просьбе Артамонова своему представителю при польском посольстве в Москве для передачи М.О.Р., и об ответе, полученном этим офицером от Треста.

Не знаю, кто должен был тогда перейти границу из России в Польшу, так как ее, в ту пору, неоднократно переходили в обе стороны участники Кутеповской организации, но письмо Таликовского, подписанное его подлинной фамилией, интересно, как документ, освещающий отношения польского штаба к резиденту русской монархической организации.

Захват власти Пилсудским в мае 1926 года и наступившее год спустя разоблачение советской провокации в М.О.Р. не отразились на служебном положении Таликовского. Не знаю, когда именно он был переведен на другую должность,

но весной 1928 года он все еще был начальником русской секции второго отдела — уже не капитаном, а майором.

В ту пору он и другой офицер того же отдела — погибший впоследствии в Катыни от чекистской пули блестящий кавалерист, поручик Марцин-Станислав Фрейман — неоднократно обращались ко мне с просьбой одолжить им полученные Русспрессом советские и эмигрантские газеты, в которых были упомянуты погибшие в России кутеповцы.

Возвращая эти газеты, они меня неизменно благодарили: Таликовский — письмами на бланках второго отдела; Фрейман — несколькими любезными словами на обороте частной или служебной визитной карточки. На отношении штаба ко мне не отразились ни печальный исход связи второго отдела с М.О.Р., ни разногласия между Кутеповым и Таликовским, возникшие в Гельсингфорсе весной 1927 года после «бегства» Опперпута из Москвы в Финляндию.

—

В каждой тайной организации неизбежны перегородки, за которые участникам заглядывать не полагается. Я это понимал и не был обижен тем, что мои сведения о М.О.Р. расширялись постепенно и неполно.

В руках Артамонова сходились нити, протянутые из Москвы к полякам и к некоторым русским эмигрантам, но он был только исполнителем и передаточной инстанцией, а Варшава — мостом между Трестом в Москве и Кутеповым в Париже. Одной из обязанностей резидента была забота об обильной почте, полученной из России или туда отсылавшейся. Кроме переписки Кутепова с М.О.Р., она содержала его письма тем участникам боевой организации, которым удалось, с помощью Треста, закрепиться в Москве, и их донесения оттуда.

Кроме того, Артамонов изредка посылал Кутепову и чаще Тресту свои сообщения и доклады. Он привлек меня, сначала, к их зашифровке, а затем — к упаковке почты до ее отсылки. Ключем к шифру была напечатанная в 1924 году московским издательством «Работник просвещения» небольшая книга Л. Л. Сабанеева — «История русской музыки».

Каждая буква зашифрованного текста обозначалась четырьмя цифрами. Первые две указывали использованную строчку; вторые — место буквы в этой строчке. Страница избиралась любая и ссылка на нее также зашифровывалась. Не-

обходимость избежать облегчающего расшифровку повторения одного и того же сочетания цифр замедляла это кропотливое занятие.

Все, что касалось М.О.Р., его связи с эмигрантами и иностранцами, шифровалось нами обязательно. То же правило соблюдалось при указании даты и места любого перехода польско-советской границы. Москва казалась менее осторожной — полученные мною в 1926 году письма Якушева были открыто напечатаны пишущей машинкой без какого-либо шифра. Это мне тогда показалось странным нарушением конспирации, но инерция доверия к автору писем, укрепленная присутствием кутеповцев в Москве и их отзывами о Тресте, не позволила задуматься над этим глубже. В переписке с эмигрантами Артамонов иногда, скорости ради, пользовался не шифром, а так называемыми невидимыми чернилами, которые легко проявлялись слабым раствором йода в воде.

Евразийцы, в переписке с Варшавой, к шифру не прибегали. Они ограничивались тем, что заменяли некоторые имена и названия условными обозначениями, совпадающими с теми, которыми Артамонов пользовался в переписке с Москвой. Так, например, евразийство называлось нефтью; евразийцы — нефтяниками; Варшава — Женевой; Якушев — Федоровым или Рабиновичем; Ланговой — Денисовым; Артамонов — Липским; генеральный штаб — торговой палатой; коммунисты — конкурентами.

Существовали, вероятно, особые евразийские коды, которых я не знал. Лишь в августе 1927 года, через четыре месяца после разоблачения провокации в М.О.Р., П. Н. Савицкий сообщил мне такой код, помеченный номером десятым. Он содержал подробный перечень стран, городов, учреждений и лиц с их условными обозначениями. Я был назван Бариновым, тогда как Трест именовал меня Петровским.

Много лет спустя я узнал, что генералы Кутепов и Врангель пользовались в своей переписке о Тресте, в годы его существования, теми же условными обозначениями, что и Москва. Таким образом, попади тогда их письмо в руки чекистов, им бы не пришлось трудиться над разгадкой. Все мы, русские эмигранты, были тогда в конспирации наивными детьми.

—

Летом 1925 года Кутепов согласился на предложенное ему Якушевым номинальное вхождение в правление Монархи-

ческого Объединения России. Символически, это было слиянием Кутеповской организации с Трестом, но я не сомневаюсь в том, что глава организации ни на мгновение не отказался от фактической независимости и от желания ускорить падение советской власти направленным против нее террором. Тогда же я заметил оживление проходившей через Варшаву переписки Парижа с Москвой, адресованной Марии Владиславовне Захарченко — переброшенной из эмиграции в Россию участнице боевой организации.

Все, предназначенное Тресту, в том числе и письма Кутепова, Артамонов передавал для отсылки генеральному штабу в конвертах, скрепленных пятью сургучными печатями. До их наложения пакет прошивался, а концы ниток заливались сургучем. Артамонов утверждал, что так прошитый и запечатанный конверт не может быть вскрыт без повреждения печатей и ниток. Скрывать от штаба было нечего, но он видел в тайне переписки доказательство независимости М.О.Р. от иностранцев.

Мне казалось, что штаб не только может, но — со своей точки зрения — обязан эту тайну нарушить, но теперь я знаю, что ошибся. Бывший польский военный агент в Риге и Ревеле Виктор-Томир Дриммер рассказал в своих воспоминаниях («Культура», Париж № 11/217, ноябрь 1965 года), что перлюстрацией переписки Треста штаб не занимался.

—

Вначале Артамонов выезжал на границу каждый раз, когда предстоял чей-либо ее переход в «окно», но число этих переходов постепенно увеличилось. Частые отлучки резидента из Варшавы отвлекали его от других обязанностей и могли вызвать нежелательные толки. Пришлось подумать о поручении «окна» кому-либо другому. Я предложил человека, которого — хоть его нет в живых — назову, по некоторым соображениям, Александровым.

Знал я его с 1912 года, когда в Могилеве он был гимназистом первого класса, товарищем моего рано скончавшегося брата Андрея. После революции судьба ненадолго свела нас в Одессе накануне ее оставления Добровольческой Армией в январе 1920 года. Я не попал на корабль в одесском порту и остался в России, он же, в отряде генерала Бредова, дошел до Польши, где мы встретились после моего благополучного исхода в эмиграцию.

Он был шафером на моей свадьбе. Мы виделись часто, но жизнь сложилась разно — я стал журналистом, а он проявил коммерческую сметку и создал в Варшаве процветавшее торговое дело.

Успех не отразился на его отношении к поработившим русский народ коммунистам. Он не хотел быть всего лишь преуспевающим купцом. Не раз он заговаривал со мной об Артамонове, догадываясь, что я связан с ним не простым знакомством. Несмотря на дружбу, я каждый раз отвечал уклончиво.

Это изменилось, когда необходимость замены Артамонова в «окне» стала очевидиой. Я назвал Александрова и получил согласие на его привлечение в организацию. С этого дня и до апреля 1927 года ни один переход границы людьми, связанными с М.О.Р., не обошелся без его участия. Он, в частности, перевел через нее Василия Витальевича Шульгина.

—

Это случилось 23-го декабря 1925 года. В «Трех столицах» — описании «тайного» путешествия Шульгина в Россию — Александров упомянут так:

«Мне было сказано явиться на такой-то вокзал, такого-то города, в такой-то стране, такого-то числа, в таком-то часу. Там за столиком будет сидеть молодой человек, т. е. средних лет. Красивый, в полупальто с серым мехом, в мягкой шляпе. Я должен буду сесть рядом с ним за общим столом и через некоторое время спросить у него по-русски, есть ли у него спички. Если он подаст мне спичечную коробку определенной марки, то это будет именно тот человек, который мне нужен, и больше мне ни о чем заботиться не полагается.

Я приехал на вокзал и все прошло очень точно. На углу стола сидел человек, которого нельзя было не узнать по данному мне описанию. Я спросил спички и он подал их мне, улыбнувшись при этом добродушно и грустно, как улыбаются только русские. Он был усталый, хотя молодой и не изможденный. Он давно устал и, должно быть, навсегда».

Александрову — моему ровеснику — было тогда 25 лет, но Шульгин верно уловил присущую ему и в этом возрасте внешнюю усталость человека, испытавшего то, что выпало на долю нашего поколения.

—

Добровольно принятую на себя опасную обязанность Александров исполнял точно и, конечно, безвозмездно. Артамонов или я предупреждали его за несколько дней о предстоявшей поездке в «окно». Он поручал заботу о предприятии преданной ему жене; говорил приказчицам, что едет закупить товар; превращался из нарядного горожанина в обитателя глухой деревни и дня на три исчезал из Варшавы.

Он перевел через границу не только Шульгина, но и других, так или иначе причастных к Тресту людей и — как я рассказал в прочитанном в Св. Серафимовском Фонде в Нью Иорке сообщении о Кутепове и его организации — пожелал побывать в Минске, чтобы увидеть то, что видели по ту сторону границы переведенные им в «окно» эмигранты.

Это было несомненным мужеством, но не исключением. За четыре года моей причастности к М.О.Р. я только раз был свидетелем непреодолимого страха, помешавшего человеку перейти границу. Молодой офицер, направлявшийся в Москву из Праги с поручением от евразийцев к Ланговому, уже в Варшаве казался неспокойным и не мог скрыть тревоги. Он, однако, заставил себя сесть в поезд с Александровым. На границе — по заведенному порядку — они явились на польскую пограничную заставу, где их ждал представитель второго отдела генерального штаба. Пражанин еще и там владел собой, но ночью, на границе, он в полном душевном смятении, не смог ее переступить. Александрову пришлось вернуться в Варшаву с несчастной, разбитой жертвой этого потрясения .

—

На советской стороне людей, переведенных Александровым встречал паренек, называвший себя участником М.О.Р. и жителем Минска. В Варшаве мы, сначала, знали его только по наслышке, как Михаила Ивановича. Встречаясь с ним по ночам, в темноте, Александров, до поездки в Минск, ничего о нем сказать не мог. Шульгин, назвав его в «Трех столицах» Иваном Ивановичем, так описал встречу с ним:

«Ему было за тридцать; лицо было вымазано чем-то черным, очевидно от полушубка; он был в высоких сапогах и имел вид, как бы сказать, ну какого-нибудь Садко или Васьки Буслаева. Он держал в руке револьвер, которым жестикулировал. Был он радостный, веселый, балагурил».

Вспоминая Минск и домик своего проводника, Шульгин перечислил «стол, уставленный всевозможными вещами; рояль; кресло-качалку; убранство не роскошное, но достаточное».

Лет через пять это одно было бы причиной недоверия, но тогда — на склоне «новой экономической политики» большевиков — такое жилище удивления еще не вызывало. Приглядевшись к хозяину, Шульгин понял, что ему было не тридцать с лишним лет, а значительно меньше.

Теперь мы знаем от Никулина, что он был не тайным монархистом, а чекистом Михаилом Ивановичем Криницким.

—

После состоявшегося в феврале 1926 года благополучного возвращения Шульгина из России, Александров — с согласия Артамонова — пригласил Михаила Ивановича в Варшаву.

В мае гость, перейдя с кем-то границу из России в Польшу, не вернулся в Минск, а приехал с Александровым в польскую столицу. Предполагалось, что он пробудет там три дня, но случилось иначе.

До появления приезжего в Варшаве, Артамонов попросил меня им заняться. Невысокий, белобрысый пограничный представитель М.О.Р. не был, вопреки мнению Шульгина, похож на офицера. В лучшем случае, он мог быть одним из тех скороспелых прапорщиков, которыми русская армия начала заменять с 1915 года истребленные войной офицерские кадры.

Культурный уровень гостя был явно невысок. Напрасно, на второй день его пребывания в Варшаве, Александров и я захотели показать ему спектакль одного из превосходнейших польских театров. Он до него так очевидно не дорос, что пришлось, после второго акта, перебраться в скромный кабачек, где Михаил Иванович с очевидным удовольствием выпил две-три рюмки водки и рассказал несколько забавных советских анекдотов.

Ничего отталкивающего в нем не было — ни во внешности, ни в поведении. Он был, возможно, комсомольцем, попавшим в Г.П.У. по партийной разверстке и направленным на пограничную контр-разведывательную службу.

Позже, когда по России прокатилась волна принудительной коллективизации, оттуда бежали в Польшу сыновья раскулаченных крестьян, ничем наружно от Михаила Ивановича не отличавшиеся, но непримиримые враги коммунизма.

—

Его возвращение в Минск было назначено на 14 мая. Накануне утром Александров и я захотели показать ему город

20.V.24 г.

Многоуважаемая Сударыня!

Честь имею извѣстить Васъ, что въ отвѣтъ на телеграмму посланную Юлiемъ Александровичемъ полученъ отвѣтъ: „Въ ночь съ субботы на воскресенiе 24-25 ~~мая~~ мая будемъ въ окнѣ ~~Андрей~~ андрей ЕВ.“

Остаюсь съ почтенiемъ

Таликовскiй

Письмо М. М. Таликовского
(стр. 34)

— легче всего это было сделать с сидений извозчичьей пролетки. Мы побывали на оживленной Маршалковской, свернули по одной из поперечных улиц на площадь Трех Крестов и приближались к Иерусалимским аллеям, когда заметили что-то необычное на мосту через Вислу. Он был перегорожен, а вдали видны были какие-то войска. На тротуарах варшавяне стояли кучками, перешептываясь и тревожно озираясь. Остановив извозчика, я спросил, что происходит.

— Маршал Пилсудский — ответил прохожий — выступил против правительства... Тот берег им уже занят... Сейчас и здесь может начаться бой...

Мы, оказалось, увидели начало того переворота, который на тринадцать с лишним лет отдал Польшу в руки Пилсудского и его преемников. Я сказал Александрову, что хочу вернуться за город, к моей семье, а ему посоветовал переждать с нашим гостем в ближайшей гостинице. Они прожили там несколько дней, в общей комнате, прислушиваясь к происходившим на улице кровопролитным столкновениям. В такой обстановке, сближающей людей и обнажающей их скрытые черты, Михаил Иванович ничем себя не выдал.

4

Знал ли Кутепов, что М.О.Р. — советская провокация? Автор нескольких статей о Тресте в русской зарубежной печати, д-р Николай Иванович Виноградов, дал на этот вопрос утвердительный и, притом, категорический ответ. В выходившем в Нью Иорке журнале «Перекличка» (№ 129, август 1962 года) он написал:

«Еще до конца 1923 года А. П. Кутепов был точно осведомлен М. В. Захарченко, приехавшей тогда впервые от Треста заграницу, об истинной физиономии М.О.Ц.Р. и Якушева».

Эта фраза может ввести в заблуждение тех, кто слышит о Тресте впервые. Мария Владиславовна Захарченко, участница Кутеповской организации, приехала в Париж не «от Треста» и, к тому же, не в указанное Н. И. Виноградовым время, а значительно позже.

Она была эмигранткой, проникшей при содействии М.О.Р. в Москву со своим будущим мужем, Георгием Николаевичем Радковичем, и не раз возвращавшейся оттуда за границу для доклада начальнику организации о своих впечатлениях и наблюдениях. Сохранились выписки из ее донесений Кутепову,

присланных из Москвы именно в конце 1923 года. Они отчетливо опровергают утверждение д-ра Виноградова, который, к сожалению, не был беспристрастным историком.

Он считал необходимым отрицать то прискорбное обстоятельство, что советским агентам, называвшим себя монархистами, удалось обмануть часть консервативной русской эмиграции. Его возмущали зарубежные газеты, давшие в 1927 году широкую огласку чекистской провокации, направленной против Кутепова и монархистов, но замолчавшие аналогичную доверчивость меньшевиков и социалистов-революционеров к советским агентам. Это привело его к отрицанию несомненных фактов.

Его статьи о Тресте, появившиеся в «Возрождении», «Часовом» и «Перекличке», содержат неточности, противоречия и свидетельствуют о незнании или непонимании той обстановки, в которой чекистам удалось обмануть не только русских эмигрантов, но и иностранцев. Для эмоционального «метода» Виноградова характерно, например, отрицание самой возможности содействия, оказанного русским монархистам польским генеральным штабом.

«Полностью исключается — написал он в «Перекличке» (№ 131, октябрь 1962 года) — чтобы тогдашняя Польша Пилсудского, этого, по выражению Милюкова, «убежденного руссофоба и ненавистника России», могла вступить в какую-либо связь с русской национальной организацией, да еще монархической. Поляки могли тогда скорее связаться с чертом, но ни в коем случае не с представителями М.О.Ц.Р. Отталкивание от всего русского, а о монархизме и говорить смешно, в те годы в Польше было настолько абсолютно, что можно категорически утверждать, что Якушев даже заикнуться не мог о своей «подпольной организации»: при первом же упоминании о М.О.Ц.Р. поляки пришли бы в бешенство и с треском выгнали бы «конспиратора» из пределов страны. Да и следует проявить эмигрантскую объективность к О.Г.П.У.: такие «москали», как Дзержинский, Менжинский, Стецкевич и прочая чекистская братия знали поляков не хуже нас. Какой же смысл был этим «золотым сердцам» посылать в Варшаву своего агента в виде «русского монархиста» и сразу проваливать всю начинаемую ими «новую акцию», когда они с наибольшим правдоподобием и без всякого риска могли направить к полякам целую пачку всевозможных, по выбору, самых щирых сепаратистов, которым в Польше был гарантирован самый

горячий, братский прием? Возможны, поэтому, только два положения: или Якушев рекомендовался полякам от лица какой-то другой, наиболее им подходящей подпольной «организации», или польский штаб еще до появления Якушева в Варшаве точно знал, что такое Трест — М.О.Ц.Р.».

Вывернув таким образом действительность наизнанку, отрицая подтвержденный документами факт помощи, оказанной варшавским штабом «русским монархистам», Виноградов не сделал из своей версии логического вывода. Он не спросил, что же заставило поляков иметь дело с заведомыми советскими агентами и с кем же, в таком случае, был связан Кутепов? Будь они поставлены, эти вопросы и противоречия, которыми полны статьи Виноградова о Тресте, не оставили бы камня на камне от его сообщения о, якобы, очевидной и сразу разоблаченной советской провокации в М.О.Р.

Я не отметил бы это фантастическое утверждение, если бы американский историк Поль В. Блэксток не повторил его в благожелательном, но в высшей степени неточном рассказе о Кутеповской организации (Paul W. Blackstock, "The Secret Road to World War Two", Quadrangle Books, Chicago, 1969).

Совершенно неправдоподобно заимствованное Блэкстоком у Виноградова изображение проникших в Россию кутеповцев невольными исполнителями смертных приговоров, вынесенных возглавителями О.Г.П.У.

По словам Виноградова, в этом советском учреждении существовала «группа особого назначения», занимавшаяся «ликвидацией неугодного и исчерпавшего себя на работе чекистского элемента».

Сославшись на показания одного из главных советских агентов в М.О.Р., чекиста Опперпута, «бежавшего» весной 1927 года из Москвы в Финляндию и в том же году вернувшегося в Россию, якобы для борьбы с большевиками, Виноградов в «Перекличке» (№ 136-137, март-апрель 1963 года) написал:

«Заслуженные чекисты первых лет коммунизма или почетно увольнялись или почетно ликвидировались... При содействии этой группы (кутеповцы) Захарченко, Радкович, Каринский и Шорин убили нескольких видных чекистов, в том числе главу минского ОГПУ Опанского, Наимского в Петтербурге, Турова-Гинсбурга под Москвой, Орлова в самой Москве».

Зная из сохранившегося, обращенного ко мне письма Якушева, что предотвращение «белогвардейского террора» было едва ли не главной задачей Треста, я не могу поверить в то, что сказано Виноградовым и Блэкстоком об этих убийствах, якобы совершенных Кутеповской организацией не только с ведома, но и по почину О.Г.П.У.

—

В одном архиве — назвать который я пока не могу — хранится документ, озаглавленный «Выдержки из донесений Генералу Кутепову». Есть основание предположить, что он был составлен для осведомления великого князя Николая Николаевича или генерала Врангеля о первых шагах Кутеповской организации в России.

Первым включено в документ письмо полковника Жуковского, написанное в Петрограде 20-го сентября 1923 года. Оно показывает, что посланные Кутеповым офицеры проникали из эмиграции на родину еще до первого «похода» Марии Владиславовны Захарченко и ее будущего мужа, Георгия Николаевича Радковича, находившихся тогда в Эстонии. Вскоре после отсылки упомянутого письма Жуковский стал — как теперь известно — одной из жертв чекистской провокации в М.О.Р. и, притом, не в переносном, а в буквальном смысле слова.

«Стараюсь — сказано в письме — проникнуть в красн. командование, но это оказывается гораздо труднее, чем думал, ибо все запуганы и боятся взять на себя какую-нибудь роль. Предвижу много затруднений, но работать нужно и можно. Настроение почти сплошь против власти, но активным никто не решается быть. Имя В.К.Н.Н. (великого князя Николая Николаевича) пользуется большой любовью и уважением. Я прошел много деревень... особенно чтут его старые солдаты. Многие красные начальники считают сов. власть очень прочной и не хотят себе представить власть, котор. могла бы ее заменить. Мне кажется необходимым будет произвести сильный толчек и своевременно выдвинуть имя Вел. Кн. — тогда успех будет. В общем жалкое впечатление производят здесь наши русские — в полном порабощении, а в то же время ничего не хотят делать. Мое положение тут очень тяжелое, ибо я беспомощен, что очень усложняет ведение дела и трудно наладить вопрос к отправлению. В Кронштадт въезд был воспрещен, там был взрыв».

—

Первое донесение Захарченко и Радковича приведено в документе без указания даты и, притом, в очень сокращенном виде. Выдержки состоят из отдельных слов и немногих фраз, разделенных длинными многоточиями:

«1-го (октября 1923 года) приехали в Лугу........ границу, 3-го........ за плату........ благополучно........ река........ Путь очень .... трудно........ на лодке........ ночевали........ 6-го прошли еще станцию, где ночевали (у) знакомых, пользуясь хорошими условиями. Делали дневку. Сегодня ночью, разменяв деньги, уедем в Пет., оттуда в Москву. Из Ревеля........ спутник........ Бурхановского, кап........ болоте выбился из сил и от нас отделился. Судьбу его не знаем».

—

Второе письмо помечено 12-м октября. Часть не содержит пропусков, но другая часть исключена полностью и заменена несколькими рядами многоточий:

«Прибыли в Петроград 9-го утром. А. В. не нашли, на его квартире сообщили, что он ушел менять деньги 27-го сентября, оставив дома все вещи и не отправленное письмо в Париж и больше не вернулся. В настоящее время там идут облавы, многие пойманы, город терроризирован. Выехали в три часа в Москву. Попали в воинский вагон, занятый матросами, комсомольцами. Впечатление от разговоров самое отрицательное. Эта молодежь ими воспитана и настроена сейчас воинственно. В Москве по данному Щ. (представителем генерала Врангеля в Ревеле Щелгачевым) адресу были приняты с большой заботливостью, помещены временно на квартиру и обеспечены необходимыми документами. На этих днях нас отправляют на дачу, где мы пробудем недели две для ознакомления с местными условиями. После этого нас обещают устроить на службу вначале под Москвой с тем, чтобы по возможности перевести сюда. Впечатление от этой группы лиц самое благоприятное: чувствуется большая спайка, сила и уверенность в себе. Несомненно, что у них имеются большие возможности, прочная связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться. Отправили Вам с дороги описание перехода, на всякий случай повторяем еще раз. Большим препятствием явилась невозможность достать советские деньги, мы получили на торговом пункте (на эстонской пограничной заставе) только три тысячи, этого недостаточно даже для проезда в Пет. и доставило нам дальше массу неудобств. В Юрьеве нам

дали проводника, доехавшего с нами до Изборска. Вечером он перевел нас через проволоку в середине между шоссе и жел. дорогой на Псков у торгового пункта, объяснил направление по звездам и обставил самый переход возможно тщательнее. На наше счастье ночь была довольно звездная, вообще же едущим надо иметь светящийся компас. От проволоки пошли одни. Пересекли шоссе, как нам указали, в одной версте от границы и дальше шли по болоту от 9 вечера до 4 $^1/_2$ утра. Путь очень тяжелый, все время в воде, доходящей временами выше пояса. С нами был еще один спутник, присоединенный к нам из Ревеля, гардемарин Буркановский. Он выбился из сил в этом болоте и от нас отделился. Судьбу его мы не знаем. После рассвета передохнули часа четыре в лесу и обсушились на солнце. Потом вышли на дорогу и шли по направлению к Великой, через которую переправились на лодке и заночевали в деревне в 12 верстах от Пскова. Утром около Пскова нам удалось подсесть на подводы, с расплатой вещами, которые довезли нас к себе на хутора верстах в 50-ти от Пскова под станцию Новоселье. У них заночевали. На следующий день на станции узнали, что расценка билетов меняется ежедневно, сообразно курсу золотого рубля и потому денег до Петрог. опять не хватало. Пройдя до станции Лапино, сели в поезд и добрались до Луги, где остановились у знакомых и разменяли деньги. И так как фактически с болота мы еще не обсохли, то сделали там дневку и 9-го на заре выехали в Петроград.......

Из писанного нами донесения, во всех войсковых частях получено секретное предписание П.У.Р. о том, что события развиваются неожиданно быстро и в ближайшее время ожидается вовлечение России в войну. Предписывается комячейкам в закрытом собрании обсудить положение и преподать инструкцию по подготовке красноармейских масс к этому событию. Призваны 1896-1902 года. Ожидается призыв красных командиров. Многие части уже ушли к границе. Есть сведения, что по соглашению Литва пропустит красные войска, Латвия и Эстония будут сметены по предположению в два дня...

Выясняется: главные средства организации черпаются из Вика (Всероссийского инвалидного комитета), основанного на средства Федорова (Якушева) и переданного им на дело. Так говорят они. Но мы склонны думать, что они получают крупные суммы от иностранных контр-разведок, которые они

обслуживают — Эстонии, Польши, Финляндии и, вероятно, также Фран. Тем объясняется их близость к этим миссиям, так я переписывала письмо Чичерина относительно Финляндии, которое предназначалось быть переданным финнам. Возможности получать сведения у них большие и они сами говорят, что иностранные миссии перед ними заискивают: повидимому, их люди имеются всюду, особенно в красной армии.

В предыдущем письме послали Вам расположение броневых частей М.В.О. (Московского военного округа) и П.В.О. (Петроградского военного округа) на западном фронте. Получили ли Вы и поняли ли то письмо? Еще о них: в разговорах проскальзывает идея сепаратизма и, если не враждебности, то отчужденности от эмиграции. Повидимому, связь с Командованием (генералом Врангелем) установлена не особенно давно и работают они самостоятельно, считая себя связанными постольку, поскольку они этого хотят. В.М.С. (Высший Монархический Совет) они иронизируют, но берут Маркова (председателя этого Совета, бывшего члена Государственной Думы Н. Е. Маркова 2-го), как яркую вывеску определенных идей. В то же время чувствуется у них желание иметь одно объединяющее лицо с известным именем, кажется у них все молодо и они сами это сознают. Как будто кого-то такого они ждут, иногда мне кажется, что это может быть и (генерал) Климович.

Выясняются главные средства: .... считают за первую организацию........ с ними считаются, о нас заботятся и понемногу........ известно........ всюду туда........ Следующее: их организация называется М.О.Р., состоит в связи с В.К. (великим князем Николаем Николаевичем) и Командованием. Тесная связь установлена с Климовичем во время его последней поездки. Имеют в своих рядах видных чинов красной армии и большие денежные средства. Сносятся с заграницей с помощью дипломатических курьеров Польского и Эстонского, а также поездками своих членов, легальными и нелегальными. В настоящее время устанавливают собственную телефонную линию в Финляндию из Петрозаводска. Как показатель средств — ассигновано 60 тысяч золотом. Их лозунгом является В.К. Н. Н., законность, порядок. Они говорят, что имеют тесную связь с В.К.Н.Н. и полномочия от него дать от его имени манифест в момент, когда они найдут возможным. Сейчас они посылают двух членов заграницу для переговоров, повидимому, с французами и В.М.С. Было зашифровано словами с а х-

м р т з а в   в е т м и о л и т. Один из них поедет в Бельгию. Все сведения приблизительно, схваченные из разговоров. Р. является их агентом, через него они посылают корреспонденцию к о м и н в о в — Лампе и Климович. Сносятся также с Артамоновым. К нам относятся очень внимательно, но вообще считают, что присылка людей сюда в большом количестве неудобна, так как они долго должны привыкать раньше, чем быть допущенными на работу».

Упомянутая в этом донесении Кутепову поездка двух участников М.О.Р. была, очевидно, той поездкой Якушева и Потапова, во время которой я с ними впервые встретился. Очевидно их фамилии были «зашифрованы словами», а «коминвов» может быть сокращенным обозначением «командования и воинских организаций».

Мне не удалось установить, кем был тот Р., который был посредником в переписке между Трестом и генералами фон Лампе и Климовичем.

—

Документ содержит затем короткое письмо, написанное 28-го октября, вероятно, Радковичем, если только Захарченко не написала его от мужского имени:

«Сегодня шифровал им письмо на имя В.К.Н.Н. (вел. кн. Николай Николаевич) — кроме фраз общего характера, ничего нет. Повидимому, нечто вроде выражения верноподданнических чувств, но форма слишком свободная и нам непривычная. Создается впечатление, что с В.К. связь есть. Содержание вкратце — выражение радости по поводу согласия В. К. возглавить освободительное движение; признание, что только его имя может объединить всех русских людей; предостережение от преждевременного выступления под давлением «легкомысленных, действующих из личной выгоды людей». Они выражают надежду от себя и от десятков тысяч людей, вверивших им свою судьбу, что в нужный момент В. К. вынет свой меч и поведет их в последний и решительный бой».

—

Эти письма опровергают утверждение Виноградова о том, что Радкович и Захарченко сразу, в конце 1923 года, после первого «похода» в Россию, убедились в наличии чекистской провокации в М.О.Р. Они подтверждают мои воспоминания о связи Треста с польским штабом и о перевозке писем М.О.Р. польскими дипломатическими курьерами.

Мария Владиславовна Захарченко

Мария Владиславовна Захарченко

Упомянутый в донесении от 12-го октября Щ. — Всеволод Иванович Щелгачев, участник первых встреч Артамонова с Якушевым в Ревеле. В «Мертвой зыби» Никулин назвал его офицером Лейб-Гвардии Преображенского полка, принадлежавшим к «разведке Врангеля».

—

Два следующие, включенные в документ, донесения были написаны в Москве в один и тот же день — 14-го ноября 1923 года.

«Получились — сказано в первом — письма от 1/X и 15/X, проявились слабо. Пятнадцатое вовсе не проявилось, так как кто-то по дороге пытался проявить. Поэтому, совершенно не знаю, сколько дошло до Вас. Послано всего 21 письмо, из них три последних без номеров и одно чернилами (тайнописью). Часть послана через М. О., часть на К. К. Г. и далее почтой. На Вашей бумаге письма очень плохо проявляются, желательно попробовать писать на другой».

«В настоящее время — сообщило Кутепову второе — в Варшаве происходит совещание между представителями польской консервативной (национал-демократической) партии, нах. у власти, и членом М.О.Р. (Якушевым). Через польскую контр-разведку мы отправили Вам два очень важных письма без номеров. Польские консерваторы долго воздерживались от общения с ......, но сейчас среди М.О.Р. полагают, что удастся достигнуть крупных успехов, как, напр., перенесение некоторых важных пунктов в Польшу близ нашей границы и открыть там свою типографию. В то же время, считая, что в случае войны единственный, кто может стать во главе Польск. Армии, это — Пилсудский, продолжают тайно поддерживать с ним сношения, ведя таким образом две игры рядом».

—

Как это теперь ни кажется невероятным, Кутепов пользовался для связи с находившимися в России участниками боевой организации не только дипломатической, но и обыкновенной почтой, прибегая к «невидимым чернилам», легко проявлявшимся слабым раствором иода, а Захарченко и Радкович отсылали часть своих донесений через М.О.Р., а часть — «на К.К.Г. и далее почтой». Не знаю, что эти инициалы обозначали.

Состоявшаяся в Варшаве встреча Якушева с Романом Дмовским и другими польскими национал-демократами, ко-

торых Радкович или Захарченко неверно назвали консерваторами, не привела к упомянутым в донесении последствиям. Трест вряд ли на них надеялся и выдвинул пожелание о создании опорных пунктов и типографии М.О.Р. на польской территории лишь для определения отношения большой польской политической партии к этой просьбе. Создание более или менее явных начинаний русской монархической организации не могло быть допущено ни одним варшавским правительством не только вследствие отношения большинства поляков к русским монархистам, но и во избежание конфликта с восточным соседом Польши.

Когда такое же предложение было выдвинуто В. В. Шульгиным в 1926 году, после его возвращения из «тайной» поездки в Россию, генеральный штаб не возразил, но настолько затянул предоставление Шульгину и его жене въездных виз в Польшу, что задуманное создание опорного пункта русской зарубежной армии в шульгинском имении на Волыни не осуществилось.

Полученное Кутеповым из Москвы сообщение о «тайных сношениях» Треста с Пилсудским кажется мне неправдоподобным, но допускаю, что второй отдел генерального штаба осведомлял опального в те годы маршала о своих сношениях с М.О.Р.

—

Последним в документ включено письмо от 22-го ноября 1923 года, помеченное № 26.

Оно заслуживает особого внимания потому, что рассказывает попытку вовлечения посланного Кутеповым в Россию участника или участницы его организации на службу Г.П.У.

«Есть — сказано в письме — распоряжение устроить меня на службу в.......... контр-разведывательный отдел при Г.П.У. через имеющуюся оказию таможенного отдела. Этот отдел Г.П.У., ведущий наблюдение за приграничной полосой и поступающей пропагандой, предложил на-днях Всеросс. инвалидн. комитету — Вико — а, в частности, У., взять на себя организацию подставных лавок в Москве для поимки контрабандных товаров. Согласно плана Там. Упр., все заведывающие лавками будут считаться агентами отдела по борьбе с контрабандой Там. Упр. и в своей работе будут инструктироваться сотрудниками последнего.

Отдел по борьбе с контрабандой работает в теснейшем контакте с контр-развед. отделом Г.П.У. Многие из сотрудников отдела по борьбе с контрабандой являются и секретными сотрудниками к.р. отд. при Г.П.У. Задачей является поставить себя в такое положение, чтобы, заручившись доверием и знакомством средн членов Г.П.У., получить предложение сделаться их сотрудником в отделе кр.-р., сначала секретным, а потом и открытым, приняв которое использовать свое положение для целей М.О.Р.».

—

Не знаю, как отнесся Кутепов к такой опасной и двусмысленной «игре». Заслуживает внимания упоминание причастного к Всероссийскому инвалидному комитету участника М.О.Р., обозначенного в донесении буквой У.

Денежными делами Треста занимался Опперпут, называвший себя тогда Стауницем — фамилией, которую М.О.Р. заменяло в переписке с эмигрантами псевдонимом Касаткин.

Савинковскому Народному Союзу Защиты Родины и Свободы он был известен, как оказавшийся советским агентом человек, пользовавшийся фамилиями Опперпут и Упелинец. Трудно предположить, что в 1923 году он мог назвать одну из этих фамилий прибывшим в Москву кутеповцам. Поэтому пока трудно разгадать, кто именно пытался втянуть участника Кутеповской организации в западню, какой неминуемо стала бы служба в тесно связанном с О.Г.П.У. таможенном управлении.

—

Полковник Жуковский и гардемарин Буркановский упомянуты в «Мертвой зыби». По этой советской версии истории Треста, Захарченко и Радкович получили от Щелгачева явку к атташэ эстонской дипломатической миссии в Москве Роману Бирку, который, что никто в Ревеле тогда не знал, был тайным коммунистом и советским агентом. Он направил их к Опперпуту, который, в первом же разговоре, спросил, был ли с ними Буркановский и, получив утвердительный ответ, многозначительно прибавил:

— Его уже нет... Вы поняли?

В другой главе той же книги Никулина не только Буркановский, но и Жуковский названы в связи с разговором Опперпута и Захарченко о терроре. О точной передаче их слов

речи быть, конечно, не может, но отношение к террору изображено, как мне кажется, верно.

— Программа — сказал Опперпут — нам известна: царь всея Руси, самодержец всероссийский; на престоле — Николай Николаевич; никаких парламентов; земля государева... Тщательная подготовка смены власти; никаких скоропалительных решений; действовать только наверняка.

— А терроризм?

— Это не исключается, но так, чтобы не насторожить врага, хотя терроризм, сам по себе, ничего не дает.

— Нет! Я не могу согласиться с вами!

— Пока мы решили не прибегать к террористическим актам.

— Запретить жертвенность, подвиг... Наши люди рвутся в Россию именно для этого!

— Чем это кончается, вам известно? Полковник Жуковский, гардемарин Буркановский погибли. Не зная обстановки, местных условий, эти безумцы летят сюда и сгорают, как бабочки на огне, а мы ничего не можем сделать для них.

— Однако...

— Нет и нет! Мы отвечаем только за тех, кто прибывает сюда с нашего ведома и подчиняется нам.

—

Так Никулин проговорился — сказал, что Радкович и Захарченко знали не только Буркановского, но и Жуковского, хотя бы по наслышке. Он был, вероятно, тем А. В., которого они не застали в Петрограде на его квартире потому, что 27-го сентября он вышел и не вернулся.

Можно предположить, что чекисты сознательно помешали его встрече с проникшими в Россию с ведома М.О.Р. кутеповцами, чтобы показать, насколько они не могут обойтись без помощи и защиты «тайной монархической организации».

5

Кутепов был человеком смелым и неосторожным. Я в этом убедился, когда в апреле 1927 года побывал в Париже, но его доверие к Тресту не было безграничным. Он отклонил приглашение М.О.Р. съездить в Россию и «проверял» связанных с Трестом людей, но делал это — как мне пришлось убедиться — неумело и, психологически, неудачно.

В 1922 году из Польши в вольный город Данциг был выслан русский эмигрант Петр Александрович фон Ланг, в прошлом — офицер генерального штаба. Он был свойственником председателя Русского Благотворительного Общества в Польше, коренного варшавянина и польского гражданина Викторина Константиновича Сонина, разбогатевшего после первой мировой войны благодаря резко возросшей цене принадлежавших ему в окрестностях Варшавы больших земельных участков. Жена фон Ланга — родственница Сонина — была их совладетельницей. Они, поэтому, жили в Данциге безбедно.

Я бывал в вольном городе довольно часто. Принадлежавшим мне там домом управлял Борис Робертович Гершельман. Он меня с фон Лангом познакомил. Встречаясь, мы говорили о Польше, о русской эмиграции и о России, но Кутепова и М.О.Р. он не упомянул ни разу. Будь он откровеннее, задуманная им по поручению Кутепова «проверка» не наткнулась бы, вероятно, на отпор.

В мае 1924 года меня в Варшаве остановил на улице другой родственник Сонина — Лев Михайлович Лобан, много позже, в годы немецкой оккупации Польши, служивший в германском Зондерштабе Р и убитый 22-го октября 1943 года в Пястове под Варшавой ворвавшимися в его дом польскими террористами.

Я его почти не знал. Обратившись ко мне не прямо, а через него, фон Ланг сделал первую ошибку. Второй была ничем — кроме ссылки на Кутепова — не объясненная просьба установить наблюдение за Артамоновым и сообщить в Данциг мои впечатления.

Скажи мне фон Ланг или, хотя бы, Лобан, что Кутепов сомневается в антисоветской подлинности М.О.Р. и что Трест может быть провокационной чекистской «легендой», я сообщил бы в Париж все то, что знал, но ничем в моих глазах не оправданная, беспричинная слежка за Артамоновым претила моим понятиям о дружбе и чести. Она была бы поведением «не офицерским». Я сказал это Лобану и повторил Артамонову, который, очевидно, пожаловался Кутепову сразу, так как 29-го мая фон Ланг мне написал:

«Многоуважаемый Сергей Львович!

Жалко, что Вы опубликовали разговор моего племянника с Вами, следствием которого было неудачное, в смысле правды, письмо в Париж, текст которого был тотчас передан мне К.

Запросив письмом племянника, я не получил данных, которые могли бы послужить основанием этого именно его содержания. Между тем, как раз именно К-ву я и говорил о Вас, как о человеке, не любящем разглашать события, и по его просьбе просил племянника поговорить с Вами. Вышло не так, как нужно.

Прошу принять уверения в искреннем уважении.

Готовый к услугам П. Л.

6

С тех пор прошло много лет и я не раз задумывался над причинами моей непростительной ошибки — слепого доверия к людям, оказавшимся советскими агентами.

Думаю, что их было две: во-первых, подтвержденное позже германско-советской войной убеждение в невозможности свержения коммунистической диктатуры в России одним только внешним военным походом; во-вторых, пагубная — в эмигрантской обстановке — конспирация, мешавшая обобщению и обсуждению случайных и отрывочных сведений о «тайной монархической организации». Влияло на меня и то очевидное доверие, которое оказывал Тресту польский штаб.

Кутеповцы, побывавшие в России, попадая проездом в Варшаву, своими впечатлениями с Артамоновым и мною не делились. Это тоже объяснялось конспирацией и принималось, как должное. Шульгин описал свою поездку в «Трех столицах», но этот рассказ укрепил, а не ослабил веру в М.О.Р.

Мне теперь кажется, что конспирация была не единственной причиной немногословности побывавших на родине участников Кутеповской организации. Пребывание в порабощенной коммунистами стране сказывалось гнетуще на проникших туда эмигрантах, будь они кутеповцами или евразийцами. Некоторых я видел мельком и даже их имен не знал. Только раз я встретился у Артамонова с Захарченко. Обветренная, загоревшая, в черной куртке мужского покроя, она была молчаливее других. Несловоохотлив был и пражанин Мукалов, дважды перешедший границу и из второго «похода» не вернувшийся.

Более частыми были мои встречи с Петром Павловичем Демидовым, упомянутым в «Мертвой зыби», в главе о состо-

явшемся в январе 1925 года в Берлине евразийском съезде, на который Трестом был послан Ланговой.

«31 января — написал Никулин — Ланговой вернулся в Москву. Вслед пришло паническое письмо Арапова об аресте в Советском Союзе агента Врангеля, Демидова-Орсини.

Для придания веса Тресту, Артузов поручил Старову через Зубова разыграть «освобождение» Демидова. Это «освобождение» — по телефонному звонку влиятельного лица — произвело эффект. Арапов был в восторге — улучшились отношения Треста с Врангелем.

Эпизод с Демидовым-Орсини повлиял также на Шульгина, который позднее, с помощью Якушева, решился поехать в Россию».

—

Не все в этой советской версии верно. Ни о каком улучшении отношений между генералом Врангелем и М.О.Р. речи быть не могло. Врангель, как теперь известно, не отказался от своего первоначального недоверия к Потапову и Якушеву и сделал попытку предостеречь великого князя Николая Николаевича. Верно, однако, то, что Демидов не только был освобожден, но и переправлен через «окно» в Польшу.

Он появился в Варшаве, потрясенный арестом и неожиданным спасением. Ему нужны были спокойствие и отдых. Узнав, что у него и у меня — общие знакомые по Нижегородской губернии, Артамонов поручил его моему попечению.

Я жил тогда с семьей не в Варшаве, а в загородном дачном поселке Милянувек, где легко нашел Демидову комнату. Он стал бывать у меня ежедневно, постепенно отходя от испытания, но окончательно не успокоился. Его тянуло назад, в Москву, словно хотелось еще раз пережить опасность.

Поговорить с ним о Тресте мне не удалось. Он, действительно, вернулся в Россию и пропал там без вести в 1927 году, в дни самоликвидации М.О.Р.

7

Племянник генерала Врангеля, Петр Семенович Арапов, был исключением. В отличие от тех, кто предпочитал молчание, он был оживлен и разговорчив. Возможно, что это объяснялось дружбой с Артамоновым — они были однополчанами.

Он был высок, подвижен и явно не похож на пролетария. Сжатые губы и поднятая голова придавали лицу оттенок презрительной надменности, исчезавший в общении с Артамоно-

вым и мною, но об эмигрантских «стариках» в Берлине и Париже он отзывался саркастически. Помню, что первый переход границы его ничуть не беспокоил. Он верил в свою звезду.

Не берусь сказать, съездил ли он в Россию через Варшаву раз или дважды, но поездок — может быть, по другому маршруту — было несколько. Из первой он привез небольшой любительский снимок — кто-то сфотографировал его на Красной площади, у Кремлевской стены; из другой — фотографии митрополитов Петра и Агафангела, архиепископа Иллариона и патриарха Тихона в гробу. Из них последняя — значительно позже — была мною передана редакции парижской «Иллюстрированной России».

Запомнился его рассказ о случае, показавшем, насколько уже тогда эмигранты не знали некоторых частностей нового, советского быта:

«Границу перешли благополучно. Я отдохнул и, на следующее утро, сел в скорый поезд, идущий в Москву. Бумаги были в порядке. Бояться было нечего.

Пассажиров было немного. Я вышел в проход, остановился у окна и, глядя на бегущий мимо лес, закурил. С другого конца в вагон вошли два железнодорожных чекиста и кондуктор. Это меня не взволновало. Обычная — подумал я — проверка документов и билетов, но они не остановились у первого купэ, а направились в мою сторону.

Опасность показалась очевидной. Нужно было мгновенно принять решение. Рука сжала лежавший в кармане револьвер. Я мог застрелить одного, но был бы убит выстрелом другого. Можно было выбежать на площадку, открыть дверь и выпрыгнуть на ходу, но и это было бы верной гибелью. Собрав силу воли, я не дрогнул. Они подошли и один из них укоризненно сказал:

— Вы что, гражданин, забыли, что в проходе курить воспрещается?.. Три рубля штрафа!»

—

Связь с варшавским резидентом М.О.Р. и с называвшим себя в Москве евразийцем, но оказавшимся чекистом и советским провокатором Ланговым, Арапов поддерживал до конца Треста. Сохранились его письма и телеграммы, подписанные псевдонимом Шмидт и полученные мною в 1926 году, во время отлучки Артамонова из Варшавы.

После Треста он жил в Париже, но от евразийцев отошел и внезапно исчез. Распространился слух об его отъезде в Россию. Он породил проникшее в литературу об евразийцах и Тресте утверждение об его принадлежности к советской агентуре.

Франко-русская писательница Зинаида Шаховская утверждает в своих воспоминаниях, что «ротмистр Арапов, этот красивый конногвардеец, которого я видела у нас в Брюсселе, был расстрелян при обстоятельствах, оставшихся таинственными», но ставший эмигрантом в годы германско-советской войны писатель Николай Угрюмов — псевдоним Алексея Ивановича Плюшкова — сообщил, что видел в тридцатых годах Арапова в Соловецком лагере, где он не то скончался, не то был убит большевиками. Никаких доказательств его перехода на их сторону нет.

—

Бывшего члена Государственной Думы Василия Витальевича Шульгина я знал с весны 1918 года, когда он в Киеве исполнил мою просьбу и помог стать звеном тайной связи Добровольческой Армии с ее единомышленниками в Москве, но в подготовке его, состоявшейся с помощью Треста, поездки в Россию я не участвовал.

До этой поездки я видел его только раз, у Артамонова, и нашел, что внешне он не изменился, но в повадке появилось новое — осторожная, мягкая поступь; взвешенная речь; быстрый взгляд исподлобья. Я приписал это тревожному напряжению, естественному в каждом, кто готовился к переходу советской границы.

После возвращения из России он побывал у меня в Милянувке со встретившим его в пограничном «окне» Александровым и показался мне возбужденным поездкой и ее благополучным исходом. Организованность М.О.Р. и налаженность его действий произвели на него глубокое впечатление.

В Польше он пробыл недолго и уехал в Париж, где нам суждено было встретиться еще раз в апреле 1927 года. До этого, однако, между нами возникла переписка, толчком к которой послужил отъезд Артамонова и его жены на отдых в Югославию.

Темой первых писем были предстоявший приезд Петра Бернгардовича Струве *) в Варшаву и мыловаренный завод, который Шульгин хотел создать в своем волынском имении

*) Петр Бернгардович Струве, политический деятель и ученый, в молодости был марксистом; после 1905 года — националист и консерватор; позже — непримиримый противник коммунистической диктатуры в России.

Курганы, как опорный пункт возглавленной генералом Врангелем зарубежной Русской Армии.

8

18-го июня 1926 года Шульгин написал мне из Парижа:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Петр Бернгардович едет в Варшаву по делам аполитическим, но, вместе с тем, он живо интересуется делами, о которых мы с Вами много говорили, т. е. финансовой помощи русских книжных предприятий. Я поделился с П. Б. некоторыми нашими планами, но полагаю, что Вы могли бы сказать ему больше, ибо Вы глубже вникли в сложное положение книжного рынка с тех пор, как Вы заменяете Ю. А. в особенности. Если бы каким-либо образом удалось свести П. Б. с инциаторами дела, было бы еще лучше. Шлю Вам сердечный привет.

Ваш В. Данилевский».

—

В догонку этому письму Шульгин 24-го июня написал второе:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Пользуясь пребыванием здесь (в Париже), я попытался сделать кое-что, независимо от П. Б.

К сожалению, я ничего хорошего пока не обнаружил. Я видел одного крупного человека, которого поставил в курс дела, насколько это возможно было, причем, конечно, использовал свою недавнюю поездку. Я был выслушан с большим вниманием, даже, пожалуй, сочувствием, но в ответ получил, что финансирование крупного дела из источников эмиграции невозможно, ибо она таковых не имеет и потому не может их дать, хотя бы вполне понимала доходность задуманного дела. Впрочем, по его словам, и прибыльность предприятий в многих глазах скомпрометирована человеческой недобросовестностью, на которую до сих пор неизменно натыкались. Не столько неудачами, ибо, по его словам, все понимают, что в таком трудном деле первые попытки обречены на неудачу, а именно недобросовестностью. По его словам, деньги давались, прельщаясь интересностью предприя-

тия, но их просто раскрадывали до сих пор. С этим надо считаться даже в том случае, если думать для начала о самых скромных средствах.

Я сказал ему, что величина средств должна строго различаться в зависимости от задачи, которую поставит финансирование. Если задача должна пока ограничиться изучением книжного рынка, составлением сметы, теоретическими расчетами и другими предварительными работами, то, разумеется, средства будут сравнительно небольшие. Но если бы финансирование пожелало сделать решительные шаги, как по закупке бумаги, приобретении в различных местах типографий, словом — приступить к началу дела, то средства должны быть совершенно иного масштаба, несоизмеримого с первым.

Большие средства, во всяком случае, по его словам, можно найти только у иностранцев. До сих пор не удалось заинтересовать их подобными делами, хотя делались энергичные попытки. Однако не все надежды потеряны в этом направлении. Он обещал поставить меня в курс, как только что-нибудь обнаружится. Вел я и другие разговоры. Старался заинтересовать людей. Ведь никогда не знаешь, где клюнет.

Теперь о делах другого рода. Ю. А. написал мне, чтобы я обращался к Вам, что, впрочем, само собой ясно. Но неясно мне, можете ли Вы помочь насчет визы. Когда я узнал, что Дубенский (Артамонов) уехал и вернется в половине июля, я сообразил, что надо искать квартиру на июль. Я ее еще не нашел, но найду конечно. Однако мне бы очень не хотелось затягивать переезд (из Парижа в Курганы) позже, чем конец июля, потому что перемена климата для моей жены безопаснее всего летом. Поэтому я буду очень просить, если это входит в Ваши возможности, начните визные хлопоты, не дожидаясь Дубенского.

И еще одно. Мои молодые друзья обратились ко мне с одной маленькой просьбой: им нужны (советские) студенческие журналы для предстоящего съезда, на котором надо сделать доклад. Если Вам таковые удастся добыть, их надо переслать на мое имя. Буду Вам за них глубоко признателен.

Моя книжка, с тех пор, как я купил машинку, начала двигаться. А то чистое горе было с глазами. Я оказался оптически инвалидом.

Шлю самый сердечный привет. Отвечайте по адресу — я меняю квартиру — 54, avenue des Gobelins, Paris XIII *на мое имя. Сегодня уезжаю на юг, но мне перешлют.*

Искренне Ваш В. Данилевский»

—

Хотя Шульгин, вернувшись из России, не сказал мне, что намерен искать за границей денежной поддержки М.О.Р., я понял, что со Струве и с не названным в письме парижским собеседником он поднял этот вопрос по почину Треста. Догадка оказалась верной.

Артамонов, до отъезда в отпуск, предупредил меня о желании владельца Курган поселиться в этом имении ради задуманного им предприятия. Согласие Польши на его появление там показалось мне сомнительным. Генеральный штаб мог помочь поездке Шульгина в Россию, но его длительное пребывание на Волыни скрыть было бы трудно и оно, несомненно, вызвало бы протест тех поляков, для которых бывший редактор «Киевлянина» был воплощением русского национализма. Поэтому, сообщив штабу его просьбу о визе, я ждал не прямого отказа, а такой затяжки, при которой Шульгин сам отказался бы от своего желания.

Это случилось раньше, чем я предполагал. Создание мыловаренного завода Шульгин поручил диллетантам, ничего в этом промысле не понимавшим — русской жене варшавского прокурора-поляка Т. и ротмистру Ч., талантливому поэту, но фантазеру и мечтателю, лишенному какой-либо практической сметки. Они истратили данные им Шульгиным на обзаведение небольшие средства и вернулись в Варшаву не солоно хлебавши.

—

Во Франции Шульгин не предвидел этого исхода, и в ожидании польской визы, хотел помочь курганским «мыловарам». 9-го июля 1926 года он мне написал:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Сегодня перевел на Ваше имя через Лионский Кредит тридцать (30) долларов, которые должны быть Вам вручены в долларах же, как мне тут заявили, но в чем я не уверен, так как не знаю, разрешено ли это современными польскими законами. Эти деньги предназначаются на нуж-

ды мыловарни. Я принужден был их занять, так как простой мыловарни обходится мне очень дорого, ибо люди сидят без дела, а существовать им как-то нужно. Разумеется, они должают, а мне придется расплачиваться. Надо послать им жиров, жидкого стекла и все прочее по списку, который Вам пришлют немедленно, как только Вы запросите. Так как деньги могут запоздать сравнительно с этим письмом, то я прошу Вас воспользоваться этим временем и запросить Ч., что ему нужно для варки. Но так как там вообще денег ни гроша, так что я опасаюсь прямого голода, то прошу Вас запросить и об этой стороне вопроса, то есть не нужно ли часть денег переслать им на их самые вопиющие нужды. Но это, конечно, в высшей степени не желательно, ибо надо, чтобы они добывали средства к жизни из варки.

Вместе с тем, принимая во внимание, что мой кредит исчерпан и что расходы мои оказались гораздо выше первоначальных предположений, прийти на помощь делу, которое не может стать на ноги из-за отсутствия оборотных средств, я, по всей вероятности, больше не смогу.

Одновременно, не откажите написать мне, как обстоит дело с визами. Я писал Вам из Парижа до получения Вашего письма, что я очень прошу Вас немедленно начать дело о визах, не дожидаясь возвращения Ю. А.

То лицо, о котором я писал Вам в предыдущем письме — Нобель.

Сердечный привет. В. В.»

—

Следующее письмо было написано в С. Эгюльф, 18-го июля:

«Многоуважаемый Сергей Львович!

Сим извещаю Вас, что на Ваше имя послана посылка, содержащая мою рукопись. Я не знаю, приехал ли Ю. А., и потому продолжаю обращаться к Вам, а, кроме того, мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли и высказали свое мнение.

При сем прилагается письмо А. А. (Якушеву), которое, пожалуйста, прочтите. Из него Вы узнаете необходимые комментарии к чтению рукописи.

Буду очень просить Вас отправить рукопись незамедлительно дальше, ибо и так уже много времени прошло и не хотелось бы тянуть еще. Пока там прочтут и поста-

новят свое решение, пройдет порядочное время. Теперь мне придется сделать перерыв в работе. Вторую половину июля и начало августа займет переезд. Таким образом, следующая порция может поступить только к концу августа.

У меня еще к Вам две покорнейших просьбы: 1. как дела с визами; 2. еще раз прошу Вас подтвердить получение 30 долларов, если они до Вас уже дошли.

Если Ю. А. приехал, передайте мой сердечный привет.

Искренне преданный Вам, Веве»

—

К письму было приложено «приблизительное оглавление» первой части книги, которую Шульгин хотел назвать «Контрабандисты», но которую берлинское издательство «Медный Всадник» напечатало в январе 1927 года — за три месяца до разоблачения советской провокации в Тресте — под названием «Три столицы».

С «приблизительным оглавлением» Москва получила на просмотр и утверждение десять глав, тогда как «Три столицы» — включая эпилог — состоят из двадцати шести. Трест вернул первые десять автору без поправок и возражений. Как ему были посланы остальные, мне не известно.

Никаких подозрений рассказ Шульгина об его впечатлениях и встречах в России во мне тогда не вызвал. Более того, меня взволновало прикосновение к отечеству глазами человека, который тогда казался твердым и непримиримым противником большевиков.

Много лет спустя мне пришлось напомнить ему эту книгу в открытом письме, которым я ответил на его обращенный к эмигрантам призыв примириться с коммунизмом и советчиной. В 1926 году я не мог предположить, что нас когда-либо разделит воздвигнутый этим призывом барьер.

—

Я не скрыл от Шульгина впечатления от его рукописи. Он ответил 2-го августа 1926 года:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Произошло, очевидно, крайне досадное пропадание моего письма, а, вернее, двух писем, потому что, насколько мне помнится, я насчет Марии Димитриевны (его жены) писал Вам два раза. Пишу в третий: ее документы находятся ны-

не в порядке и визу для нее надлежит хлопотать на фамилию ее мужа. Одновременно, для верности, пишу о том же Юрию Александровичу. От него еще письма не получил до сего числа.

Очень рад, что рукопись дошла. Я за нее также начинал тревожиться, но более еще рад, что она «производит сильное впечатление», если Вы это серьезно, а не от доброты сердечной. Автору очень трудно судить, всегда кажутся несуразности — то горишь огнем Колумба, увидевшего новый материк, то все кажется пошло-бледным. В конце-концов решаешь: «Как написалось, так и написалось — выше головы не прыгал и Колумб». На этом рассуждении собираешь силы, чтобы предстать на суд народный. Очень Вам благодарен, что Вы уже ее переслали дальше. Меня очень интересует, как там отнесутся.

Итак, доллары получены и пересланы. Благодарствуйте и на этом. Мне очень хотелось бы, чтобы они послужили той смазкой, которая необходима, чтобы пустить в ход это маленькое предприятие. Но сильно побаиваюсь, что они истратят деньги на жизненные надобности, ибо там, в этом смысле, большой крах или прямо голод. Очень Вам признателен, что Вы заступились перед нашими друзьями за это дело и ходатайствовали за него. Мне кажется, что сравнительно небольшие суммы дали бы ему возможность работать и самоокупаться на первых порах, а затем давать и доход. Но тут нужно помогать во-время. Подробнее напишу об этом Ю. А. (Артамонову). Пока шлю Вам сердечный привет.

Тутаву Дублеве»

—

Между тем г-жа Т. и ротмистр Ч. не выдержали «прямого голода» и появились в Варшаве, бросив «предприятие» на произвол судьбы. Мне пришлось заняться устройством незадачливого мыловара на частную службу. Это удалось и, несмотря на большую разницу лет, между нами возникли дружеские отношения.

9

Прошло несколько месяцев — 1926 год близился к концу. Неожиданно, 11-го ноября, Шульгин написал мне из Парижа:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Одновременно с сим письмом я прошу Ю. А. (Артамонова) познакомить Вас с содержанием моих писем Александру Александровичу (Якушеву) и Антону Антоновичу (оказавшемуся впоследствии советским агентом бывшему прокурору Дорожинскому, сопровождавшему Шульгина по поручению Треста в его поездке по России и пользовавшемуся в Тресте псевдонимами Марченко и Мещерский). Только соображения выигрыша времени заставляют меня писать им без предварительного, продолжительного и исчерпывающего обсуждения с Вами и с Ю. А. этого вопроса. Ваши в этом смысле знания и опыт незаменимы. Я надеюсь, Вы позволите мне широко пользоваться тем и другим. Другими словами, я напрашиваюсь на совместную работу с Вами, точнее сказать — хочу внести и свою лепту в общее дело. Больше всего мне не хотелось бы, чтобы у Вас хоть на минуту явилась мысль о противуположении или соперничестве наших трудов. Впрочем, откровенно говоря, я серьезно так не думаю, чтобы Вы могли так отнестись, и если пишу Вам это, то немножко из принципа «береженого Бог бережет», а больше, чтобы просить Вас подумать над вопросом, как, соединив наши усилия, мы могли бы достигнуть наилучшего результата. Я был бы Вам весьма благодарен, если бы с согласия и одобрения Ю. А. написал бы от себя Алек. Алек. в поддержку моего плана и ходатайства. Основную же мысль о необходимости верной информации (о положении России под советской властью) я в значительной степени почерпнул из бесед с Вами, почему Вы не можете не быть мне тут верным союзником.

В ожидании личного с Вами, приятного и плодотворного для дела, свидания, шлю Вам сердечный привет. О. К.».

—

Это письмо было получено мною в те дни, когда Артамонову предстояла поездка в Париж для встречи с Кутеповым и Якушевым. Я не знал, чем объяснялась необходимость этого совещания, но озабоченность Артамонова показывала, что парижские разговоры вряд ли будут легкими. Он был настолько рассеян, что забыл показать мне, до отсылки в Москву, письма, присланные Шульгиным для Якушева и Дорожинского. Поэтому я не узнал, что именно автор «Трех столиц» предло-

жил М.О.Р., но догадался, что речь шла о распространении «верной информации из России». Шульгин, вероятно, не знал, что Трест этим уже занимается.

Артамонов изредка получал из Москвы статьи для эмигрантских газет и журналов. Они были подписаны псевдонимом — Серов — и казались произведениями верующего православного христианина, несомненного монархиста. Мы отсылали их в Париж, где они были напечатаны «Борьбой за Россию» и «Отечеством».

Сохранилась в памяти одна — посещение автором превращенного большевиками в музей Александровского дворца в Царском Селе. Описание комнат убиенной Царской Семьи и сохранившихся в них вещей и фотографий так убедительно говорило о преклонении перед памятью жертв Екатеринбургского преступления, что я до сих пор не могу ответить на вопрос, было ли оно написано чекистом в антисоветской маске или вовлеченным в М.О.Р. действительным противником революции.

Недавно я узнал, что в начале своего существования Трест пытался протолкнуть эмигрантскими руками во французскую печать нужную Москве дезинформацию.

—

Вторично мне пришлось стать временным резидентом М.О.Р. и Кутеповской организации в Варшаве в ноябре 1926 года, во время упомянутой парижской встречи Артамонова с Кутеповым и Якушевым.

Именно тогда Трест вернул через меня Шульгину вторую, ранее мне неизвестную, часть «Трех столиц». Полученное мною сопроводительное письмо показывает соблюдавшуюся М.О.Р. в переписке канцелярскую аккуратность, которая — будь мы опытнее — должна была вызвать удивление и недоверие.

Написанное 27-го ноября, это письмо помечено № 43, вероятно как продолжение более ранних, адресованных Артамонову. В нем было сказано:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович, прилагаемую при сем рукопись и две газетные вырезки просьба переслать В. В. Лежневу (Шульгину). Касаткин (псевдоним называвшего себя в Москве Стауницом чекиста Опперпута) просит передать Вам, что Ваша очередная почта нами пока не получена.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем глубоком уважении.

С. Мещерский».

—

Без задержки, не прочитав, я отослал рукопись в Париж. Шульгин откликнулся немедленно, написав 5-го декабря:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Рукопись получена, позвольте Вас очень поблагодарить. Ваше письмо также получено. Выдержки газетные в нем также. Так как исправлений (в тексте рукописи), кажется, почти нет, то, вероятно, появление книги не за горами, ибо первая часть уже набрана и издатель стенает о второй. Сегодня завтракал с приезжими (Якушевым и Артамоновым). В среду буду иметь конференцию с Ю. А. по разным техническим вопросам.

Письмо В. С. (ротмистра Ч.) не откажите прислать сюда, ибо выяснилось, что я в Польшу не могу ехать. Очень об этом сожалею по причинам Вам, конечно, ясным, но надеюсь недостаток живого общения возместить регулярными письменными сношениями. Подробности сообщит Вам Ю. А., с которым мы, надеюсь, договоримся, считая, однако, что невидимо Вы присутствуете при нашем разговоре.

С превеликим огорчением, что личное свидание, о котором пишет В. С., не состоится, прошу принять мой сердечный привет. В. В.».

—

В январе 1927 года Шульгин сообщил Артамонову, что должен рассчитаться с Антоном Антоновичем (Дорожинским) за расходы, понесенные им во время поездки по России. Он прибавил, что ему легче всего перевести деньги мне, как варшавскому корреспонденту «Возрождения».

В начале февраля контора этой газеты прислала мне чек Вестминстерского банка в Париже на 75 долларов, а в начале марта — второй чек на 100 долларов. В сопроводительных письмах на бланках «Возрождения», подписанных управляющим конторой А. Давыдовым, было сказано, что деньги посланы мне «по поручению В. В. Шульгина на известное Вам употребление».

Трест успел получить их до своего апрельского саморазоблачения. Сохранились полученные мною расписки от 12-го февраля и 19-го марта, которые Дорожинский подписал, как Ант. Ант. Марченко. Вторая была получена мною в Варшаве за несколько дней до «бегства» Опперпута из Москвы в Финляндию.

—

По словам Шульгина, одним из побуждений, толкнувших его на поездку в Россию при содействии М.О.Р., было желание найти пропавшего без вести сына.

В литературе о Тресте было высказано мнение, что это было предлогом, но существует документ, доказывающий, что судьба сына волновала Шульгина не только в годы существования М.О.Р., но и позже. 17-го августа 1927 года он написал из Булурис, в департаменте Вар, во Франции, ротмистру Ч. в Варшаве:

«Дорогой В. С.!

Большая к Вам просьба. Пойдите в ред. газеты «Курьер Поранны» и от моего имени попросите их номер газеты или номера, если их несколько, где сообщалась история, о которой Вы прочтете в прилаг. фельетоне А. Яблоновского (в парижском «Возрождении») и пришлите мне. Кроме того, попробуйте разузнать, не склонен ли «Курьер Поранны» указать источник своей информации о том, чтобы можно было узнать, в чем дело, от лица, сообщившего газете. Кроме того, очень прошу Вас посетить Ю. А. (Артамонова) и узнать, не может ли он что-нибудь разведать.

Я лично не верю в это, ибо твердо убежден теперь, что Ляля (пропавший без вести сын Шульгина) умер и все это или ошибка, или провокация, но все же надо проверить.

Может быть лучше, если Вы предварительно пойдете к Ю. А. и посоветуетесь с ним, как поступить? Может быть, удобнее навести справки в «Курьере Поранны» через С. Л.?

Обнимаю Вас. Недавно с В. И. Вондраком вспоминали Вас и послали Вам открытку. Пишите мне на имя В. А. Лазаревского, который сейчас живет у меня. Ваш В. В.».

Из карандашной отметки на этом письме, которое ротмистр Ч. передал мне, видно, что справка в редакции варшавской газеты была наведена по телефону и осталась безрезультатной.

—

Копии моих писем Шульгину не сохранились за исключением одной — последнего письма от 22-го октября 1927 года:

«Глубокоуважаемый Василий Витальевич!

В ответ на Ваше письмо от 15-го октября с. г. спешу сообщить, что Вы, само собой разумеется, можете перевести на мое имя деньги для В. С. (ротмистра Ч.). Его адрес мне известен и деньги будут мною немедленно по получении переданы по назначению. Я искренне рад, что могу оказать Вам эту незначительную услугу и прошу Вас и впредь располагать мной, если это Вам понадобится.

Не могу не воспользоваться случаем, чтобы не сказать Вам, с каким вниманием и интересом я прочитал Ваше замечательное «послесловие» (к «Трем столицам»). Я очень тяжело переживаю происшедшее, виню себя в ненаблюдательности и легковерии и на Ваших впечатлениях проверяю мои собственные. Помимо некоторых, по-моему неверно изложенных или недостаточно оттененных Вами моментов, о которых говорить в письме невозможно, я могу указать Вам на одну существенную фактическую неточность: Опперпута звали не Оскаром, а Эдуардом, то есть этим именем он пользовался. Отчество у Вас верное, т. е. то, которым он действительно пользовался.

Искренне Вас уважающий С. Войцеховский».

—

Переписка оборвалась не вследствие изменения моего отношения к Шульгину. Причиной было не это. 4-го мая 1928 года мой брат Юрий совершил в Варшаве покушение на жизнь советского торгпреда Лизарева. Его защита в двух судебных инстанциях поглотила мое внимание, а в 1930 году, после похищения генерала Кутепова чекистами в Париже, я, разойдясь во мнениях с подчиненным генералу Миллеру новым возглавителем «работы на Россию», порвал навсегда с конспирацией и предпочел ей явные общественные начинания, в которых Шульгин не участвовал.

Несколько десятилетий спустя я неожиданно убедился в том, что большевики, захватив его в Югославии после второй мировой войны и превратив в шестидесятых годах в орудие своей пропаганды, обращенной к эмигрантам, вспомнили Трест и поручили своей зарубежной агентуре установить судь-

бу тех, кто имел то или иное отношение к его «тайной» поездке в Россию. В частности, смерть Александрова, скончавшегося в 1948 году, им была, очевидно, не известна.

10

Шульгин был упомянут, под псевдонимом Лежнева, в полученном мною из Москвы в начале марта 1926 года письме Якушева о предстоявшем тогда в Париже русском Зарубежном Съезде.

Председатель Российского Комитета в Польше, Виктор Иванович Семенов, подготовлявший участие варшавских русских эмигрантов в этом съезде, предложил моему брату и мне стать членами этой делегации. Брат, бывший тогда председателем Организации Русской Молодежи, предложение принял. Считая себя связанным с М.О.Р., я дважды запросил Якушева об его отношении к съезду и моей поездке в Париж. Ответ, написанный 1-го марта, был доставлен из Москвы польским дипломатическим курьером. В нем было сказано:

«Дорогой Сергей Львович!

Ваши письма от 18 и 23 февраля получил и спешу на них ответить. Что ни говорите, у Волынского (Д. Ф. Андро де Ланжерона) есть нюх и он умеет во-время подойти к людям. Если состоится поездка Левина (Якушева) к Вам в гости, то очень было бы интересно поговорить с Вами на эту тему, а, может быть, в случае надобности повидаться и с Волынским. Впрочем, Волынский каким-то верхним чутьем угадывает время приезда Левина и сам является для разговора.

По поводу Вашей предполагаемой поездки на съезд могу сообщить, что Трест, как таковой, сам, конечно, никого на съезд не командирует, но, если Вы получите туда командировку от какой нибудь группировки, то мы будем это только приветствовать и считаем Ваше присутствие на съезде крайне желательным.

Нам самое ценное — Ваше личное впечатление о съезде и той среде, в которой Вам придется быть. Вы сумеете осветить то, что никакими официальными отчетами не отметишь. Кроме того, как думает Липский (Артамонов), подобная Ваша поездка явится началом Вашего выхода на широкую общественную арену, а нам иметь в Вашем лице

своего общественного деятеля весьма важно, ибо Вы сами знаете, что деятели прежней формации нам не очень подходят, даже такие, как обращающийся в нашу веру Лежнев.

Впрочем, в известной степени, Лежнев, полагаю, будет нам все-таки полезен. Например, его предполагаемое выступление на съезде с докладом о поездке нам, кажется, будет полезно. Надо было видеть, как у него здесь наростало чувство изумления, когда он знакомился с действительной Россией, а не с той, которая представляется расстроенному воображению мануфактуристов (эмигрантов).

Зная его ораторские способности и умение убеждать, надо полагать, что он сможет произвести сильное впечатление на съезд и заставит его идти по желательному пути.

Присланный Вами бюллетень «Централь Юропеанпрессе» очень интересен в некоторых частях и мы просим Вас, если это не составит Вам особого труда, присылать нам эти бюллетени. Выборки из них делать не стоит, мы здесь сами разберемся.

Итак, надеюсь, что неофициальный представитель Треста, в лице нашего милого Сергея Львовича, будет присутствовать на этом курьезном съезде и вслед за тем мы получим ряд, как всегда интереснейших и метких описаний всего им виденного и слышанного.

Жму крепко Вашу руку. Мой сердечный привет Вашей супруге.

Преданный Вам А. Федоров».

—

Не могу вспомнить, о чем именно Андро хотел тогда поговорить с Якушевым, но предполагаю, что, при его связях в польской среде, темой разговора должны были стать русско-польские отношения.

Андро действительно несколько раз появлялся из окрестностей Данцига в Варшаве так, что его приезды совпадали с присутствием Якушева в польской столице. Московского гостя это удивляло и, как мне казалось, беспокоило, хотя объяснялось просто — исполняя просьбу Андро, благодаря которому я стал участником М.О.Р., я предупреждал его о встречах с Якушевым, которому, по инстинктивной осторожности, это не сказал.

При всем моем доверии к Тресту, я не только в этом случае придерживался раз навсегда установленного правила — соблюдения тайны моих личных и общественных отношений.

Письмо Якушева о Зарубежном Съезде кольнуло меня чрезмерной похвалой моих «всегда интереснейших и метких описаний всего виденного и слышанного», так как этот отзыв не был оправдан ни моими письмами Тресту, ни варшавскими разговорами с его приезжавшими из России участниками. Я приписал эту лесть желанию доставить мне удовольствие, а не тому, чем она была в действительности — попыткой получить «закулисные» впечатления от парижского съезда.

Побывать на нем мне не пришлось. Тот же Якушев неожиданно сообщил Артамонову, что М.О.Р. изменило свое мнение и признало мое участие в съезде нежелательным. С конспиративной точки зрения, это мне показалось правильным и я принял отмену поездки, как должное. Делегация Российского Комитета в Польше побывала в Париже, но ее рассказа я Якушеву не сообщил.

11

Трест неоднократно проявлял к Артамонову доброжелательное внимание. Когда родился его сын, названный Сергеем, варшавский резидент М.О.Р. пожелал соблюсти старинный обычай — заказать, по размеру младенца, икону его небесного покровителя, но в Варшаве никто не взялся выполнить этот заказ. Образ был написан в России и, через пограничное «окно», доставлен в Польшу.

Ранним летом 1926 года Артамонов получил от Треста отпуск для поездки в Югославию, где жили его мать и дядя. Из Москвы ему был прислан напутственный подарок — плоский золотой портсигар с надписью на внутренней стороне крышки: «Юрию Александровичу Артамонову от М.О.Р.». На месяц с лишним обязанности резидента Кутеповской организации и Треста перешли ко мне.

Тогда я впервые узнал, что перепиской Кутепова с Москвой ведал в Париже полковник А. А. Зайцов. Полученные мною, в отсутствие Артамонова, письма были помечены очередными номерами и написаны по всем правилам дореволюционной бюрократической или военной переписки. В одном из них Зайцов был назван А. А. Усовым, но подписаны они были псевдонимами Н. Салов и Н. Кох. Были ли они псевдонимами самого Зайцова, мне не известно.

Историческое значение этих документов не велико. Я включаю их в мои воспоминания только для того, чтобы показать, насколько интенсивной была тогда переписка Кутепова с М. О.Р.

—

Письмо № 79 от 31-го мая было коротким:

«Милостивый Государь, Сергей Львович!

Не зная, уехал ли Юрий Александрович или нет, направляю настоящее письмо Вам с просьбой, если Юрий Александрович еще не уехал, передать его ему, а в противном случае направить прилагаемое письмо с первой оказией по назначению в Трест.

Прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Н. Салов.»

—

Затем я получил письмо № 81 от 18-го июня:

«Многоуважаемый Сергей Львович!

Ваше письмо с приложенными к нему письмами от Рабиновича (Якушева) и для Бородина (Кутепова) получил в полной исправности. Премного благодарен.

Не откажите направить далее в Трест с первой оказией прилагаемое письмо А. А. Кацу (Якушеву).

Посылали ли Вы или Юрий Александрович в последнее время что-либо для меня через женевцев (польских дипломатических курьеров). Я давно у них (в польском посольстве в Париже) не был и не хотел бы идти до получения уведомления от Вас, что у них есть что-либо для меня.

Примите самый искренний привет от уважающего Вас и преданного Н. Коха».

—

В письме № 82 от 25-го июня было сказано:

«Многоуважаемый Сергей Львович

Сегодня мною получено Ваше письмо от 21-го июня № 2 и заказная бандероль с печатными материалами. Срочное письмо и церковные заметки (статья Серова о церковных

событиях в России) сегодня же переданы мною Бородину. Премного благодарен за посланное.

Не откажите направить с первой оказией прилагаемое письмо в Трест.

Прошу Вас принять уверения в совершенном уважении и преданности.

Н. Кох».

—

Следующие два письма показывают, что Кутепов поддержал желание Шульгина приехать в Польшу и поселиться на Волыни. В № 83 от 3-го июля это мне было сообщено:

«Глубокоуважаемый Сергей Львович!

А. А. Усов поручил мне просить Вас сделать все необходимое для получения въездной визы лицу, указанному в прилагаемой записке, в которой также приведены все необходимые для получения визы данные.

Относительно данной визы Платен писал Бергману и последний вероятно Вас осведомил об этом.

Только что получил Ваше письмо от 28-го июня № 3 с письмом Рабиновича.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Н. Кох».

—

Просьба была повторена в письме № 84 от 16-го июля:

«Многоуважаемый Сергей Львович!

В дополнение к моему письму от 3-го июля прошу Вас передать Юрию Александровичу, что Бородин (Кутепов) просит его также исхлопотать визы для въезда в Польшу двух лиц, указанных в прилагаемом списке. Визы для этих лиц необходимы также по той же надобности, о которой Платен должен был известить Юрия Александровича.

Только что получил Ваше письмо от 13-го июля с письмом (из Москвы) для Бородина, которое передам сегодня же. Я надеюсь, что с приездом Юрия Александровича вопрос с визами выяснится.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Н. Кох».

—

Код, употребленный в этой переписке, не сохранился, но — если память мне не изменила — А. А. Зайцов называл Шульгина Платеном, а Бергманом — Артамонова.

Последнее, полученное мною до возвращения Артамонова в Варшаву, письмо № 85 от 19-го июля состояло из четырех строк — просьбе о «пересылке с ближайшей оказией прилагаемого письма А. Рабиновичу».

Нужно ли прибавить, что столь интенсивная переписка Кутепова с Якушевым укрепила мою веру в М.О.Р.?

—

Между тем Артамонов написал мне 17-го июня из Югославии. Поделившись первыми впечатлениями о стране, прежде ему не известной, он перешел к привлекавшим тогда наше внимание евразийским делам:

«Из письма Шмидта (Арапова) — хотя я не знаю содержания его письма к Денисову (Ланговому) — вижу, что снова начинают что-то путать с поездкой (представителя евразийцев в Россию). Повидимому выдвигают новый проект приезда Денисова (за границу). Вы знаете, чем кончались дела, когда выдвигались всякие мануфактурные (эмигрантские) проекты, то есть ничем. Поэтому, я был бы очень осторожен в оценке этих дел. Кстати я думаю, что Денисов вряд ли сможет приехать.

О моем свидании с Элкиным (П. Н. Савицким) пока прошу Вас ни слова не говорить никому из нефтяников (евразийцев), даже о самом факте. Элкин очень близок к Вашей и моей оценке современ. нефтян. работы, как «игры в дело». Я руководствовался в разговоре с ним Вашей оценкой его, как человека наиболее пригодного, психологически, для работы с Аргентиной (в России), и сложившийся при этих разговорах план может дать результаты.

Элкин, по своей горячности, которую мне пришлось сдерживать и которую я сдержал, гораздо резче и дальше идет в своих планах, чем мы с Вами. Время пока еще терпит и я не хочу писать Вам всего содержания разговора, м. б. сделаю это через несколько дней, когда у меня в голове все устоится и выкристаллизуется».

—

Из второго письма, которое Артамонов написал, видно, что, в его отсутствие, мне пришлось заняться его денежными расчетами. Очевидно, в ответ на мой запрос он сообщил:

«Я действительно забыл сказать Вам лично о том, что А. В. (Александрова) надо ко времени окна кредитовать на покупки (для Треста), если бы от М. И. (Криницкого) не поступило денег. Словом то, что Вы теперь сделали (то есть снабжение Александрова деньгами на упомянутые покупки) совершенно правильно.

Что касается счета за заграничные разговоры (по телефону), то он правилен. Разговоры эти относятся к концу апреля и началу мая, когда я два раза подолгу говорил со Шмидтом (Араповым) в связи с делами поездки (представителя евразийцев в Россию). В их продолжительности виноват был, главн. обр., Шмидт».

В другой части того же письма Артамонов спросил:

«Как и что выясняется с поездкой нефтяников (евразийцев)? Если они поедут к 20 июля, то после них в порядке давно обещанной идеологическ. поездки поедет Элкин (Савицкий). Если Пэнни (П. Н. Малевский-Малевич) и т. д. не поедет, надо будет провезти Элкина. Пока все это только между нами. Я еще буду писать Денисову (Ланговому) и Вам о моих разговорах с Элкиным».

—

В ответ на мое короткое письмо о пребывании П. Б. Струве в Варшаве, Артамонов 18-го написал:

«Ваши письма 3 и 4 получил. Вы, к сожалению, так туманно пишете, что мне совершенно неясно, что являлось центром разговора С. с Вами. Я себе представляю, что он мог говорить о способах достать деньги для Треста. Если это так, то это очень хорошо — это как раз та область, в котор. и его стоит попробовать на всяк. случай. Если же его главный интерес заключается в оперативной работе, то мне кажется, что это представляет собой для нас меньший интерес. Я уверен, что Вы отлично провели с ним разговоры и сосредоточили свое внимание именно на том, чтобы осведомиться об его возможностях и планах больше, чем вводить его в Трестовск. дела. То, что это случилось в мое отсутствие, м. б. к лучшему — это уже судьба так устра-

ивает и мне было бы наверное не легко сдерживать свою горячность в разговоре с ним. Напишите мне, пожалуйста, кратко, как Вы обычно пишете, но не общими, а конкретными фразами тему разговоров с С. Догадались ли Вы оставить копию Вашего письма Рабиновичу (Якушеву) о С. для меня?

Еще у меня есть вопросы к Вам, на которые прошу ответа:

1. Получено ли от Треста подтверждение о визе для Лежнева (Шульгина) и просили ли Вы уже (офицера второго отдела польского генерального штаба, майора) Брауна об этом?

2. Есть ли движение — и какое — в деле поездки Пэнни к Денисову? Есть ли конкретное решение, кто, когда и куда едет, то есть получили ли Вы соответ. письма?

3. Когда будет след. окно?

4. По каким дням теперь уходит и приходит почта? Отменен ли четверг?

5. Собираетесь ли Вы 13-15 июля уехать по своим делам, как говорили мне? Это мне необходимо знать для оконч. расчета времени.

6. Были ли письма от (ротмистра) Ч. из Трестхоза (волынского имения Шульгина)?

Теперь, когда А. В. (Александров) получил деньги от М. И. (Криницкого), он должен расчитаться с Вами за взятое».

Прибавив несколько фраз о своих личных делах, Артамонов в заключение написал:

«Элкин оч. хвалебно пишет про полученный от Вас Аргентинский обзор (статью о положении России)».

—

П. Н. Савицкий, действительно, мою статью похвалил, даже чрезмерно похвалил. 27-го июня он мне написал из Праги:

«Дорогой Сергей Львович!

Позвольте чрезвычайно поблагодарить Вас за присланную статью. Скажу Вам без всякого преувеличения, что она чрезвычайно меня удовлетворила и дала мне уверенность в плодотворном дальнейшем нашем сотрудничестве. У Вас как раз есть то, чего нет ни у кого из нас: наряду с ясностью мысли, дар прозрачного, простого изложения и — я

скажу также — тактическая расчитанность, обдуманность каждой фразы. Дай Боже, что это был камень, на котором нам удалось бы построить здание помощи «внутреннему движению» печатной литературой. В перспективе жизни, основание базы помощи «внутреннему движению» полагаю основной практической задачей.

Искренне Ваш. П. Н. С.».

—

Восемь месяцев спустя евразийское «внутреннее движение», связанное с Трестом, оказалось чекистской «легендой», но, помимо этого, моему сотрудничеству с евразийцами не суждено было окрепнуть. Мы одинаково надеялись увидеть новую Россию и участвовать в ее построении, но, в моем представлении, его основой должна была стать русская историческая традиция. Временное сохранение некоторых последствий революции казалось мне неизбежным, но с полным их очищением от марксизма и советчины, евразийцы же постепенно все более склонялись к простому переименованию Советского Союза в Евразию.

—

Между тем выяснилось, что Арапов собирается в Москву. Из Югославии Артамонов написал мне 12-го июля:

«Дорогой Сергей Львович!

Ваши письма все получил, включая и последнее о том, что Шмидт хочет ехать. Я выезжаю через три недели и 18-го июля буду в Варшаве. С дороги протелеграфирую Вам точное время приезда и, так как Вы теперь утром не заняты, то мы м. б. сговоримся о том, что первое утро дня приезда посвятим деловым разговорам.

Прочтите прилагаемое мое письмо Денисову (Ланговому) и, если по нефт. (евразийской) обстановке не видите препятствий к его пересылке, перешлите его Денисову (в Москву) в отдельном конверте. Содержание его рассматривайте как совершенно между нами конфиденциальное — это я говорю на случай, если бы Шмидт приехал раньше меня.

Впрочем, я сомневаюсь, чтобы виза ему была выслана так скоро. Я еще не знаю каким путем поеду, т. е. по Дунаю или через Австрию по ж. д., поэтому совершенно не могу еще точно сказать Вам приеду ли я утром или днем.

Пока до скорого свидания. Привет Вашим.

Ваш Липский».

12

Сохранились полученные мною в отсутствие Артамонова письма Арапова. В первом, от 18-го мая 1926 года, был указан его адрес:

Kaiserallee 68 I. Berlin-Friedenau.

«*Дорогой Сергей Львович* — сказано было в этом письме — *целую неделю не имею известий от Ю. А. и начинаю беспокоиться. Был бы Вам благодарен, если бы Вы могли мне написать, в каком положении наши дела, какие перспективы и где Ю. А.? Ведь он собирался 16-го уехать к матери? Я предполагаю, что он, однако, не выехал. Есть ли какие нибудь сведения от друзей (от М.О.Р.) и от Денисова (Лангового) в частности?*

Пока ограничиваюсь этими строками. Надеюсь, что кто-нибудь из Вас обоих откликнется и что у Вас все благополучно.

Сердечно жму руку. Ваш П. Ар.».

—

Из письма Арапова от 7-го июня я узнал, что зарубежные евразийцы снабжают Лангового деньгами и, притом, в английских фунтах. В письме было сказано:

«*Дорогой Сергей Львович, очень прошу Вас отправить два прилагаемых письма по назначению и деньги — 40 ф. — Денисову. Нельзя ли было бы также отправить Денисову пишущую машинку Ю. А.? Машинка Денисова находится сейчас в Пар. (Париже) у Кролинского. Задержка с ее доставкой Вам очень досадна. Надеюсь, что она в скором времени будет переправлена, но так как мы бы не хотели заставлять ждать Денисова, то мы и просим послать ему машинку Ю. А., а Ю. А. — подождать присылки машинки из Пар.*

Уехал ли Ю. А. в Сербию и как его адрес? Долго ли он там думает остаться?

Сердечно жму руку. Ваш Шмидт».

—

Затем пришло короткое письмо от 10-го июня:

«*Дорогой Сергей Львович, посылаю Вам в догонку первому письмо Денисову с ответом на его пис. от 28-го мая.*

Пожалуйста, перешлите его. Прилагаю также письмо для Ю. А. Если он уже уехал, очень прошу Вас также его переслать ему.

Сердечно обнимаю. Ваш П. А.».

—

Следующее письмо, от 22-го июня, было написано не в Берлине, а в Лондоне, и помечено номером П/258:

«*Дорогой Сергей Львович, получили Ваши письма от 13-го и 15-го. Из нашей переписки с Денисовым — письма 9-го, 10-го и 18-го июня — Вы увидели, что мы считали бы более выгодным приезд Д. (Лангового) сюда, до поездки кого-либо из нас к нему. Вопрос о высылке (польской) визы — кому и куда — таким образом естественно зависит от ответа Денисова. Т. к. времени не много, то мы просим Вас по получении его ответа сообщить по телеграфу, может или не может Денисов приехать, послав письмо в догонку.*

Последние события отодвинули как-то на задний план вопрос о пересылке (евразийской) литературы (в Россию). В каком положении передал Вам дело Ю. А., желал ли возобновить пересылку (при содействии польского генерального штаба) и присылку Вам новых запасов?

Сердечно обнимаю. Шмидт».

—

В письме не было указано, кого Арапов подразумевает под словом «мы», но ответ на этот вопрос был дан полученным мною из Лондона письмом евразийца П. Н. Малевского-Малевича от 18-го июня. Оно было помечено номером П/246 — буква, очевидно, обозначала тот псевдоним Пэнни, которым автор письма назывался в переписке евразийцев. Впервые написав мне, он сообщил свой адрес — **c/o Miss A. Wolkoff, 27 Campden Road, London W. 8.** — а затем прибавил:

«*Милый Сергей Львович!*

Обращаюсь к Вам с просьбой прилагаемое письмо и деньги переслать Денисову, а мне прислать прилагаемую расписку в получении.

Как разрешился вопрос с посылкой машинки Денисову?

Искренне преданный П. Малевский».

—

3-го июля Арапов написал мне из Оксфорда, в Англии:

«Дорогой Сергей Львович,

Не получив от Вас никаких известий относительно Ден. (Лангового), послал Вам телеграмму о высылке визы Шм. в Ковно (в Берлин). Очень прошу Вас иметь в виду, что Шм. будет у Вас только 20-го и соответственно сообщить Ден. о приезде его (в Москву) числа 25-го. У него (то есть у Арапова, обозначившего себя в этом письме первыми двумя буквами своего псевдонима Шмидт) *ряд важных дел.*

Если бы был какой-либо определенный ответ от Денисова, то я буду здесь до 10-го, с 10-го до 15-го по адресу Резника (евразийца П. Сувчинского).

Очень прошу все срочное и важное сообщать. Сердечно Вас обнимаю.

Ваш П.»

—

7-го июля Арапов написал еще раз:

«Дорогой Сергей Львович,

Получил вчера вечером Ваше письмо с вложением писем Денисова и А. А. (Якушева). Телеграммы я не получил, Вам же я послал еще 3-го телеграмму о высылке визы Шм. в Ковно. Эту телеграмму я получил 5-го назад с указанием, что адресат не найден! Тут же послал ее вторично и надеюсь, что Вы сейчас ее получили. Надеюсь, что Вы также получили мое письмо от 3-го.

Ввиду отъезда 24-го Денисова — что впрочем явилось новостью для меня — сделаю все, чтобы Шм. был в Женеве (в Варшаве) 18-го утром, конечно если с Вашей стороны Вы устроите визу.

Сердечно жму руку. Ваш П. А.».

—

Трудно сказать почему первая телеграмма была Арапову возвращена. Я ее получил 3-го июля — она сохранилась до сих пор в моих бумагах — несмотря на то, что адрес был неполным и состоял лишь из моей фамилии, названия улицы и номера дома, в котором я никогда в Варшаве не жил. Польский телеграф установил, однако, что указанный адрес был адресом Русспресса и, не застав меня в редакции, оставил уведомление о полученной для меня из Англии телеграммы.

Ее содержание должно было, однако, удивить поляков упоминанием Ковно, столицы Литвы, с которой Польша тогда не поддерживала отношений. Может быть, это удивление стало причиной возвращения телеграммы отправителю для проверки текста.

Путаница, возникшая в вопросе о свидании зарубежных евразийцев с Ланговым, мне, очевидно, не понравилась. Об этом я теперь могу судить по единственному, сохранившемуся в моем архиве письму Лангового из Москвы, написанному 27-го июня.

Как и вся переписка Треста, оно было доставлено в Варшаву польским дипломатическим курьером, но от аккуратно напечатанных на прочной голубой бумаге писем Якушева отличалось не только внешне — неразборчивым карандашем на желтоватом листе самого низкого качества — но и орфографией. Якушев придерживался старой, Ланговой — новой.

—

«*Дорогой Сергей Львович* — сказано в этом письме — *получил два раза по сорок фунтов (стерлингов), всего 80. Жду машинку.*

С содержанием Вашего письма от 15-го июня я вполне согласен. Мне также кажется, что идет какая-то путаница и ералаш. Впрочем от окончательного суждения воздерживаюсь до личного свидания.

Между нами говоря, у меня иногда была мысль о посылке к черту, но воздерживался я от этого по следующим соображениям, пока:

1. Не всех надо послать к черту, а только путаников;

2. Надо, следственно, выязить, кто путаники, а кто нет;

3. Нужен единодушный поход против путаников, как со стороны аргентинской (эмигрантской), так и мануфактурной (внутрироссийской) нефти (евразийцев);

4. Решаться на посылку к черту, т. е. на разрыв надо только взвесивши все за и против, т. к. здесь поставлены на карту вещи более серьезные, чем, напр., вопросы личного самолюбия.

На сем кончаю. Сердечно Вас обнимаю. Привет А. В. (Александрову).

Будьте добры переслать прилагаемое письмо Шм. (Арапову).

Искренне Ваш Денисов».

—

6-го июня генеральный штаб прислал мне в редакцию записку, написанную по-русски, судя по почерку — капитаном Таликовским:

«Получена вчера (из Москвы) телеграмма: Миша приедет вместо среды субботу десятого. Ринг.»

Вместо подписи были приписаны две буквы — Шт.

Телеграмма, очевидно, предупреждала об изменении даты перехода польско- советской границы «в окне» кем-то, связанным с М.О.Р. или с Кутеповской организацией. Имела ли она отношение к свиданию евразийцев с Ланговым я теперь сказать не могу. Упомянутый в телеграмме Миша был, несомненно, М. И. Криницким.

13

В отсутствие Артамонова, в Варшаве состоялась моя встреча с П. Б. Струве. Он передал мне включенное уже в эти воспоминания письмо Шульгина от 18-го июня. Отчет об этой встрече был мною послан Тресту и Кутепову. Он вызвал ответ М.О.Р., который, как мне кажется, разоблачает одну из главных задач, поставленных чекистами созданной ими «легенде». До этого ответа я получил от Якушева другие письма. Первое, написанное в Москве 9-го июня, было помечено номером двадцать вторым, как продолжение переписки с Артамоновым:

«Дорогой Сергей Львович!

Полагаю, что это письмо не застанет уже Юр. Ал. (в Варшаве), а потому пишу на Ваше имя.

Почту № 22 от 2-го июня мы получили в полной исправности, но только вчера, 8-го июня, что объясняется по словам Никифорова (псевдоним польского офицера, поддерживавшего в Москве связь с Трестом) неустановившимся еще расписанием прибытия и отправки почты.

Должен Вам сообщить о маленькой неприятности, случившейся с нашим Касаткиным, результаты которой еще

неизвестны. Нужно Вам сказать, что он живет на даче и вот вчера утром он до службы хотел зайти на свою городскую квартиру, но был предупрежден дворником, что ночью на его квартиру являлись гости из ГПУ и, не застав его, квартиру опечатали. Днем на службу пришли опять те же посетители и, предъявив ордер на производство обыска и, в случае надобности, ареста, забрали Касаткина и отправились с ним на его квартиру. Можете себе представить, как мы были рады, когда часа через три Касаткин снова появился у нас. Оказывается, искали переписку с заграницей. Разумеется ничего не нашли, хотя и забрали много разных старых бумаг. Сказали, что через несколько дней его вызовут. Повидимому здесь имел место донос домоуправления, с которым у него неважные отношения и которому известно, что иногда он получает письма из-за границы от родственников.

Прилагаемое письмо и материалы по церковному вопросу прошу переслать Бородину, причем, если материалы Вас интересуют, то пожалуйста пользуйтесь ими. Я — грешник — в этих вопросах слабоват, но подбирал материалы большой знаток дела, Серов.

Жму крепко Вашу руку и сердечно обнимаю. Буду ждать Вашего доклада по поводу текущих событий.

Что поделывает Ваш Лжедмитрий (Д. Ф. Андро де Ланжерон)? Давно ли Вы его видели?

Прилагаемые письма Шульц (находившихся тогда в Москве участников Кутеповской организации М. В. Захарченко и Г. Н. Радковича) прошу переслать Бородину (Кутепову).

Несмотря на все мое уважение и любовь к М. Н., не мог осилить его отчета — очень несвоевременно и тема не интересна. Не пишите ему об этом.

Ваш А. Федоров».

—

Трудно сказать, почему Якушев включил в это письмо «маленькую неприятность», якобы постигшую человека, которого он назвал Касаткиным. Мне было известно только то, что этим псевдонимом пользуется ведающий кассой М.О.Р. москвич Стауниц. Лишь в апреле 1927 года я узнал, что и эта фамилия была псевдонимом чекиста, латыша Упелинеца-Опперпута, которого Никулин изобразил в «Мертвой зыби»

противником большевиков — бывшим савинковцем, превратившимся в монархиста. Вероятно, Якушев хотел создать впечатление, что участникам М.О.Р. угрожает со стороны ОГПУ опасность, которую один из них избежал.

В письме были указаны не только инициалы, но и фамилия русского парижанина, отчет которого Якушев назвал «несвоевременным». Просьба о несообщении ему этой оценки меня удивила. Я его не знал, даже по наслышке, и только позже убедился в том, что он был хорошо известен Артамонову.

—

В письме № 23 от 15-го июня Якушев сообщил:

«*Дорогой Сергей Львович!*

Почту Липского (Артамонова) от 10-го июня № 23 мы получили исправно и своевременно. Судя по его словам, это уже окончательно последняя его почта перед отъездом. Поэтому жду в следующий раз письма от Вас.

Хотя Юрий Александрович (Артамонов) и указывает, что Вы будете пересылать ему адресованные на его имя письма, но я полагаю, что самое лучшее будет оставить его на месяц совершенно в покое, если не будет чего-либо экстренного, а потому и не хочу ему писать, пусть отдохнет нервами.

Из числа возбужденных Ю. А. в последнем письме вопросов нуждается в немедленном разрешении вопрос о визе в Швейцарию (в Польшу) для Лежнеза (Шульгина). Мы Вас покорнейше просим заняться этим вопросом и попросить Мих. Мих. (Таликовского) дать ему визу.

Волков (Потапов) завтра уезжает на курорт лечиться. Хотя сначала врачи и нашли, что в Крым ему, при болезни сердца, ехать не следует, но так как на Кавказе места освободятся еще не ранее, чем через месяц, а, кроме того, так как в Крыму сейчас стоит весьма умеренная погода и жары нет, то его и посылают в Гурзуф. Надеюсь, что он там окрепнет и после возвращения освободит на некоторое время меня, чтобы я смог осуществить хотя бы на короткое время поездку в Ваши края.

За истекшую неделю ничего особенно выдающегося у нас не произошло. Касаткина тягали в субботу в то учреждение, которое делало у него обыск, и подробно расспрашивали с кем и как он ведет переписку из живущих за границей. Он, конечно, указывал на родственников. Вообще нужно

сказать, что какая либо переписка, кроме родственной, с заграницей открыто почти невозможна. Неприятно, что Касаткин, благодаря этой истории, находится теперь в поле зрения известного учреждения и требуется сугубая осторожность, чтобы не влопаться, а он человек весьма смелый, иногда даже чересчур.

Очень прошу передать прилагаемое письмо от Мих. Ив. (Криницкого) А. В-чу (Александрову), в нем вложено 100 долларов.

Примите к сведению и сообщите, кому нужно, что Касаткина зовут Александр Антонович и чтобы ему адресовали письма на это имя.

Крепко жму руку и сердечно обнимаю. Ваш А. Федоров».

—

В следующем письме Якушева, помеченном № 24, вместо даты было сказано, что оно написано «в ночь с 20 на 21 июня 1926 г.».

«*Дорогой Сергей Львович* — сказано было в нем — *Вашу почту № 24 от 17 июня получил исправно и своевременно.*

Мы совершенно расстроены событием, которое произошло сегодня утром, а именно: эстонский посланник Бирк, бывший их министром иностранных дел и даже одно время председатель совета министров, так вот этот самый высокопоставленный тип сбежал из миссии, оставив там письмо, а так как он перед тем денно и нощно торчал в Н.К.И.Д. (народном комиссариате иностранных дел) и там о чем-то секретно совещался, то естественно мы страшно тревожимся, не предал ли он нас. Пока мы знаем только то, что он исчез, что получил визы турецкую и французскую, но предал ли нас не знаем и куда он направился тоже не знаем.

Нечего Вам говорить, в каком настроении мы все находимся. Возмутительно то, что мы уже неделю назад предупреждали эстонского военного атташэ и требовали, чтобы он или арестовал или убил посланника, но он не решался и вот в результате наши опасения и подозрения оправдались и нам грозит большая опасность.

Писать больше некогда. Если будем целы, напишу более подробно в следующий раз, а пока крепко жму руку и обнимаю.

Прилагаю корреспонденцию для Бородина. Не откажите срочно переслать.

Ваш А. Рабинович».

—

Никаких собственных воспоминаний о деле Бирка у меня нет, а появившиеся в русской зарубежной, в советской и в иностранной литературе сведения об его судьбе противоречивы. Судить о степени их достоверности я не могу, но перечитывая теперь следующее, полученное мною письмо Якушева — № 25 от 29-го июня — вижу, что он, панически описав исчезновение эстонского посланника, поспешил поставить над этим делом точку, как только узнал от меня о предстоявшем приезде П. Б. Струве в Варшаву.

«*Дорогой Сергей Львович* — написал Якушев на этот раз — *Ваше интереснейшее письмо от 24-го июня за № 25 мы получили 27-го. Мы не представляли себе, что разговор между Лежневым (Шульгиным) и приезжим (Струве), о котором нам своевременно сообщил Ю. А. (Артамонов), будет иметь такие быстрые результаты и будет проявлена активность со стороны приезжего.*

Ожидаю Вашего следующего письма, в котором, надеюсь, Вы сообщите о тех пунктах, которые он ставит Тресту, а также содержание или текст его статьи (условий).

Когда мы узнали о переговорах Лежнева с приезжим, мы посмотрели на это, как на болтовню или, в лучшем случае, как на одно из тех благих намерений, которыми вымощен ад, полагая, что даже и достать то средства он не в состоянии. Если же вопрос принимает актуальный характер, то с нашей стороны было бы глупо отказываться от помощи, но, разумеется, надо знать условия, которые ставятся Тресту.

Не зная их пока, но в то же время, вполне полагаясь на Ваш такт и преданность делу, мы думаем, что они не содержат ничего противоестественного, иначе Вы, вероятно, просто бы отказались от дальнейших разговоров с ним.

Во всяком случае мы раз навсегда даем Вам полное разрешение на сотрудничество (со Струве), поскольку оно нужно для наших общих с Вами целей, не видя в этом не только ничего предосудительного, но даже считая это разумным и полезным, поскольку цель оправдывает средства.

В смысле ведения Вами переговоров и правильности освещения Вами отдельных сторон деятельности Треста и его задач, мы вполне спокойны, зная Вас, и вполне уверены, что эта сторона дела находится в надежных руках.

С естественным нетерпением ждем дальнейшего. Вы совершенно правильно отметили отсутствие у Треста лич-

ных симпатий и интриг, как двигателей политики Треста. Можете, в частности, в отношении Бородина (Кутепова) сказать, что мы ему доверяем и не предполагаем менять его на Сергеева (Врангеля).

В прошлый раз я Вам сообщил о Борисове (эстонском посланнике Бирке). Более интересного пока мы и сами ничего об этом деле не знаем. Он куда-то бесследно провалился. Пока мы можем определенно сказать, что он нас еще не выдал. В чем тут дело, сам черт не разберет.

Жму крепко руку и обнимаю. Если успеете к следующему письму дать обычный обзор, было бы очень приятно, но помните, что в данный момент наиболее серьезным являются переговоры с приезжим, которые и должны быть поставлены в главе всего, а потому, если из-за обзора Вы должны будете потерять время, нужное на более серьезную работу, то не торопитесь с обзором и отложите его на другой раз.

Прилагаемое письмо перешлите Шмидту.

Ваш А. Федоров».

14

Сохранился черновик моего доклада центральному комитету («правлению») М.О.Р. Он был написан 25-го июня, зашифрован в двух экземплярах, из которых один был послан Якушеву, а другой — Кутепову. Встреча со Струве была мною описана так:

«21 июня я получил телеграмму от Струве. Он сообщил, что приезжает в Женеву (Варшаву) на международный съезд и просил меня встретить его и приготовить ему помещение. Ввиду отсутствия каких бы то ни было отношений с ним до получения этой телеграммы, я, зная из газетных статей о недавнем свидании его с Лежневым (Шульгиным) и в общих чертах зная то, о чем Липский, по поручению Треста, писал Лежневу, я догадался, что Струве обратился ко мне по рекомендации Лежнева и потому отправился встретить его и устроил его в гостинице. В том, что Струве обратился ко мне по рекомендации Лежнева, я не ошибся. Он сразу передал мне письмо Лежнева (от 18-го июня), в котором последний просил меня переговорить с ним по вопросу о финансовой помощи Тресту.

Приезд Струве в Женеву (Варшаву) застиг меня врасплох, так как я не имел на этот случай никаких указаний ни непосредственно от Треста, ни от Липского (Артамонова). О тех разговорах, которые могли быть между Лежневым и Струве, я слышал очень немного и только то, что мне мельком сообщил Липский, повидимому не предвидевший такого случая и потому не считавший нужным посвятить меня в подробности дела.

Мне пришлось поэтому на собственный страх и риск принять решение и установить мое отношение к Струве. Не имея от Треста никаких указаний, я, естественно, должен был быть с ним особенно сдержан и осторожен. Прошлое отрицательное отношение Треста к нему могло вообще удержать меня от свидания с ним и разговоров, но факт переговоров, которые велись (в Париже) Лежневым (с Нобелем и другими лицами), и письмо Лежнева заставили меня принять на себя ответственность за некоторые разговоры. В день своего приезда Струве очень торопился на упомянутый научный съезд и потому ограничился передачей мне письма Лежнева и словами о том, что в моем лице он видит представителя Треста, с которым желает переговорить по поднятому Лежневым вопросу. Он сказал также, что приехал только на съезд и для разговора со мной, причем возможность этого разговора сыграла решающую роль в деле его поездки. Я ответил, что рекомендация Лежнева дает мне возможность переговорить с ним, но что в моем лице он видит не представителя Треста, а лишь посредника, могущего довести до сведения Треста то, что он мне сообщит. Слово «Трест» в нашем разговоре при этом, конечно, ни разу названо не было. Я задал ему несколько вопросов, чтобы удостовериться, что он знает о Тресте и поездке Лежнева (в Россию).

В тот же день состоялось наше первое деловое свидание, прерванное, однако, разными, по другим делам являвшимися к нему, посетителями. Во время этого свидания Струве успел лишь сказать мне, что по просьбе Лежнева он готов заняться финансовой помощью Тресту, но что перед этим Трест должен дать доказательства своего существования.

В течение первых трех дней пребывания Струве в Женеве я неоднократно виделся с ним, то на указанном съезде, то на разных эмигрантских собраниях в его честь, причем, конечно, ни разу не затрагивался вопрос, ради которого он приехал.

Мне эти встречи дали возможность присмотреться к Струве и этим облегчили мне наш основной разговор, который состоялся 23 июня днем.

Я напомнил Струве его слова о том, что Трест должен дать доказательства своего существования и спросил его, как это надо понимать и каковы должны быть доказательства.

Он ответил, что метод борьбы с конкурентами (коммунистами) может быть различен. Можно принять тактику непрерывного нанесения отдельных ударов. Можно стремиться к подготовке одного конечного удара. Реальная осуществимость второй тактики кажется Струве мало вероятной и он склонен считать ее провозглашение уклонением от борьбы. Во всяком случае, по его словам, получение денег должно быть предварено определенными доказательствами. Поездка Лежнева является реальным доказательством существования Треста, но одной поездки мало. Следует установить более тесную связь между Трестом и теми кругами, которые могут дать деньги.

В этот момент разговор наш несколько уклонился от основной темы, так как Струве начал говорить о возможности более частых поездок из эмиграции в Трест и о полезности продолжительного пребывания кого-либо из руководителей Треста в эмиграции, но затем мы вернулись к основной теме и я поставил Струве несколько вопросов.

Я спросил, считает ли он получение мало-мальски крупной денежной помощи осуществимым и кто может такую помощь оказать. Струве ответил, что получение денег, по его мнению, возможно и что деньги могут быть даны либо металлистами (англичанами), либо чехами, на что у него есть серьезные рассчеты, но получение денег сопряжено с известными условиями. Так связь (Треста) с Германией и Литвой устраняет возможность получения поддержки от металлистов. Связь с Швейцарией (Польшей) может помешать получению денег от чехов.

Я промолчал и не дал никакого ответа на содержащийся в его словах вопрос (о заграничных связях Треста), а сам спросил, при каких условиях он мог бы попытаться, как он сам выразился, получить чек. Струве ответил, что первым условием является для него получение новых доказательств деятельности Треста, а затем указания «на какую базу Трест опирается». Доказательством деятельности может быть повторение поездки, совершенной Лежневым. Однако, поездка Лежнева

получила такую широкую огласку, что повторить ее невозможно. Говоря это, он явно упрекнул Лежнева в недостаточной конспиративности, но прибавил, что опубликование книги Лежнева будет иметь ту хорошую сторону, что огласка вызовет интерес, облегчающий получение денег. Его вопрос о том, на какую базу Трест опирается, был для меня сразу не совсем понятен и я попросил разъяснения. Струве в ответ начал что-то путать, но, повидимому, «базу» он понимает, как совокупность реальных возможностей «Треста», особенно в области отношений с окраинными государствами.

Продолжая говорить о необходимости повторения поездки, он сказал, что в настоящий момент первым шагом к получению денег должна была бы быть поездка лица, им указанного; что, в случае принципиального согласия Треста на организацию такой поездки, он, вернувшись в Вену (Париж), займется приисканием такого лица.

Отвечая на мой вопрос о размере помощи, он сказал, что говорить об этом невозможно, что все зависит от ловкости посредника, то есть, в данном случае, его самого, и что вообще в таком деле необходимо доверие к посреднику.

Этим, в сущности, разговор по основному вопросу был закончен. Во все время разговора я больше слушал, чем говорил, и раза два подчеркнул, что мои слова не могут обязывать Трест, так как я говорю только от своего имени, не имея никаких инструкций. По окончании разговора я, однако, почувствовал, что Струве еще что-то хочет сказать и, действительно, он спросил меня, известно ли мне об обострившемся в последнее время раздоре между Бородиным (Кутеповым) и Сергеевым (Врангелем). Я ответил, что известно, хотя причины раздора мне не понятны.

Тогда Струве с неожиданной горячностью, составляющей разительный контраст с его обычным спокойствием, начал говорить мне о том, что в споре между Сергеевым и Бородиным вся правда на стороне Бородина, что их нельзя между собою сравнивать, что работать надо с Бородиным и что очень жаль, что в последнее время (в Тресте) возникли тенденции к расхождению с Бородиным и установлению отношений с Сергеевым. Хоть он говорил в форме как бы отвлеченной, но я понял, что речь идет о совершенно определенном вопросе — поездка Лежнева вызвала слухи о том, что Трест охладел к Юнкерсу (великому князю Николаю Николаевичу) и Бородину (Кутепову) и хочет работать с Сергеевым (Врангелем). Я понял,

что кроме разговора о финансовой помощи, целью приезда Струве было также выяснение правдивости этих толков и что этот вопрос интересовал его не менее, если не более вопроса о финансовой помощи. Поэтому я задал ему несколько вопросов и убедился в том, что я не ошибся. Действительно, Струве считает, что Лежнев ездил в Трест интриговать против Бородина в пользу Сергеева и что Трест охладел к Бородину и хочет с ним порвать.

Убедившись в этом, я сказал Струве то, что, как мне кажется, я должен был сказать. Я указал, что у Треста нет никакого предвзятого подхода к кому бы то ни было в эмиграции и что сотрудничество возможно со всеми теми, кто может быть для Треста полезным, но что отношение Треста к Юнкерсу и Бородину вполне искренно. В известные моменты может возникать у Треста не охлаждение, а некоторое разочарование, объясняемое тем, что эмиграция ничего не дает Тресту, но в этом отчасти виноват сам Бородин, не делающий разницы между Трестом и какой-либо своей агентурой, с которой он «держит связь». Струве перебил меня и сказал, что об этом не может быть речи и что Бородин ценит свои отношения с Трестом гораздо выше всех остальных своих отношений, но опасается охлаждения Треста, вызванного интригой Лежнева и Елисеева (генерала Климовича). В ответ я еще сказал несколько фраз, долженствовавших, с одной стороны, убедить Струве в добром отношении Треста к Бородину, а, с другой, указать, что Трест — достаточно значительная политическая величина, чтобы вести самостоятельную политику и разговаривать с теми, с кем считает нужным. Я сказал, что в условиях работы Треста нет места для интриг и что нельзя рассматривать отношения с кем-либо, кроме Бородина, как интригу против Бородина. Наконец, я прибавил, что, по моему мнению, толки о желании Треста порвать с Бородиным и сосредоточить все свои отношения в руках Сергеева лишены всякого основания. Струве ответил изъявлениями благодарности за то, что я его успокоил, и словами о том, что всю работу сосредоточить надо в руках Бородина, который замечательный и сильный человек

Надо было прощаться и мы расстались на том, что я дал Струве мой адрес и получил его, а также условился относительно пароля, с которым могло бы обратиться к нему от моего имени третье лицо. Он просил в будущем избегать по-

средничества — даже Лежнева и Бородина — и обращаться прямо к нему.

Само собой разумеется, что во время нашего разговора с моей стороны не было сказано ничего, что могло бы послужить намеком на какие-либо дела и отношения Треста, его состав и т. п. Надо отдать справедливость Струве, что он, в этом отношении, не проявлял назойливости. Факт существования Треста принимался обеими сторонами во время разговора, как то бесспорное, вокруг чего можно строить план оказания денежной помощи.

24 июня Струве уехал. Повидимому, никаких политических разговоров, хотя бы по делам своего Центрального Объединения (существовавшей тогда в Париже русской эмигрантской политической организации) он здесь ни с русскими, ни с поляками не вел».

15

В мои короткие воспоминания о пребывании П. Б. Струве в Варшаве, опубликованные парижским журналом «Возрождение» (тетрадь 9-тая, май-июнь 1950 года), я включил посланный в Москву из Варшавы доклад об этих разговорах, исключив упомянутое в них расхождение Кутепова с Врангелем. Огласка этого разногласия показалась мне тогда преждевременной. Теперь мне кажется нужным сообщить текст этого документа полностью. Он показывает, как пагубны были наши эмигрантские разделения и как они облегчали чекистам их провокационную «игру».

Теперь я вижу, насколько легкомысленным было мое слепое доверие к Якушеву, Потапову и известному мне только по наслышке Зайончковскому; насколько недостаточным было понимание вреда, причиняемого противникам коммунизма их разобщенностью.

—

Якушев ответил на мой доклад о Струве письмом № 26, первоначальная дата которого — 5-го июля — была до отсылки исправлена на 8-ое.

«*Дорогой Сергей Львович* — написал он — *Вашу почту от 1-го июля за № 26 получили исправно. Надеюсь, что до Вас дошла наша телеграмма о временном перерыве обычных почтовых сношений и об усиленном функционировании окон.*

Быть может, на первый взгляд Вам покажется это парадоксальным, ибо риска с окнами больше, но, насколько нам удалось установить, в настоящий момент меньше обращается внимания на периферии, чем на центр. Кроме того, нам необходимо получить некоторые документы, для удачного выполнения чего нам нужно временно прекратить сношения со здешними представительствами торгпалат (иностранных генеральных штабов).

Пока мы объявили перерыв на один месяц, но, если удастся получить успокоительные данные раньше, то возобновим почтовую линию раньше этого срока.

Переходя к вопросу о С. (Струве), должен, прежде всего, принести Вам от имени правления (М.О.Р.) сердечную благодарность за разумное, тактичное и вполне соответствующее интересам Треста ведение переговоров с ним.

Обращаясь к существу поставленных им условий, я считаю нужным отметить, что, как бы ни сильна у нас была потребность в средствах, но для нас еще важнее достижение нашей конечной цели. К достижению ее мы идем по выработанному нами плану, в который вносим коррективы, в зависимости от обстоятельств и принаравливаясь к местной обстановке. Но в нашей деятельности мы никогда не руководствовались и не можем руководствоваться желаниями и вкусами групп и лиц, стоящих вне нашей орбиты, а тем более не можем, по заказу, показывать фокусы, которые, быть может, будут приятны и убедительны для посторонних, но могут повести нас по неверному направлению или испортить нам дело. Лучше еще несколько лет тяжелой, трудной работы, чем погубить дело, увлекшись призраком легкого получения средств.

Поэтому мы можем идти лишь на такие эксперименты, которые нами будут признаны вполне безопасными и отвечающими общей нашей тактике. Кроме того необходима конкретизация понятий, что, например, С. подразумевает под словами «непрерывное нанесение ударов». Если это террор, то мы от него раз навсегда торжественно отказываемся. Если же что-нибудь другое, то желательно знать, что же именно.

Против поездки к нам лиц, по выбору С., мы конечно ничего не имеем. Пожалуйста, милости просим, но с одним маленьким условием, которого мы до сих пор неизменно придерживались, а именно, чтобы список кандидатов на по-

ездку был согласован с Трестом. Установление постоянной связи — вещь вполне приемлемая. Частый обмен путешественниками в обе стороны возможен, но нужно иметь реальные цели для таких путешествий, которые, как Вы знаете, и довольно дорого стоят и сопряжены с серьезным риском каждый раз. Наконец, более или менее продолжительное пребывание заграницей кого-либо из членов Треста, пожалуй, достижимо. Во всяком случае, если вопрос (о денежных средствах) будет поставлен на реальную почву, то это представится и необходимым.

Во всяком случае мы относимся с полной серьезностью к предложению С. и просим Вас продолжать с ним в этом направлении переписку, руководствуясь вышеприведенными общими соображениями. Кроме того, нам чрезвычайно интересно было бы знать масштаб, который имеет в виду С. Идет ли тут разговор о тысяче ф. (фунтов стерлингов) или о чем либо действительно серьезном.

Когда Вы найдете нужным непосредственное наше обращение к нему, уведомьте нас, а пока ведите переговоры сами.

По делу Б. (эстонского посланника Бирка) ничего интересного мы за это время не выяснили. Повидимому, вся эта история пока нас не коснулась. Нужно только получить уверенность в этом, к чему мы и стремимся.

Денисов (Ланговой) просит передать Вам, что Ваше письмо он получил и благодарит за него. Сам писать не имеет физической возможности. Просит сообщить нефтяникам (евразийцам), что он к ним ехать сейчас абсолютно не может и ждет их здесь, в половине июля, но не позднее 24-го июля, но кажется, что к этому сроку они не успеют приехать.

Жму крепко Вашу руку и сердечно обнимаю. Прошу переслать прилагаемое письмо Бородину (Кутепову).

Ваш А. Федоров».

—

В моем архиве нет указания, кем и когда этот ответ Якушева был сообщен Струве. Вероятно, после возвращения Артамонова из Югославии, я показал ему копию доклада Тресту о пожеланиях Струве и полученное из Москвы письмо Якушева. Вероятно, считаясь с тем, что резидентом Кутепов-

ской организации и М.О.Р. в Варшаве был Артамонов, от переписки со Струве я уклонился.

Воображаю, какое удовольствие доставил мой доклад чекистам, превратившим М.О.Р. в провокационную «легенду». Подтверждение распространенных слухов о разногласиях между генералами Кутеповым и Врангелем должно было их обрадовать, а неверное предположение Струве об интриге Врангеля против Кутепова и об его желании вступить в сношения с Трестом через побывавшего в России Шульгина должно было показаться бесспорным доказательством несомненной напряженности эмигрантских расхождений.

—

Ни Артамонов, ни я не придали особого значения включенному в письмо Якушева сообщению о временном перерыве сношений Треста с иностранными военными агентами в Москве и объяснению перерыва необходимостью «получить некоторые документы».

Теперь можно предположить, что это уклонение от встреч представителей М.О.Р. с иностранными офицерами было вызвано желанием польского штаба получить «документ», который — по словам Ричарда Враги, польского автора нескольких статей о Тресте — был доставлен Трестом, но оказался подделкой.

Стало ли разоблачение этого обмана главной — как предполагает Врага — причиной самоликвидации Треста в апреле 1927 года, сказать трудно. Состоявшееся тогда по почину О.Г.П.У. и осуществленное опытным чекистом Опперпутом удаление из России проникших туда при содействии М.О.Р. кутеповцев могло быть решено Менжинским и его сотрудниками в связи с возникшей напряженной обстановкой в отношениях между Москвой и Лондоном. Во всяком случае, ликвидировав Трест, советские «органы государственной безопасности» — благодаря тому же Опперпуту — обеспечили себе контроль над первыми действиями Кутеповской организации после постигшего М.О.Р. провала.

16

Последняя поездка Якушева от Треста за границу состоялась в ноябре и декабре 1926 года. Никулин, в «Мертвой зыби», написал, что Якушев перешел эстонско-советскую границу 20-го ноября и встретился в Ревеле с Захарченко, выз-

ванной Кутеповым в Париж, но туда не доехавшей. Стауниц, то есть так называвший себя в М.О.Р. Опперпут, присланной в Ревель телеграммой добился ее возвращения в Москву. Очевидно, ее участие в предстоявших разговорах Кутепова с Якушевым показалось чекистам нежелательным.

В Эстонии Захарченко — по словам Никулина — спросила Якушева, почему он возражает против террора. В ответ, он назвал террор «навязчивой идеей», ничего не решающей.

Во Франции Якушев — опять-таки по утверждению Никулина — беседовал с Кутеповым, был принят в Шуаньи великим князем Николаем Николаевичем, побывал у графа Коковцова и у Шульгина. В обратный путь он выехал 14-го декабря, направляясь во Франкфурт-на-Майне и в Москву.

Никулин не сказал, что во встречах Якушева с Кутеповым и Шульгиным участвовал приехавший из Варшавы Артамонов. В его отсутствие мне вновь пришлось исполнять обязанности резидента М.О.Р. и Кутеповской организации в Польше.

—

Накануне отъезда Артамонов передал мне список адресов, которыми он пользовался для связи с Парижем. Первым в этом списке был назван Бородин (Кутепов). К его домашнему адресу была сделана приписка: «Для срочных телеграмм, его имя».

Затем был указан версальский адрес не известной мне русской дамы З. Р. с отметкой: «Бородин, для конфиденциальных писем».

Адрес ныне покойного полковника А. А. Зайцова был предварен указанием: «Для переписки официальной — о визах, приездах купцов (переходах границы) и т. д.; для отправки пакетов через швейцарцев (польских дипломатических курьеров)».

После него был назван Лежнев (Шульгин) с указанием писать ему по парижскому адресу В. Лазаревского и, наконец, был упомянут живший тогда в Сэвр под Парижем русский эмигрант, состоявший, как я летом случайно узнал из письма Якушева, в каких-то отношениях с Трестом. Об этом адресе Артамонов написал, что он «может быть нужен, как передаточный адрес для конфиденциальных Трестовских дел во время пребывания Рабиновича (Якушева) и Липского (самого Артамонова) в Вене (Париже)».

Дорогой Сергѣй Львовичъ.

Ваше интереснѣйшее письмо отъ 24/VI, за № 25 мы получили 27-го.

Мы не представляли себѣ, что разговоръ между Лежневымъ и прiѣзжимъ, о которомъ намъ своевременно сообщалъ Ю.А., будетъ имѣть такiе быстрые результаты и будетъ проявлена активность со стороны прiѣзжаго.

Ожидаю Вашего слѣдующаго письма, въ которомъ, надѣюсь Вы сообщите о тѣхъ пунктахъ, которые онъ ставитъ тресту, а также содержанiе (или текстъ) его статьи.

Когда мы узнали о переговорахъ Лежнева съ прiѣзжимъ, мы посмотрѣли на это, какъ на болтовню, или въ лучшемъ случаѣ, какъ на одно изъ тѣхъ благихъ намѣренiй, которыми вымощенъ адъ, полагая, что даже и достать то средства онъ не въ состоянiи. Если же вопросъ принимаетъ актуальный характеръ, то съ нашей стороны было бы глупо отказываться отъ помощи, но, разумѣется, надо знать условiя, которыя ставятся тресту.

Не зная ихъ пока, но въ тоже время, вполнѣ полагаясь на Вашъ тактъ и преданность дѣлу, мы думаемъ, что онѣ не содержатъ ничего противоестественнаго, иначе, Вы, вѣроятно, просто отказались бы отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ нимъ.

Во всякомъ случаѣ мы разъ навсегда даемъ Вамъ полн разрѣшенiе на сотрудничество, поскольку оно нужно для нашихъ общихъ съ Вами цѣлей, не видя въ этомъ не только ничего предосудительнаго, но даже считая это разумнымъ и полезнымъ, поскольку цѣль оправдываетъ средство.

Въ смыслѣ веденiя Вами переговоровъ и правильности освѣщенiя Вами отдѣльныхъ сторонъ дѣятельности треста и его задачъ – мы вполнѣ спокойны, зная Васъ и увѣрены, что эта сторона дѣла находится въ надежныхъ рукахъ.

Съ естественнымъ нетерпѣнiемъ ждемъ дальнѣйшаго. Вы совершенно правильно отмѣтили отсутствiе у треста личныхъ симпатiй и интригъ, какъ двигателей политики треста. Можете, въ частности, въ отношенiи Бородина сказать, что ему мы довѣряемъ и не предполагаемъ мѣнять его на Сергѣева.

Въ прошлый разъ я Вамъ сообщалъ о Борисовѣ. Болѣе интереснаго пока мы и сами ничего объ этомъ дѣлѣ не знаемъ. Онъ куда то безслѣдно провалился. Пока мы можемъ опредѣленно сказать что онъ насъ еще не выдалъ. Въ чемъ тутъ дѣло – самъ чертъ не разберетъ.

Жму крѣпко руку и обнимаю. Если успѣете къ слѣдующему письму дать обычный обзоръ – было бы очень прiятно, но помните, что въ данный моментъ наиболѣе серьезнымъ и отвѣтственнымъ для Васъ вопросомъ являются переговоры съ прiѣзжимъ, которые и должны быть поставлены въ главѣ всего, а потому, если изза обзора Вы должны будете потерять время, нужное на болѣе серьезную работу, то не торопитесь съ обзоромъ и отложите его на другой разъ.

Вашъ А. Федоровъ

№ 25
29 iюня 1926 г. P.S. Прилагаемое письмо передайте Шмидту.

Письмо А. Федорова (Якушева)

Последним в список были включены адреса двух евразийцев — Сувчинского в Кламаре и Шмидта (Арапова) в Берлине.

Одновременно Артамонов сообщил мне, что отослал 29-го ноября в Москву предназначенную Тресту почту — пакет № 47 — и, в тот же день, пакет № 20 не известному мне русскому парижанину А-скому.

Другой русский парижанин был назван мне потому, что в день отсылки почты Артамонов передал польскому генеральному штабу просьбу Кутепова о предоставлении ему польской визы, как направляющемуся в Москву участнику Кутеповской организации. Насколько мне известно, воспользоваться этой визой он, до самоликвидации Треста, не успел.

В день своего отъезда в Париж, Артамонов успел сообщить мне и то, что очередное пограничное «окно» назначено на ночь с 15-го на 16-е декабря, в районе польской железнодорожной станции Столбцы.

—

Полученная мною в первой половине декабря почта Треста была скудной. Ланговой написал 4-го декабря:

«Дорогой Сергей Львович!

Будьте добры переслать письмо и «Евраз. письма» П. Н. Элкину (Савицкому, в Прагу). Я бы с большим интересом выслушал Ваше мнение по вопросам, затронутым в «Письмах». Дружески жму Вашу руку.

Ваш Денисов».

6-го и 13-го декабря С. Мещерский, короткими записками, сославшись на Касаткина (Опперпута), подтвердил получение пакетов, доставленных в Москву польскими дипломатическими курьерами.

11-го декабря Якушев написал мне из Парижа:

«Дорогой Сергей Львович!

Ваше письмо и телеграмма получены Юрием Александровичем (Артамоновым). Прошу Вас передать торгпалате (генеральному штабу), что принципиально я не имею ничего против свидания и разговоров, но срока свидания пока установить не могу.

Сердечно обнимаю. Ваш А. Федоров».

Тогда отсрочка приезда представителя М.О.Р. в Варшаву для разговора со штабом не показалась мне удивительной, но теперь я думаю, что отказ Якушева от этой встречи, на кото-

рой штаб, очевидно, настаивал, объяснялся уже известным ему недоверием польской разведки к полученному от Треста «документу». По словам Ричарда Враги, он был признан подлинным изучившими его офицерами, но отвергнут Пилсудским, как очевидная советская дезинформация.

Если это верно, самоликвидация Треста стала неизбежной, но в декабре 1926 года последняя страница его истории еще не была дописана.

Я знаю со слов Кутепова, что Трест предложил ему побывать в марте 1927 года в России и что он приглашение отклонил. Возможно, что чекисты уже тогда хотели заманить своего самого непримиримого и активного врага в западню. Возможно, что они решили сделать это в предвидении неизбежного конца просуществовавшей почти пять лет «легенды».

Кутепов мне сказал — когда я приехал из Варшавы в Париж вестником провала М.О.Р. — что вместо поездки в Россию он предложил Тресту встречу с его представителями в Финляндии и что она состоялась в Териоках. Однако Никулин, в «Мертвой зыби», написал, что Потапов и «один товарищ по фамилии Зиновьев» прибыли 25-го марта из Москвы не в Териоки, а в Гельсингфорс. Я допускаю, что «Зиновьевым» себя назвал один из будущих участников похищения Кутепова в Париже, пожелавший взглянуть на свою жертву.

—

Никулин рассказал, что Менжинский, возглавлявший тогда О.Г.П.У., дал Потапову, до его отъезда в Финляндию, следующее указание: «Всеми силами старайтесь скомпрометировать идею террора; ссылайтесь на то, что даже такому специалисту, как Савинков, когда он был во главе боевой организации (социалистов-революционеров), террор ничего не дал».

Никулин не смог скрыть и то, что, посылая Потапова на свидание с Кутеповым, чекисты готовились к ликвидации М.О.Р. Он так изложил сказанное Менжинским:

«Надо сказать, что существование Треста несколько затянулось. В конце концов, они же (эмигранты) не считают О.Г.П.У. слепым учреждением. Оно не может проглядеть такую солидную контр-революционную организацию. Так долго Трест мог сохраняться только благодаря соперничеству между эмигрантскими организациями и разочарованию иностран-

ных разведок в эмигрантах. Иностранцы делают ставку на так называемые внутренние силы, но и господа иностранцы, которым нужны чисто шпионские сведения, тоже их не получают. Мы бы однажды могли сделать вид, что Трест провалился, что мы, так сказать, его поймали, но вслед за этим последуют попытки усилить террор. Нам будет труднее сдерживать Кутепова и кутеповцев. У нас достаточно сил, чтобы ловить их и обезвреживать, но еще лучше, если мы будем действовать на них изнутри, сеять мысль о вреде и никчемности террора».

В день этого разговора Менжинского с Потаповым чекисты, очевидно, уже подготовляли такое решение возникшей перед ними проблемы, при котором конец одной провокации был бы одновременно началом следующей.

—

По словам Никулина, Кутепов хотел увидеть в Финляндии Захарченко, Якушева и человека, которого он знал по наслышке, как Стауница и Касаткина.

Против поездки Захарченко в Финляндию Трест не возразил, но допустить встречу Кутепова со Стауницом-Касаткиным он не мог — слишком велика была опасность опознания в нем чекиста, проникшего в свое время в савинковский Союз Защиты Родины и Свободы. Поэтому на вопрос Захарченко, заданный ею Потапову в Финляндии, он ответил: «Так решено политическим советом. Якушева, как видите, тоже нет. Совещание чисто военного характера».

В этой части своей лживой истории Треста Никулин поскользнулся — сделал ошибку, разрушающую всю его постройку. В «Мертвой зыби» он изобразил Стауница бывшим савинковцем, скрывшим от советской власти прошлое и примкнувшим к тайной монархической организации. Его «бегство» в Финляндию, в апреле 1927 года, он объяснил контр-революционным прошлым активного савинковца, ставшего монархистом. Однако, в главе о разговоре Потапова с Менжинским, он привел следующую фразу возглавителя О.Г.П.У.: «В последних, полученных Трестом письмах Кутепов настаивает на том, чтобы (на свидание в Финляндии) приехал Стауниц-Опперпут, но вы знаете, что это нежелательно».

Этими словами Менжинского автор «Мертвой зыби» подтвердил, что чекисты знали, кем был в действительности Стауниц, и поэтому считали его появление за границей невозможным.

—

Кутепов рассказал мне в Париже, что во время финляндского свидания представители Треста усиленно расспрашивали его об Англии и об ее отношении к советской власти в России. Возникшее тогда в Великобритании антисоветское настроение их, очевидно, беспокоило. Они прямо спросили Кутепова, считает ли он англо-советскую войну неизбежной. Он ответил утвердительно.

Значительно позже, один из первых невозвращенцев — бывший сотрудник центрального комитета советской коммунистической партии Бажанов — сообщил, что в марте 1927 года политбюро получило «по линии О.Г.П.У.» предупреждение о неизбежности войны с Англией.

Между этим сообщением Бажанова и рассказом Кутепова об его разговоре в Гельсингфорсе или Териоках — очевидная связь. Может быть непроизвольно возглавитель Кутеповской организации мнением о неизбежности войны окончательно подтолкнул Менжинского на назревавшее и по другим причинам решение о ликвидации Треста. Пойдя на это, О.Г.П.У. должно было подумать лишь о том, как обеспечить непосредственное наблюдение за тем, что предпримет Кутепов. Эту обязанность оно возложило на Опперпута.

17

Советник польского министерства финансов Леонард Леонардович Штольценвальд был остзейским немцем, ставшим польским гражданином. Службой он дорожил — она была единственным источником средств большой семьи, но Россию он любил, как бывший воспитанник петербургского Училища Правоведения, и поэтому позволил Артамонову пользоваться его адресом для почтовой переписки. Однако, его смутила и даже испугала телеграмма, посланная из Гельсингфорса 14-го апреля 1927 года. Не известная ему Мария Шульц хотела узнать, где теперь Гога и не было ли на границе перестрелки.

Такие вопросы, написанные, к тому же, по-русски, могли обратить на него нежелательное внимание. Это его взволновало и он немедленно отнес непонятную телеграмму Артамонову, который вызвал меня.

Мы знали, что Мария Шульц — псевдоним Захарченко и что Гогой она называет Радковича, но терялись в догадках, почему она неожиданно из Москвы попала в Гельсингфорс и о какой пограничной перестрелке, связанной с Гогой, может

быть речь. Мы поняли, что случилось что-то необыкновенное, но высказать определенную догадку не смогли. Артамонов решил сообщить телеграмму штабу.

Там ему сказали, что ночью из России границу перешло трое вооруженных мужчин, назвавших себя участниками Кутеповской организации. Одним из них был Радкович.

В тот же день их привезли в Варшаву и разместили в небольшой гостинице «Виктория» на Ясной улице.

—

Радкович рассказал, что человек, известный ему под фамилией Стауница и псевдонимом Касаткина, как один из возглавителей М.О.Р., не вступив в долгое объяснение, посоветовал ему и двум другим, находившимся в Москве кутеповцам, бежать в Польшу, прибавив, что Трест пропитан советской агентурой и что только удачное бегство может спасти участников боевой организации от гибели.

Он сообщил, что сам уйдет в Финляндию и что Захарченко решила разделить его судьбу. Для несчастного Радковича это было двойным ударом — не только политическим, но и личным. Его единственным желанием было скорейшее возвращение в Россию и месть чекистам за обман и провокацию.

—

21-го апреля, на последней странице московских «Известий», появилась напечатанная петитом заметка, озаглавленная «Ликвидация контрреволюционной шпионской группы».

«ОГПУ в Москве раскрыта и ликвидирована монархическая группа, называвшая себя сторонниками б. вел. кн. Николая Николаевича. Группа, как видно из захваченных материалов, не имела связи ни с какими слоями населения и занималась, главным образом, военным шпионажем в пользу некоторых наиболее активных военных разведок. Следствием установлено, что контрреволюционная группа получала денежные средства из иностранных источников. Руководителем группы являлся находившийся в Париже б. генерал белых армий, монархист-николаевец Кутепов. Документы, попавшие в руки следствия, и показания арестованных лиц указывают на большую заинтересованность иностранных разведок не только в отношении получения источников для ведения военного шпионажа, но и в отношении поддержки попыток создания антисоветской организации внутри СССР. Однако, из материалов

следствия видно, что эти попытки никакого успеха не имели. Следствие обещает дать новый материал в смысле разоблачения финансовых махинаций и заграничных связей провалившейся монархической группки б. генерала Кутепова».

Это сообщение изобразило, таким образом, М.О.Р. подлинной тайной монархической организацией и было, очевидно, напечатано для укрепления доверия Кутепова и других эмигрантов к таким агентам «легенды», как Якушев и Потапов.

—

5-го мая кто-то протолкнул в парижские «Последние Новости» дезинформацию, полученную, по словам редакции, от ее рижского корреспондента:

«Провал монархической организации николаевцев вызван предательством и провокацией некоего Эдуарда Штауница, поступившего около 4-х лет тому назад в организацию монархистов под фамилией Касаткина.

Названные две фамилии являются вымышленными, как и ряд других. Так в провалившейся в 1921 году организации покойного Савинкова он значился под фамилией Опперпута и под этим именем выступал вместе с Гнилорыбовым, как главный свидетель, во время слушания дела Союза защиты родины и свободы.

Позже Штауниц-Касаткин-Опперпут, кажется, под фамилией Савельева состоял в организации Таганцева, которую также предал.

После разгрома таганцевской организации предатель был переведен в Москву, где и установил связь с николаевцами. В монархической — ее еще называют кутеповской — организации Касаткин-Штауниц постепенно пролез в центральный орган, где играл крупную роль. От имени организации Штауниц вел переговоры с антисоветскими правыми группировками заграницей. Передают, что был вхож в парижские союзы николаевцев. Держал тесную связь с представителями генеральных штабов ряда государств, снабжая их материалами о красной армии. Как курьез сообщают, что совсем недавно он вел переговоры со штабом одной страны о доставке в Россию оружия для готовящегося восстания.

Предательство Штауница-Касаткина привело к многочисленным арестам в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Нижнем-Новгороде и других городах. В Петрограде расстреляно 16 человек без суда, отказавшихся от дачи каких-либо

показаний. Среди расстрелянных — четыре моряка и несколько красных командиров.

По некоторым данным, Касаткин-Штауниц Опперпут-Савельев в действительности латыш Упелинц, чекист, занимавшийся в 1918 году расстрелами офицеров в Петрограде и Кронштадте».

Парижская газета прибавила к этому сообщению из Риги примечание, в котором написала:

«По слухам, Касаткин-Штауниц опознан и арестован в Финляндии, куда он явился сразу после провала монархистов в двадцатых числах апреля и пытался получить визу в Англию».

—

Никто или, вернее, почти никто не обратил внимания на странное противоречие между разоблачением чекистской биографии Опперпута и его появлением в Финляндии.

Никто или почти никто не заметил, что «информация» рижского корреспондента «Последних Новостей» переложила всю вину за провокацию в М.О.Р. на одного Опперпута, обеляя этим остальных создателей «легенды».

Теперь не подлежит сомнению, что эта дезинформация была тактическим ходом чекистов в их игре, имевшей двоякую цель — либо добиться доверия эмигрантов и иностранцев к Опперпуту и сделать его участником их антисоветских начинаний, либо очернить его в их глазах разоблачением прошлого и этим облегчить восстановление М.О.Р., как тайной монархической организации, пострадавшей по вине Опперпута, но не раскрытой до конца.

Другим ходом в той же игре было письмо, которое Потапов 10-го апреля написал Кутепову. Как ни в чем не бывало, за пять дней до сообщения «Известий» о раскрытии антисоветской организации и аресте ее участников, это письмо было вручено в Москве поддерживавшему связь с Трестом польскому офицеру для доставки в Варшаву дипломатической почтой.

—

Ставший советским провокатором бывший генерал императорской службы обратился к Кутепову, как к другу:

«*Дорогой Александр Павлович!*

Сообщаю Тебе подробности наших печальных событий.

3-го апреля один из сослуживцев Александра Оттовича Упелинца по Красной Армии в Гомеле в 1920 году, Махнов, недавно вовлеченный в одно из наших предприятий, опознал в нашем Касаткине известного провокатора Опперпута — правда, указав, что Опперпут в 1920 году не носил бороды. Об Опперпуте нет надобности распространяться — его имя упоминается в известной Красной Книге ВЧК.

Ты должен понять, как нас ошеломила невероятность подобного предположения, и не будешь нас очень ругать за те глупости, которые мы наделали и которым, строго говоря, нет оправдания при всякой другой обстановке.

Вместо того, чтобы немедленно лишить Касаткина возможности действовать, мы стали наводить справки и занялись проверками. Между прочим, и он сам был спрошен о некоторых — на наш взгляд, невинных — вещах, выяснению которых, в целях проверки, мы придавали большое значение. Однако, повидимому, где-то мы совершили ошибку, вследствие которой он понял, что его подозревают. Дальше, мы не придали достаточного значения его нервному состоянию, в котором он находился последнее время. Мы объяснили его тем раздражением, котор. получил Касаткин в связи с отклонением правлением Треста (центральным комитетом М.О.Р.) его слишком рискованных коммерческих операций. Не ожидая такого страшного удара изнутри самого правления, мы, очевидно, недостаточно спокойно взялись за дело и дали повод Касаткину почувствовать, что под ним горит почва. Недостаточно быстрое расследование дало возможность этому негодяю скрыться, весьма хитро предварительно обдумав план побега, и использовать для его осуществления ни в чем не повинных людей.

К несчастью, дело запуталось, благодаря одной — тоже крайне неприятной для нас — случайности. Именно, 5-го апреля племянник (Радкович) — как теперь выяснилось, по поручению Касаткина и без нашего ведома — вел переговоры о продаже своей сварочной мастерской. Угостив покупателя и напившись сам, он попал в милицию, имея на руках некоторые наши счета (документы). На другой день он был выпущен, получив поручение от высокого учреждения оказать содействие по розыску. Вернувшаяся к этому моменту (из Финляндии) племянница (Захарченко), возмущенная поступком племянника, предложила ему немедленно покончить с собой. В результате обсуждения этого вопроса

мы решили, что племянник — вместо того, чтобы исполнить требование учреждения — должен немедленно выехать к фермерам (в Финляндию). Ввиду случившегося, мы нашли пребывание самой племянницы опасным и предложили ей также временно отправиться к фермерам, назначив для этого специальное окно на 12 апреля. 10-го она выехала в Вильну (Петроград), где должна была встретиться с Гогой (Радковичем), но 11-го Касаткин получил от племянницы телеграмму, примерно такого содержания: «Зверев (Радкович) не прибыл, волнуюсь, получила очень важное поручение от фермеров, необходимо решение, немедленно приезжайте». Здесь мы совершили нашу главную ошибку. Касаткин, ошеломив нас известием об исчезновении Зверева, вызвался ехать в Вильну. И мы на это согласились, рассчитывая в его отсутствие проверить подозрение.

13-го жена Касаткина получила от него письмо, в котором он называет себя «международным авантюристом» и сообщает, что через месяц будет в Америке. Одновременно мы получили от Касаткина письмо с сообщением об его бегстве и с наглым шантажным предложением: выслать в трехдневный срок деньги за молчание, из чего видно, что есть некоторая надежда, что он еще не все предал.

Этот тактический промах Касаткина дал нам возможность предпринять кое-какие шаги прежде, чем начались протесты (аресты). Хладнокровию и распорядительности Рабиновича (Якушева) мы обязаны тем, что кое-как овладели положением. В настоящий момент Рабинович находится, повидимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем. Готовясь скрыться, еще на своей квартире получил звонок по телефону из Гельсингфорса от Касаткина. Касаткин ультимативно требовал денег и грозил раскрытием всего. На другой день он прислал телеграмму с требованием перевести деньги по адресу: Анны Упелинец, Рига, ул. Барона Кришьяна.

Уже 13-го и 14-го начались массовые протесты векселей (аресты), как рассказывал бежавший из Вильно Серов (Дорожинский). Участь Денисова (Лангового) не известна. Серов рассказал подробности бегства Касаткина. Сам Серов, привыкший с давних пор исполнять беспрекословно приказания Касаткина и ничего не зная о наших подозрениях, крайне растерялся, видя, как Касаткин, вместо того, чтобы только помочь, как он заявил Серову, племяннице нести ее

чемодан, сам ушел к фермерам (в Финляндию). Орсини (Демидов), который вместе с Серовым провожал племянницу, тоже был поражен и только потом сообщил о странной фразе, которую ему, уходя, сказала племянница: «Это делается по категорическому приказанию Бородина (Кутепова); в тайне даже от Серова; что бы ни случилось, не удивляйтесь; приходите, мы примем Вас...»

Неужели Ты дал такое приказание? Что может значить эта странная фраза? В голове не укладывалось первое невероятное предположение, что и она — его сообщница. И как иначе объяснить ее вызов по телеграфу Касаткина? Однако, проанализировав все события, мы пришли к единственному возможному выводу, что она является только его жертвой. Очевидно, он сумел уверить племянницу в том, что после разгрома активной оппозиции в Тресте сторонникам ее стала невозможной дальнейшая работа и он решил конспиративно от правления (центрального комитета М.О.Р.) уехать к тете Саше (Кутепову) и ей рассказать о линии оппозиции (сторонниках немедленного террора). Только при этом предположении становится понятным великодушие Касаткина по отношению к некоторым своим сторонникам (находившимся в Москве кутеповцам), которых он благородно предупредил о «провале» и помог благополучно уехать — хоть на этом спасибо! Ясно, что это сделано для того, чтобы сохранить благородный вид перед племянницей, на помощь которой он, очевидно, рассчитывает у фермеров.

Нашу первую телеграмму, которую Ты, вероятно, уже получил, мы послали также через огородников (эстонский генеральный штаб) к фермерам (финляндскому генеральному штабу). Крайне опасаемся, как поступят фермеры и, в особенности, сама племянница с этим сообщением, не имея необходимых доказательств. Ей-то, вероятно, фермеры покажут телеграмму. Находясь под сильным влиянием Касаткина, она — мы боимся — не поверит сообщению и, возможно, предупредит его о наших шагах. Было бы крайне необходимо поскорее повлиять на племянницу, чтобы она прекратила с Оппертутом всякие сношения, если нельзя рассчитывать на ее активное участие в борьбе против него. Из нашей телеграммы Тебе уже известно постановление правления о нем — необходимо его выполнить.

В настоящий момент еще совершенно невозможно учесть размеров убытков. Однако, уже сейчас есть основание пола-

гать, что Опперпут вел очень сложную игру с конкурентами (коммунистами) и в своих собственных интересах. Он давал конкурентам, видимо, не все, что знал, ибо иначе нельзя объяснить сравнительно ограниченные размеры протестов (арестов). Пока нужно сказать, что окончательно скомпрометированы главное правление Треста и привлечена к делу почти вся связь, непосредственно обслуживавшая главное правление. Все линии торговцев (участников М.О.Р.), к которым Касаткин почти не имел отношения, пока не подверглись никаким ревизиям (репрессиям). Провинциальные отделения почти все предупреждены. Кроме здешних (московских), сведения о протестах (арестах) только в Вильне (Петрограде).

Конечно, нам пришлось поработать по приведению в порядок всех дел наших предприятий. К счастью, кажется, никаких архивов правления у Касаткина никогда не было. Он мог только записывать. Трудно сейчас говорить о выводах, но, вспоминая и взвешивая всю роль Касаткина в Тресте, совершенно немыслимо объяснить наше существование без предположения, что провокатором применялась в нашем случае какая-то сверх-азефовская тактика. Но не будем себя утешать и подготовимся к возможным дальнейшим событиям. Ближайшее будущее должно все разъяснить.

Горячо обнимаю Тебя. Твой Волков».

—

Теперь мы знаем, что Потапов, несомненно, был советским агентом-провокатором и что его письмо было дезинформацией, исходившей от О.Г.П.У. Ею чекисты — в своей двойной игре — хотели застраховаться от неудачи посланного ими в Финляндию Опперпута. Подрывая доверие Кутепова к нему и, одновременно, к Захарченко и Радковичу, они создавали положение, в котором глава эмигрантской боевой организации должен был поверить если не Опперпуту, то Потапову. Поэтому они включили в письмо утверждение, что М.О.Р. пострадало лишь частично и что его, известные Кутепову, возглавители — Якушев и Потапов — уцелели. Этим они открывали себе лазейку к восстановлению Треста, если не в прежнем, то в новом виде и составе, с возложением на Опперпута всей вины за обнаруженную провокацию и, может быть, и за передачу подложного документа польскому генеральному штабу. В случае же недоверия Кутепова к письму Потапова, оно должно

было стать доказательством разрыва Опперпута с его преступным прошлым.

Случилось именно это. Поэтому рижская газета «Сегодня» смогла напечатать 17-го мая 1927 года письмо в редакцию, начинавшееся так:

«Ночью 13 апреля я, Эдуард Опперпут, проживавший в Москве с марта 1922 года под фамилией Стауниц и состоявший с того же времени секретным сотрудником контр-разведывательного отдела ОГПУ — ИНО ОГПУ — бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную пользу Русскому Делу...»

Задуманная чекистами новая, «сверх-азефовская» провокация пустила первые ростки.

18

Нужно было московское письмо доставить Кутепову. В создавшейся обстановке Артамонов не хотел отлучиться из Варшавы. Он попросил меня съездить в Париж.

С моим эмигрантским, нансеновским паспортом я туда выехать не мог — хлопоты о французской визе продлились бы недели, если не месяцы. Помог генеральный штаб — я получил польский заграничный паспорт, в котором все сведения обо мне были верными, за исключением того, что я был назван польским гражданином. Более того, мне было сказано, что от министерства иностранных дел я получу удостоверение дипломатического курьера и «почту», которую должен буду сдать в Париже польскому посольству.

—

«Дипломатическая почта», адресованная польскому военному агенту в Париже, оказалась большим, но легким чемоданом, покрытым красными сургучными печатями. В поезде из Варшавы в Париж этот багаж стал стеснительной помехой — расстаться с ним я не решился, а тащить с собой в вагон-ресторан не захотел. Пришлось питаться бутербродами, купленными на рассвете 23-го апреля, на платформе одного из берлинских вокзалов. В Париж я приехал 24-го утром.

Города я не знал, увидел его впервые. Артамонов на прощание назвал небольшую, скромную гостиницу, в которой — как я позже узнал — Якушев остановился в свой последний

приезд за границу. Оттуда, часов в одиннадцать, я по телефону спросил Кутепова, когда к нему можно явиться. Он ответил:

— Немедленно...

—

Дверь в его квартиру мне открыл казак в синей косоворотке, рейтузах и начищенных до блеска высоких сапогах. Он провел меня в небольшой кабинет сквозь комнату, где у накрытого стола толпились гости с тарелками и рюмками в руках. Только тогда я вспомнил, что попал к начальнику боевой организации в первый день Пасхи.

Он не заставил ждать, вошел в кабинет, поздоровался приветливо и дважды внимательно прочитал письмо Потапова. Он задал затем несколько коротких вопросов о Радковиче и его товарищах и отпустил меня, сказав, что продолжит разговор на следующий день, у себя на дому. Однако, мы увиделись не там.

—

Вечером мне доставили в гостиницу письмо, написанное крупным, четким почерком, признаком сильной и властной воли:

«Многоуважаемый Сергей Львович,

Завтра в 12 ч. 30 м. дня я должен быть на панихиде в русской церкви на rue Daru, *куда и прошу Вас приехать в 1 час 20 мин. Совсем забыл, что завтра пятидесятилетие Русско-Турецкой кампании.*

Уважающий Вас А. Кутепов».

Исполняя это указание, я, несколько раньше назначенного времени, вошел 25-го апреля в хорошо мне известный по наслышке парижский храм.

—

Он был полон. Литургия только что кончилась. Молящиеся подходили под благословение служившего в этот день митрополита Евлогия. В очереди к амвону я неожиданно увидел рядом со мной знакомое лицо Шульгина.

Изменила ли ему память, когда он, вероятно, не раз давал чекистам показания о русских эмигрантах, связанных с Трестом, или Никулин в «Мертвой зыби» исказил его слова, но в этой советской истории великой провокации сказано:

«В Париже, на рю Дарю, в соборе Александра Невского, в воскресенье, во время литургии, кто-то тронул за локоть Шульгина. Он оглянулся и увидел знакомого ему по Варшаве Артамонова. Тот поманил его и, когда они вышли на паперть, Артамонов сказал:

— Все пропало. Трест пропал. Кутепов просил вас тотчас приехать.

В штабе РОВС на улице Колизе Кутепов сказал Шульгину:

— Дайте мне слово, что будете молчать.

Шульгин дал слово».

Верно в этом только то, что о «бегстве» Опперпута из Москвы Шульгин узнал на паперти собора, но не от Артамонова, а от меня, хоть и не так, как изобразил Никулин. Кутепов, появившийся в соборе к началу предстоявшего молебна, Шульгина в свою канцелярию не вызывал. После богослужения он предложил мне позавтракать с ним.

—

Я был польщен, но и смущен приглашением. Быть гостем легендарного вождя, создателя Галлиполи, было для меня великой честью. Она была доказательством его доверия в те дни, когда каждый человек, вовлеченный в М.О.Р., мог вызвать подозрение.

Пешком мы дошли из церкви до оживленного, переполненного ресторана, очень не похожего на то, к чему я привык в Варшаве. Там просторные залы и разделенные достаточным расстоянием столы способствовали неторопливым беседам. Здесь, в Париже, небольшой столик, за которым мы сидели у стены, соприкасался с соседями. Разговор о Тресте был бы в такой обстановке непростительной неосторожностью, но Кутепов о нем не заговорил. Неожиданно, он нарисовал картину будущей России — той, о которой, очевидно, мечтал не раз. В его воображении,она должна была стать идиллической страной патриотизма, чистых нравов и готовности отдать жизнь за отчизну. Не все в этой мечте показалось мне осуществимым, но Кутепову — как я понял — была дорога каждая, обдуманная им черта. Русскую деревню он хотел увидеть богатой, сытой, принаряженной, а ее молодежь — воспитанной в военной дисциплине. Не забыл он даже тех малиновых рубашек, в которых мечтал ее увидеть в дни парадов и смотров. Все это было так не похоже на печальную действительность,

что в скептике могло вызвать ядовитую улыбку, но я был тронут. Передо мною вдруг раскрылась такая сторона души Кутепова, которую до этой встречи я не мог себе представить.

После завтрака я проводил его до станции метро. Он коротко рассказал переданное ему в Финляндии Потаповым приглашение побывать в России, отклонение этого предложения, заданный ему вопрос, не приведет ли напряжение отношений Лондона с Москвой к войне, и свой утвердительный ответ.

Узнав, что мне нужно вечером выехать в Варшаву, он предупредил, что до отъезда я получу в гостинице, для передачи Артамонову, вызванные обстоятельствами указания.

—

В Париже живет мой лучший друг — связали нас годы счастливого детства, разлучили революция и эмиграция. В день моего отъезда он захотел продлить неожиданную встречу, проводить меня на вокзал. Я, однако, не смог пригласить его в комнату, где должен был получить указания Кутепова, и попросил посидеть внизу, на узком диванчике у входной двери.

Георгиевский кавалер и участник Белого Движения, мой друг был и остался непримиримым противником большевиков. Кутепов был для него не только белым генералом, но и воплощением активной борьбы с поработившими Россию коммунистами. Поэтому, когда он его вдруг увидел в этой маленькой, бедной гостинице, он поднялся и вытянулся перед ним, как перед своим начальником по воинским организациям.

Кутепов пришел ко мне один, без какой-либо охраны. Его не удивило и не встревожило, что кто-то, сидевший у дверей, его узнал. Скоро и решительно он поднялся наверх по витой железной лестнице и, войдя в мою комнату, сразу заговорил о деле.

—

Данные Артамонову указания сводились к его оставлению резидентом боевой организации в Варшаве. Ему было предписано сделать все возможное для сохранения добрых отношений с польским штабом ради продолжения борьбы и нанесения большевикам ударов, которым помешал Трест. Радковичу и его спутникам было приказано немедленно выехать в Париж.

В 10 часов вечера 25-го апреля я сел на парижском северном вокзале в варшавский поезд. Сочтя меня, очевидно, поляком и подлинным дипломатическим курьером, польское посольство в Париже доверило мне почту — на этот раз не чемодан, а небольшой пакет, не испортивший путешествия.

27-го апреля, в Варшаве, я первым делом направился во дворец Брюля, где помещалось министерство иностранных дел, и сдал этот пакет, получив сохранившуюся до сих пор расписку курьерской экспедиции. Затем я побывал у Артамонова и сообщил ему распоряжения Кутепова. В это утро мы оба еще недостаточно ясно сознавали, что в нашей жизни перевернута страница и что нам предстоит, каждому по своему, сделать вывод из наших непростительных ошибок.

В этот теплый и солнечный апрельский день мы, однако, понимали, что все, предстоящее нам, будет новой эпохой — после Треста.

1973 г.

24/IV 1927 г.

г. Парижъ.

Многоуважаемый

Сергей Львовичъ,

Завтра въ 12 ч. 30 м. дня я долженъ быть на панихиде въ русской церкви на рю Дарю, куда и прошу Васъ пріехать въ 1 ч. 20 мин. дня. Совсемъ забылъ, что завтра пятидесятилетіе Русско-Турецкой кампаніи.

Уважающій Васъ

А. Кутеповъ.

Письмо генерала Александра Павловича Кутепова

ПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕР О ТРЕСТЕ

Дело Треста — как обыкновенно называют историю «легенды», созданной чекистами в начале двадцатых годов для обмана русских эмигрантов и иностранных штабов — все еще не освещено полностью. Между тем его современников становится все меньше. Московские вдохновители Треста умерли или были расстреляны Сталиным. Скончались их агенты, появлявшиеся за границей и установившие от имени тайного объединения русских монархистов связь с А. П. Кутеповым и его боевой организацией. Не поддается учету число иностранцев, имевших дело с Трестом, но и их, несомненно, осталось мало.

Советские архивы — как показало опубликованное в 1965 году в Москве произведение Л. В. Никулина «Мертвая зыбь» — содержат сведения об этой провокации, но изучение этих архивов не возможно, пока существует коммунистическая диктатура. Заграничные хранилища либо были уничтожены в 1939-1945 г.г., либо давно перестали заниматься Трестом. Когда американское издательство, напечатавшее в 1960 году книгу Джоффрея Бэйли «Конспираторы», искало фотографию Якушева, оно ее не нашло. Нет за границей и достоверной фотографии того советского агента, который называл себя то Опперпутом, то многими другими именами, разве что в Финляндии, которая, по понятным побуждениям, не склонна теперь вспоминать свою причастность к Тресту.

Из русских эмигрантов, принадлежавших к Кутеповской организации, уцелели двое или трое. Яркий рассказ В. А. Ларионова об его удачной боевой вылазке в Россию и нападении на коммунистический клуб в Петрограде остается до сих пор

единственным описанием действий кутеповцев на русской территории, но в нем речь о событиях, разыгравшихся хотя и в прямой связи с историей Треста, но после его ликвидации. Поэтому все, что написано до сих пор о Тресте эмигрантами или иностранцами, исходит не от очевидцев, а от тех, кто знает Трест по наслышке. Это стало причиной распространенных ошибок.

Одна из них состоит в неверном толковании самого слова Трест. Оно иногда понимается буквально — неосведомленные «историки» говорят о «тресте провокаторов», называют его центром всех советских начинаний, направленных против эмиграции. Этот центр существовал — им было ОГПУ, но Трест был для чекистов только одной из их многочисленных агентур.

Другая ошибка состоит в непонимании того, как могла «легенда», называвшая себя подпольным объединением монархистов, но в действительности насквозь пропитанная советскими агентами, так долго пользоваться доверием многих эмигрантов и иностранных офицеров. Авторы статей о Тресте часто забывают, что Россия времен «новой экономической политики» не была, в бытовом отношении, похожа на Россию сталинско-ежовских лет. То, что сразу показалось бы невероятным и невозможным при Сталине, объяснялось — в годы существования Треста — обстановкой, созданной временным отказом большевиков от военного коммунизма. Авторы статей о Тресте слишком часто обращают все свое внимание на удачу провокаторов, забывая, что за эту удачу им пришлось заплатить опасным, с их точки зрения, предоставлением кутеповцам возможности обосноваться в России. В 1927 году — во время кризиса в англо-советских отношениях — это их испугало и они ликвидировали Трест.

Доверие эмигрантов к Монархическому Объединению России, называвшему себя Трестом в конспиративной переписке, возбуждалось, прежде всего, уничтожением преграды, разделявшей эмиграцию и Россию. Тот, кто не был в те годы свидетелем поездок участников Кутеповской организации из Парижа или Варшавы в Минск или Москву, вряд ли поймет дурманившее влияние этого соприкосновения с родной землей. На молодых эмигрантов влияло, кроме того, обаяние во-

инских званий таких людей, как генералы Зайончковский и Потапов — трудно было себе представить бывшего генерала царской службы советским провокатором. Сказывалась дисциплина, привитая воспитанием, и представление о чести — мнение начальника и слово офицера сомнению не подвергались. Трест разбил эту психологию моих сверстников. Для тех, кто пережил революцию на школьной скамье и вступил в борьбу с ней без всякой политической и технической подготовки, он был тяжелым, но полезным уроком.

Открыв кутеповцам доступ в Россию, чекисты пошли на многое — не только на пребывание вооруженных эмигрантов в Москве, но, в нескольких случаях, и на распространение антисоветских листовок. Они не допускали только одного — террора. Это сопротивление террору столкнулось с непреклонным желанием Кутепова к нему прибегнуть.

Трест пытался убедить его в бесполезности ударов, которые — как утверждали агенты, охранявшие жизнь советских заправил — сорвали бы тщательную подготовку Монархического Объединения России к перевороту. Кутепов соглашался на отсрочку, но, в глубине души, полагал, что коммунистическая власть может быть сломлена только террором. Он сказал мне в Париже, в апреле 1927 года:

— Террор вызовет в России детонацию...

Он прибавил, что революционеры боролись с царской властью террором и ее победили. Мне это показалось упрощением сложной стратегии революционного движения, но я не посмел возразить человеку, по слову которого каждый из нас — участников организации — пошел бы на смерть.

—

«Мертвая зыбь» заслуживает внимания, как подтверждение советской провокации в М.О.Р., но, как каждая коммунистическая версия любых событий, она содержит грубое искажение истины — взять, хотя бы, неправдоподобное описание тайной командировки красного командира Власова в Париж, его трогательных встреч с французскими коммунистами и попытки М. В. Захарченко прельстить приезжего советского

агента легкомысленным парижским спектаклем, как доказательством превосходства западной культуры.

Кстати сказать, в этой главе своего «романа-хроники» Никулин повторил ошибку некоторых заграничных авторов статей о Тресте, назвавших Захарченко племянницей Кутепова. В действительности она его родственницей не была. «Племянница» возникла в переписке Москвы с Парижем, как условное обозначение, замена псевдонима.

Главная ложь Никулина состоит, однако, не в эпизоде с Власовым, а в изображении Опперпута врагом советской власти — бывшим савинковцем, превратившимся в монархиста.

Все, что известно об Опперпуте, опровергает эту выдумку. Под псевдонимом Савелова, он был провокатором в организации Таганцева. Под псевдонимом Селянинова он опубликовал в 1922 году в Берлине брошюру о Народном Союзе Защиты Родины и Свободы, совершенно очевидно исполнив этим задание чекистов. До этого, под именем Опперпута и Упелинца, он снабдил О.Г.П.У. показаниями о Савинкове, включенными в изданную в 1921 году в Москве народиым комиссариатом иностранных дел на русском и французском языках книгу «Советская Россия и Польша». Невозможно поверить в то, что человек, разоблачивший в 1921 году тайную антисоветскую организацию, сразу же затем вступил в борьбу с большевиками, к тому же в чуждой ему монархической среде.

Судьба Опперпута, после его возвращения из Финляндии в Россию в роли раскаявшегося чекиста, ставшего белым террористом, изображена Никулиным по советской версии, опубликованной московской «Правдой». В этом сообщении было сказано, что проникшие из-за границы террористы, после неудачной попытки взорвать дом на Малой Лубянке в Москве, бежали из столицы. Опперпут — утверждает сообщение — отделился от двух других участников террористической группы, был обнаружен в Смоленской губернии, «отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке». На нем, после смерти — все по словам того же сообщения — были обнаружены «дневник с его собственноручным описанием под-

готовки покушения на М. Лубянке и ряд других записей, ценных для дальнейшего расследования ОГПУ».

Непостижимым образом, существуют эмигранты, которые верят этой небылице. Они считают возможным не только превращение многократного советского провокатора в активного противника большевиков, не только допускают чистоту его побуждений при появлении в Финляндии для разоблачения Треста и последующем возвращении в Москву для участия в антисоветском терроре, но даже считают его погибшим в обстановке, описанной «Правдой». Они верят в то, что Опперпут мог иметь с собой «собственноручное описание подготовки покушения на М. Лубянке», словно существуют террористы, составляющие такие улики и, вдобавок, хранящие их после неудачи.

Я предпочитаю верить тому, что в 1944 году раскадал мне в Берлине генерал В. В. Бискупский. По его словам, Опперпут был разоблачен и расстрелян немцами в Киеве, где он, в годы германской оккупации, был под именем Александра Коваленки владельцем антикварной лавки на Фундуклеевской улице и коммунистическим подпольщиком. Его появление в Варшаве, под именем барона Александра фон Мантейфеля, описано мною в парижском журнале «Возрождение».

—

Как источник сведений о Тресте, Никулин не заслуживает доверия. Важно, однако, то, что его книга вызвала отклик, в котором назван был чекист, организовавший в январе 1930 года парижское похищение Кутепова.

22-го сентября 1965 года московская «Красная звезда» напечатала письмо о «Мертвой зыби», присланное ей генерал-полковником запаса советской авиации Н. Шимановым. В нем этот несомненный бывший чекист написал:

«Я не литератор и не критик и книга привлекла мое внимание не столько своими литературно-художественными достоинствами, сколько событиями, которые происходили еще в первые годы советской власти».

Упрекнув Никулина в том, что он «частенько упрощает действительность и показывает многих контр-революционеров близорукими и недальновидными», но, назвав большой заслугой автора книги «восстановление в памяти народа забытых,

ранее оклеветанных бандой Берии имен честных и преданных родине чекистов», Шиманов прибавил:

«К сожалению, о некоторых оклеветанных и погибших, потом реабилитированных товарищах слишком мало сказано. Так, например, на стр. 263-й отведены только две строчки организатору поимки Б. Савинкова, чекисту Пузицкому, а комиссар государственной безопасности 2-го ранга Сергей Васильевич Пузицкий был участником гражданской войны, твердым большевиком-ленинцем, воспитанником Ф. Э. Дзержинского. Он участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контр-революционной монархической организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейских организаторов и вдохновителей иностранной военной интервенции и гражданской войны».

Так, через тридцать пять лет после исчезновения Кутепова, большевики не только сознались в своем преступлении, но и назвали имя похитителя.

Попутно Шиманов подтвердил смерть тех спутников Опперпута, с которыми он, по словам «Правды», расстался после неудачного покушения на Малой Лубянке, но Опперпута не упомянул. Зато он — впервые в советской печати — сообщил гибель Якушева.

—

В «Мертвой зыби» нет прямого указания на судьбу этого советского Азефа. Никулин ограничился тем, что в эпилоге написал:

«Болезненно переживал конец Треста Александр Александрович Якушев. Не утешало, что заслуги в борьбе с врагами советской власти, его удивительные смелость и находчивость, были признаны. Он принимал важность выполняемой работы, искренне увлекался ею и теперь ему как-то трудно было жить спокойной жизнью специалиста-водника, решать вопросы сплава леса, строительства новых водных путей. Сердце патриота, закаленного в борьбе с белогвардейцами, звало в бой, но приходилось бездействовать и даже оберегать свою жизнь от белых террористов».

Террористы не наказали человека, которого «Вечерняя Москва» 17-го июля 1965 года, в статье о «Мертвой зыби», назвала главным героем советской провокации в М.О.Р., но Никулин скрыл, как Якушев скончался. Скрыл это и «москвич,

участник великой отечественной войны, заслуживший на фронте несколько боевых наград» — Александр Александрович Якушев младший, сын провокатора. В разговоре с Никулиным он сообщил только то, что мать, сестры и он сам «не знали второй жизни отца».

«Он уезжал — прибавил младший Якушев — иногда надолго, возвращался и был всегда внимательным и заботливым к нам, детям... Не могу вам сказать, как меня обрадовало то, что написано вами о моем отце, о его патриотизме и мужестве».

Это молчание Никулина и сына «главного героя» Треста об его судьбе объяснено отзывом Шиманова о «Мертвой зыби» — в нем А. А. Якушев назван в числе тех «преданных партии чекистов», которые были «оклеветаны бандой Берии», погибли, но теперь «восстановлены в памяти народа». Человек, избежавший пули белого террориста, погиб от выстрела сталинского палача или умер в заключении.

—

В ноябре 1965 года на «Мертвую зыбь» откликнулся один из иностранных современников и свидетелей описанных в этой книге событий — бывший польский офицер и дипломат Виктор Томир Дриммер, ставший после второй мировой войны эмигрантом в Канаде. Его статья о Тресте была напечатана парижским польским журналом «Культура». Дриммер написал ее по просьбе редактора этого журнала, Юрия Гедройца, и включил в нее все, что «знает и помнит» о М.О.Р.

Увы, память ему изменила, а сверить ее с существующими сведениями о Тресте он не потрудился. Плодом этой небрежности стало редкое по изобилию нагромождение неточностей. Не перечисляя всех его ошибок, достаточно указать две — автор воспоминаний не отличает Якушева от Опперпута, сливает их воедино, приписывает Опперпуту заграничные поездки Якушева и даже посещение Варшавы, куда Опперпут, известный некоторым русским варшавянам по савинковскому Народному Союзу Защиты Родины и Свободы, показаться, естественно, не мог, а, в другой части статьи, приписывает генералу Е. К. Миллеру «проверку» Опперпута в 1927 году, когда возглавителем боевой организации был не он, а А. П. Кутепов. Хронологический беспорядок затрудняет понимание воспоминаний даже подготовленным читателем, знающим дело Треста. Неосведомленного эта путаница мест, имен и дат собьет с толку.

Если, несмотря на такой недостаток, статьей В. Т. Дриммера все же следует заняться, то только потому, что бывший польский офицер включил в нее несколько имен и фактов, не отмеченных русской зарубежной литературой о М.О.Р., а также потому, что он сообщил то, что может быть названо польским объяснением причины самоликвидации Треста.

—

О себе В. Т. Дриммер написал, что с 1921 до конца 1927 года он был, сначала, помощником военного агента, а, затем, польским военным агентом в Таллине, столице Эстонии.

Политически он был пилсудчиком — бывшим капралом первой бригады тех польских легионов, которые в 1914 году, под водительством будущего первого маршала независимой Польши, вышли в составе австро-венгерских войск в поход против России. Двенадцать лет спустя эта первая бригада стала рассадником «полковников», которые, в мае 1926 года, помогли Пилсудскому захватить в Варшаве власть и стать фактическим диктатором.

В 1927 году автор воспоминаний расстался с незаметной должностью военного агента в небольшой балтийской республике. В чине капитана он вышел в запас, был назначен в министерство иностранных дел и был директором одного из его департаментов, когда над Польшей стряслась катастрофа ее раздела Гитлером и Сталиным. О своей службе в Таллине (Ревеле) он рассказал:

«Как каждому военному агенту в государствах, граничивших с новой, советской Россией, мне тоже было дано разведывательное задание — изучение России с военной точки зрения. Место моей службы было особенно удобным для выполнения этого задания вследствие недавно заключенного Эстонией мира с Россией, относительной стабилизации границы и значительного транзитного и морского движения в Россию и из нее, как товаров, так и людей».

«Эстонцы — прибавил В. Т. Дриммер — после многовековой неволи ненавидели русских, а, будучи народом талантливым и подвижным, отлично Россию знали. Поэтому, среди них было сравнительно легко найти людей, пригодных к разведывательной службе, зато опыт войны научил меня избегать какого-либо контакта с белыми русскими, как с человеческим материалом, глубоко деморализированным и в высшей степени неустойчивым идейно».

Непонятно как, при таком отношении к русским эмигрантам, автор этого мнения, будучи польским военным агентом или, хотя бы, его помощником в Ревеле, не заметил, что именно там возникла связь М.О.Р. с польским генеральным штабом и что именно оттуда приехал в Варшаву первый резидент Треста и Кутеповской организации Ю. А. Артамонов.

Вряд ли следует теперь, столько лет спустя, уличать его в этом недосмотре, тем более, что руссофобия его резкого суждения об эмигрантах опровергнута им самим — в воспоминаниях можно найти совсем другие отзывы о русской зарубежной молодежи; о, якобы, существовавших за границей «дисциплинированных отделах М.О.Р.», о проницательности генерала Миллера и русских эмигрантов в Финляндии и даже о «возглавителях монархической организации в Риге и Таллине — благородных и порядочных русских».

Удивительно только то, что человек, потерявший свое отечество, повторил в 1965 году высокомерную оценку эмигрантов, которую он некогда высказывал с высоты своего непрочного военно-дипломатического величия.

—

В. Т. Дриммер утверждает, что Трест возник по почину польского офицера, ставшего чекистом. Отметив это, нужно сделать оговорку. Друзья-поляки предупредили меня, что воспоминания бывшего военного агента в Эстонии полны ошибок не только в том, что сказано о русских участниках М.О.Р., но и в рассказе об его собственных сородичах. Поэтому повторение этой версии не означает согласия с ней. Я ее привожу как свидетельское показание, которое пока проверить не возможно.

«В 1920 или в конце 1919 года — сказано в воспоминаниях — главное командование Польской Военной Организации № 3, продолжавшей действовать на территории Украины, Белоруссии и России, с согласия нашего генерального штаба, командировало в Киев и Винницу поручика польской армии Стецкевича, бывшего участника Организации в Виленском округе. Виленчанин, принадлежавший к интеллигентской или землевладельческой среде, способный, предприимчивый, свободно говоривший по-русски, Стецкевич казался наиболее подходящим человеком для того, чтобы собрать и преобразовать Организацию, разбитую большевизмом и революцией. Наш штаб ждал от Стецкевича сведений о предполагав-

шемся русском наступлении — информация о нем была довольно поверхностной. Со Стецкевичем была послана принадлежавшая к Организации женщина, происходившая с Украины. Снабженные адресами в Москве, Петрограде, Киеве и других, менее значительных городах Украины, Стецкевич и его спутница перешли эстонско-советскую границу в районе озера Пейпус. Через Петроград они счастливо добрались в Москву и там попали в руки чекистов. Стецкевича допросил сам Дзержинский, глава всемогущей чеки. Стецкевич выдал не только свою спутницу, но и всю Польскую Военную Организацию, все адреса, все связи. Чека разгромила не только Организацию, но и людей, так или иначе с ней связанных. Полякам на Украине был нанесен удар. Тысячи погибли от чекистских пуль, десятки тысяч были вывезены в лагеря или замучены в тюрьмах. В награду Стецкевич не только спас свою голову, но и, как сотрудник чеки, способствовал искоренению польского влияния. Во время польско-советской войны 1920 года Стецкевич сделал молниеносную карьеру. Когда, при Ягоде, чека была переименована в О.Г.П.У., Стецкевич уже имел три ромба на воротнике, то есть был приравнен к командиру корпуса и был начальником так называемого Инотдела О.Г.П.У. Это значит, что ему были подчинены все агентуры заграничной разведки и контр-разведки, как включенные в состав советских дипломатических представительств, так и тайные. После заключения мира с Польшей Стецкевичу захотелось раздробить русскую эмиграцию, главным образом, монархическую и, более того, использовать ее для шпионажа в пользу СССР — конечно, вопреки ее собственному желанию — а также и как канал для дезинформации западно-европейских государств и соседей России. Третья цель состояла в установлении контроля над любым проявлением активности монархистов в самой России, как диверсионной, так и разведывательной».

Можно допустить, что задачи, поставленные Тресту чекистами, перечислены В. Т. Дриммером верно, но мне не удалось найти в литературе о М.О.Р. подтверждения того, что рассказано им о Стецкевиче. Нужно отметить и то, что автор воспоминаний ошибся в хронологии, утверждая, что чека была переименована в О.Г.П.У. при Ягоде и отнеся возникновение Треста к тем годам, когда он был главой чекистов.

В действительности щупальцы той «легенды», которую — по словам В. Т. Дриммера — задумал и создал Стецкевич,

протянулись к русской эмиграции и к иностранным штабам при Дзержинском. Его участие в этой провокации и руководстве ею, как непосредственное, так и через расстрелянного впоследствии чекиста Артузова, подтверждено Никулиным в «Мертвой зыби». Переименование Чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией, саботажем и спекуляцией в О.Г.П.У. состоялось в 1922 году, то есть тогда, когда Трест не только был задуман, но уже действовал в России и за границей. Дзержинский умер 20-го июля 1926 года, то есть за девять месяцев до ликвидации Треста. Его преемником был не Ягода, а Менжинский.

—

В. Т. Дриммер не потрудился сверить свои воспоминания с этими фактами. От неточного рассказа о возникновении М.О.Р. он перешел к столь же неточному перечислению его участников.

«Стецкевич — написал он — создал в Москве из преданных ему сотрудников чеки Монархическое Объединение России. В президиум вошли: вынужденный к этому арестом его жены и дочери, жизнь которых зависела от лояльного исполнения приказаний чеки, генерал царской армии Зайончковский и бывший товарищ министра путей сообщения царского времени Федоров, умный и исполнительный агент чеки, пользовавшийся в организации псевдонимом Опперпут. Позже на видное место выбился генерал Денисов, которым чека пользовалась, как Опперпутом, для заграничных поручений, выдавая его за монархиста и, одновременно, за советского командарма. Это должно было служить доказательством проникновения монархистов в ряды красной армии».

Прочти В. Т. Дриммер внимательно хотя бы «Мертвую зыбь», он, хоть отчасти, избавился бы от такого нагромождения ошибок. Он не слил бы воедино Якушева, называвшего себя в Тресте Федоровым, и Опперпута, выдававшего себя в Москве за остзейца Стауница.

Бывший генерал-лейтенант А. М. Зайончковский действительно способствовал провокации, задуманной чекистами, но нет ни малейших оснований утверждать, что ему угрожали расправой с женой и дочерью. Все, что известно о советском отрезке жизни этого бывшего генерала, состоявшего, при большевиках, профессором военной академии имени Фрунзе

и скончавшегося в Москве в марте 1926 года, говорит об его сознательном и добровольном переходе на службу революции.

После его смерти вдове была назначена персональная пенсия. Коммунисты продолжают вспоминать его, как верного слугу. В изданной в Москве в 1958 году книге С. Голубова «Когда крепости не сдаются» о нем сказано: «Это был честный ученый, талантливый преподаватель, искренне преданный своему делу человек».

В годы существования Треста, участие Зайончковского в нем казалось более номинальным, чем активным. Это впечатление разделялось не только заграничными представителями М.О.Р., но и проникавшими в Россию кутеповцами. Хотя он, на словах, возглавлял Трест, я не могу вспомнить за четыре года моего сотрудничества с Артамоновым, ни одного письма, подписанного Верховским, как он себя в М.О.Р. называл. Существовала, вероятно, какая-то переписка между ним и Кутеповым, но мне ее видеть не пришлось.

После его смерти заговорили о преемнике. Именно тогда Кутепов согласился войти в возглавление Треста, которое, в переписке, называлось «правлением», но ни с кем из этого «правления», кроме Якушева и Потапова, он ни разу не встретился.

—

Никулин назвал Якушева бывшим воспитателем Императорского Александровского Лицея и прибавил, что он изображен на выпускной фотографии пятьдесят-третьего курса, снятой в 1907 году.

Якушев, несомненно, знал некоторых лицеистов, когда появился в ноябре 1921 года в Ревеле, под предлогом служебной командировки в Швецию, и встретился там с Артамоновым.

В 1927 году Опперпут сообщил из Гельсингфорса рижской газете «Сегодня», что неосторожное письмо Артамонова об этой встрече, посланное в Берлин его однополчанину, князю К. А. Ширинскому-Шихматову, стало достоянием чекистов, вызвало арест Якушева после возвращения в Москву из Швеции, его ненависть к эмигрантам и готовность участвовать в направленной против них провокации. Никулин это повторил. По его версии, совпадающей с утверждением Опперпута, письмо Артамонова стало причиной превращения бывшего сановного бюрократа в советского провокатора. Возможно, однако,

и другое предположение — Якушев мог быть советским агентом уже тогда, когда побывал у Артамонова в Ревеле, а Опперпут и Никулин воспользовались злополучным письмом только для того, чтобы это скрыть. Возможно и то, что Якушев был арестован чекистами до своей первой заграничной поездки и именно тогда согласился стать их агентом.

Нужно прибавить, что Никулин и Опперпут не приписали ни Артамонову, ни Ширинскому-Шихматову недостойного поведения. Они одинаково сообщили, что письмо было перехвачено агентами О.Г.П.У.

—

Никулин написал, что Якушев был не только воспитателем, но и воспитанником Лицея. Он привел в «Мертвой зыби» начало автобиографии, которую Якушев, якобы, написал в тюрьме, после возвращения из заграничной командировки:

«Я, Александр Александрович Якушев, потомственный дворянин, сын преподавателя кадетского корпуса, родился 7-го августа 1876 года в городе Твери, окончил Императорский Александровский Лицей, последняя должность — управляющий эксплуатационным департаментом управления водных путей министерства путей сообщения в чине действительного статского советника. После революции, с 1921 года, работал в качестве консультанта по водному хозяйству. В старой армии не служил, в белой тоже. Женат, имею трое детей. Хотя я ни в какую партию не входил, но по убеждению — русский националист».

В памятной книжке лицеистов, изданной в Париже в 1961 году по случаю 150-летней годовщины основания Лицея, Якушев не упомянут. Это вызывает сомнение в достоверности утверждения Никулина, что он был не только воспитателем, но и воспитанником этого училища.

Некоторые бывшие петербуржцы не верят сообщению В. Т. Дриммера, что Федоров, то есть тот же Якушев, был товарищем министра путей сообщения дореволюционного правительства. Во включенных в «Мертвую зыбь» выдержках из его автобиографии сказано:

«Убеждений моих я не менял и являюсь, попрежнему, русским националистом и монархистом. Был и после февральской революции, когда на предложение князя Львова занять пост товарища министра путей сообщения ответил, что, как верноподданный Его Величества, временного правительства не признаю».

Справочник «Весь Петроград» за 1916 год, изданный А. С. Сувориным, содержит список столичных правительственных учреждений. В нем упомянуты управление водных путей и шоссейных дорог министерства путей сообщения и возглавляющий это управление коллежский советник А. А. Якушев.

Превращение коллежского советника в действительного статского в короткое время от издания этого справочника до февральских событий 1917 года было бы невероятным, если бы в той же книге А. А. Якушев, проживающий в доме № 51 по Большому проспекту, не был назван не коллежским, а статским советником и не только управляющим водных путей и шоссейных дорог, но и членом совета Императорского общества судоходства, совета Российской экспортной палаты и комиссии о новых железных дорогах. Поэтому можно признать возможность его производства в чин действительного статского советника в конце 1916 или в самом начале 1917 года. Это было бы доказательством его скорого и успешного продвижения на царской службе.

—

Часть воспоминаний В. Т. Дриммера посвящена «генералу Денисову», как он упорно называет Лангового. В этой части рассказан эпизод, достоверность которого мне кажется сомнительной и который, во всяком случае, с историей Треста не связан.

До этого эпизода автор воспоминаний упомянул желание польского генерального штаба получить от М.О.Р. советский мобилизационный план и, в связи с этим, написал:

«Трест выкручивался, откладывал, наконец заявил, что получение этих планов обойдется дорого из-за необходимости подкупить несколько человек в (советском) штабе».

Высказав предположение, что настойчивость Варшавы стала причиной ликвидации Треста, В. Т. Дриммер прибавил:

«В этот период наших переговоров, М.О.Р. за границей развилось довольно скоро. Молодые монархисты заграничного М.О.Р. не проявляли особого уважения к ссорившимся между собой старым парижским авторитетам. Поэтому Г.П.У. решило создать «третью силу» и привлечь к ее возглавлению человека, наименее вовлеченного во внутренние эмигрантские раздоры. Его нашли в Швейцарии. Там жил князь Ливен, родственник Царского Двора, не участвовавший в активной политике со времени отъезда из России, но внимательно следивший за

тем, что там происходило. Для привлечения светлейшего князя было решено использовать генерала Денисова, как офицера красной армии и, одиовременно, горячего монархиста и участника существующей в России тайной организации. Генерал Денисов получил какое-то назначение в комиссию по вопросам разоружения Лиги Наций и, может быть, даже был главой советской делегации. Денисов побывал у Ливена и, во время этого посещения, «открыл ему свою душу». Он сказал, что Россия переживает глубокую перемену своего мировоззрения что она — не только часть Европы, но и Азии, что они там тайно говорят об Евразии и евразийском движении. Красноречие ген. Денисова взволновало князя Ливена и он, несколько позже, согласился возглавить М.О.Р.

Евразийская тема была широко разработана в М.О.Р., она постоянно упоминалась в указаниях, посылавшихся из Москвы за границу. Евразия временно стала очень модной в заграничной и нашей (польской) публицистике».

—

Приходится сказать, что и в этой части своего очерка В. Т. Дриммер перепутал хронологию. Ланговой никогда не был возглавителем советской делегации на женевской конференции по вопросам разоружения, но, действительно, в этой конференции участвовал, как помощник возглавлявшего делегацию Литвинова.

Существует фотография, на которой они изображены входящими в здание Лиги Наций. Спереди — на этом снимке — идет невысокий, тучный народный комиссар иностранных дел, а за ним, тревожно озираясь — худощавый, высокий Ланговой. Треста, однако, тогда уже не было в помине и, если «генерал Денисов» побывал в Швейцарии у князя Ливена, то предложить ему возглавление несуществующего М.О.Р. он ни как не мог. Вряд ли он мог тогда назвать себя евразийцем — его провокационное участие в евразийском движении было уже разоблачено.

—

В «Мертвой зыби» сказано, что Ланговой умер в Москве 26-го февраля 1964 года.

«Он — написал Никулин — почти до последних дней жизни оказывал автору товарищескую помощь в создании книги».

Сотрудник «Вечерней Москвы» С. Савельев, в напечатанной этой газетой 17-го июля 1965 года статье о предстоявшем выходе июльской книжки журнала «Москва», в котором «Мертвая зыбь» впервые появилась, назвал Лангового полковником в отставке, но в произведении Никулина он назван не полковником, а отставным комбригом красной армии. Это значит, что после переименования этой армии в советскую, он на военной службе уже не состоял.

Константин Симонов, в романе «Живые и мертвые», изобразил комбрига Серпилина, который не был переименован в генералы потому, что война с Германией застала его в лагере, на положении заключенного. Вероятно, та же судьба постигла Лангового, арестованного одновременно с Якушевым, но избежавшего расстрела и отделавшегося более или менее долгим заключением.

Его сравнительно ранняя смерть могла быть последствием этой участи. Узкоплечий, со впалой грудью, он и в молодости казался человеком нездоровым. Лагерь мог его доканать.

—

Якушев — когда приезжал в Варшаву — говорил об евразийстве неохотно. Создавалось впечатление, что М.О.Р. терпит евразийское увлечение Лангового, но ему не сочувствует. Может быть, он понимал, насколько этот московский «евразиец» не похож на ревнителя «бытового исповедничества», но мне кажется, что отношение Якушева к этому эмигрантскому движению объяснялось не только опасением, что неудачная игра его товарища по провокации возбудит в эмигрантах подозрение, а заигрывание с евразийцами отразится неблагоприятно на советских агентах М.О.Р.

Мне кажется, что идеализм первоначального евразийства и профессорская оторванность его создателей от повседневной жизни раздражали Якушева, помимо его воли. Он считал их «болтунами», чем-то вроде «вождей» февральской революции, которых ненавидел.

Однажды ночью, в Варшаве, я взялся проводить его от Артамонова в небольшую гостиницу вблизи главного вокзала, где он, на этот раз, остановился. Мы шли вдвоем по пустынной, спящей улице. Неожиданно он заговорил об евразийстве, которым я тогда увлекался. Горячо он стал доказывать мне несбыточность евразийской мечты.

«Поверьте — сказал он твердо — Россия может быть только монархией... Если она ею не станет, будет только советской».

—

Связь Треста с русскими эмигрантами изображена В. Т. Диммером поверхностно и неточно. Он приписал ей такой размах, какого она никогда не достигла.

«Русская эмиграция — написал он — была разъединена так же, как и ее монархическая организация, построенная на основе старой, царской иерархии. Интриги, зависть, титулования и орденомания все больше ее раздирали и отталкивали молодежь, тем более, что и претендентов на престол было двое: великий князь Кирилл и бывший верховный главнокомандующий Николай Николаевич. Все было как бы нарочно создано для того, чтобы на этой почве возникла мысль об единой, омоложенной и независимой от титулованных чиновников монархической организации, укорененной в России и руководимой из Москвы. Разрешение этой задачи было поручено Федорову, который выдавал себя за московского служащего-путейца, якобы получившего от правительства заграничную командировку. Под этим предлогом он часто ездил на несколько дней в Париж, Прагу и Варшаву и везде, пользуясь установленными в царское время отношениями, имел возможность встреч со старыми друзьями или знакомыми и мог намекать им, что остался, попрежнему, тем, кем был до войны, то есть монархистом, полностью преданным трону Романовых. Повторенная шепотом «тайна», как это бывает в эмиграции, распространилась быстро. Эмигранты в Варшаве знали о нем все до того, как он, через Прагу, добрался в Париж. В Варшаве Федоров признался доверенным монархистам в существовании в Москве глубоко законспирированной монархической организации и это известие еще раз вернулось в Прагу и Париж и докатилось в Эстонию. Даже название М.О.Р. перестало быть секретом. Старики, как старики, были настроены скептически, а молодые, полные бодрости и надежды на наставшую, наконец, возможность какого-то действия, радовались и гордились тем, что родина организуется».

Упомянутое В. Т. Диммером разделение зарубежных русских монархистов на сторонников двух великий князей, действительно, существовало в те годы и не способствовало укреплению авторитета старших во мнении тех, кто был тогда

молод. М.О.Р., однако, в своих сношениях с эмигрантами всячески поддерживало великого князя Николая Николаевича. Якушев и Потапов, при встречах с молодыми участниками организации, не отзывались о бывшем верховном главнокомандующем так насмешливо и пренебрежительно, как они — по словам Никулина — делали это в Москве, в докладах О.Г.П.У. Связь с Кобургом, где жил тогда великий князь Кирилл Владимирович, была запрещена связанным с М.О.Р. эмигрантам.

В. Т. Дриммер прав, что молодые эмигранты, соприко снувшись с Трестом, испытали подъем и веру в возможность свержения советской власти русским народом без иностранного вмешательства. Он, однако, ошибся, приписав Федорову, то есть Якушеву, частые поездки в Прагу и Париж. Чаще всего — в годы существования Треста — Якушев бывал в Варшаве. Побывал он в Берлине, съездил с Потаповым в Шуаньи, но в Праге, кажется, не был ни разу. Весть об его поездках и существовании М.О.Р. не могла придти в Эстонию из Польши хотя бы потому, что отношения Треста с эмигрантами возникли в Ревеле. Состоявшаяся там встреча Якушева с Артамоновым была их первым звеном.

«При следующем появлении Федорова — продолжил В. Т. Дриммер свой неточный рассказ — уже было известно, что во главе М.О.Р. стоит старый, популярный, безупречный генерал Зайончковский. Появились первые делегаты М. О.Р., назначенные Федоровым в Эстонию, Латвию, Финляндию, Польшу и т. д. В начале им было приказано ждать и заняться подыскиванием наиболее ценных людей, которых можно бы было позже перебросить в Россию или использовать для организационной работы на месте. Федоров советовал молодым эмигрантам учиться политике на примере «лимитрофов», как русские называли народы, оторвавшиеся от России и достигшие независимости. Он говорил им о необходимости наблюдать международные отношения, учиться и добиваться влияния в странах своего расселения. Постепенно, во всех государствах, где существовала русская эмиграция, возникли дисциплинированные и выполнявшие указания московского центра отделы М.О.Р.».

—

Тут, что ни слово, то фантазия... Не только при жизни и после смерти Зайончковского, но даже после самоликвидации Треста, его причастность к чекистской «легенде» была изве

отна очень немногим эмигрантам. Этим, вероятно, объясняется крайне редкое упоминание его имени в первоначальной зарубежной литературе о Тресте, да и до сих пор оно — не в пример Опперпуту, Якушеву, Потапову и Ланговому — затемнено отсутствием точных сведений.

Резидентом Треста в Варшаве был Артамонов. Установление связи с русскими эмигрантами в Польше было одной из его обязанностей, но оно не привело к созданию зарубежного отдела тайной монархической организации. С 1923 по 1927 год Артамонов ввел в Кутеповскую организацию и в М.О.Р. троих эмигрантов и одного польского гражданина, получившего образование в России, причем каждому из них было дано определенное, ограниченное задание.

В политической обстановке т. н. лимитрофных государств, о явной русской монархической организации речи быть не могло. Активность резидентов М.О.Р. не была конспиративной, в полном смысле слова, потому, что проявлялась с ведома и согласия местной власти, чаще всего — местного генерального штаба, но она не была, да и не могла быть, явной, так как министерства и штабы скрывали свой контакт с русскими монархистами.

—

Назвав не существовавшие заграничные отделы М.О.Р. дисциплинированными и выполнявшими распоряжения московского центра организациями, В. Т. Дриммер приписал им свойства тех немногих заграничных пунктов связи Кутеповской организации и Треста, которые состояли из одного резидента и двоих или троих его сотрудников. Дисциплину, «подтянутую невидимой рукой», заметил В. В. Шульгин. Указания московского центра выполнялись потому, что они совпадали с распоряжениями другого центра — парижского, то есть генерала Кутепова. Если между ними возникали разногласия, они не были известны тем техническим звеньям связи, какими были резиденты и их сотрудники.

—

«Понемногу — сказано в следующей части воспоминаний В. Т. Дриммера — московский центр М.О.Р. стал получать первые донесения своих заграничных сотрудников. Благодаря личным отношениям, а также благодаря «разведывательным услугам», некоторые государства дали согласие на пересылку

этих донесений, большей частью в виде частных писем «семьям» в Россию. Позже М.О.Р., которое, ради конспирации, начало называть себя Трестом, стало также пользоваться дипломатической почтой из России за границу. Когда Трест обратился по этому поводу с предложением к моему офицеру связи в Москве, поручику Вернеру, я ответил положительно. Это позволило мне в течение ряда лет контролировать посылавшиеся из Москвы инструкции М.О.Р. — Треста, постепенно знакомиться с его сетью, ее охватом и личным составом. По мере развития сотрудничества с Трестом, это дало мне много «информации» и «документов», которые я иногда в идентичном виде получал от англичан или эстонцев. Мое недоверие, подкрепленное доказательствами, почерпнутыми из писем М.О.Р. за границу, непрерывно усиливалось».

Это недоверие заставило В. Т. Дриммера — по его словам — съездить в Варшаву. До повторения его рассказа об этой поездке нужно, однако, дополнить и исправить то, что он сообщил о заграничной переписке Треста.

Не берусь судить о ней в полном объеме, хотя бы потому, что, в моем положении рядового участника Кутеповской организации и сотрудника варшавского резидента М.О.Р., я знал только часть и, может быть, только небольшую часть. Все же могу сказать что все те письма и документы, которые с 1923 по 1927 год посылались из Варшавы в Москву и получались в Варшаве из Москвы, проделывали этот путь в дипломатических вализах польского посольства и министерства иностранных дел и никогда, ни в одном, хотя бы единственном случае, не имели внешне вида семейных посланий.

Я предполагал, что, несмотря на печати и другие меры предохранения, эти пакеты вскрывались и прочитывались польскими офицерами, но ошибся. Мне казалось, что — найди они ключ к шифру, которым пользовались Трест и его варшавский резидент — ничего неожиданного они бы не нашли, так как зашифровывались, главным образом, и так известные польскому штабу подробности предстоящих переходов польско-советской границы участниками организации, но, говоря об этом шифре, В. Т. Дриммер еще раз ошибся. Я скажу в чем эта ошибка состояла, но хочу сначала привести описание поездки, которая — как он утверждает — привела его не только в Варшаву, но и в Москву.

—

«Я поехал в Варшаву — написал он — и доложил там начальнику разведывательного отделения второго отдела (генерального штаба), подполковнику Боцянскому, мои сомнения и подозрения. Увы, я не встретил понимания и пошел на рискованный шаг. Я решил съездить в Россию, объяснив это разведывательному отделению необходимостью встречи с моими тайными агентами в штабе красной армии. Это должно было стать моей второй «неофициальной» поездкой в Россию. Первая состоялась раньше, за год, приблизительно, до второй. Я все еще имел паспорт, выданный мне, как курьеру и шоферу. Он был получен для меня вторым отделом от нашего министерства иностранных дел. Одетый бедно, нагруженный продовольствием, которое тогда регулярно доставлялось нашим представительствам в Москве, Харькове и Киеве из Варшавы, я не привлек внимания бдительных чекистов. Согласовав это с моим офицером связи, я решил побывать в Москве у одного (советского) полковника, который судя по его письмам был значительным звеном М.О.Р. — Треста в штабе (красной армии). Я узнал его адрес из писем. Я захватил пакет и отправился к нему. Мое внезапное появление было полной неожиданностью. Разговор укрепил мою уверенность в том, что мы, как и другие штабы, стали жертвой величайшей инспирации. На следующий день я и офицер связи, поручик Вернер, встретились в Москве с «официальным» представителем М.О.Р. — Треста. Разговор с ним не дал ничего нового. Я знал, что мы попали в руки Инотдела О.Г.П.У.».

«Вернувшись в Варшаву — прибавил В. Т. Дриммер к этому необыкновенному рассказу — я еще раз доложил моим начальникам, что мы стали слепым орудием в руках советчиков. Меня поддержали два офицера, подполковник Энглихт и майор Павлович, служившие в эвиденции второго отдела, задача которой состояла в исследовании качества и правдивости сведений, добытых нашей разведкой. Последствием наших предостережений было отстранение меня от связи с М.О.Р.; отозвание моего талантливого офицера, поручика Вернера, преемником которого (в Москве) стал другой, столь же способный, но, к сожалению, неопытный офицер, майор Недзинский. Связь с М.О.Р. — Трестом взяла на себя непосредственно Варшава, то есть майор Таликовский, начальник русской секции разведывательного отдела. Это было величайшей ошибкой, уничтожившей тот буфер, каким (между польским генеральным штабом и Трестом) была польская миссия

в Таллине. Только одного добился я от начальника разведки, а именно решения потребовать от Москвы серьезных разведывательных материалов, как, например, мобилизационного плана. Пусть они докажут наличие своих возможностей в штабе РККА».

—

Оценка этой части воспоминаний может быть сделана только теми, кто знает дело Треста не с русской, а с польской стороны. Только они могут судить о том, насколько правдоподобен рассказ В. Т. Дриммера об его поездке в Москву и встрече с советским полковником, но утверждение, что автор воспоминаний узнал адрес этого полковника из переписки М.О.Р. с эмигрантами, противоречит всему, что известно о Тресте. В своей заграничной переписке Москва тщательно соблюдала ту видимость конспирации, которая была нужна для сохранения веры эмигрантов в существование в России тайной монархической организации. Указание адреса одного из советских агентов, проникших в эту организацию, было бы со стороны чекистов вопиющей и ничем не оправданной неосторожностью.

В виде гипотезы можно было бы предположить, что адрес почему-либо был включен в письмо в зашифрованном виде, а В. Т. Дриммер его в Ревеле расшифровал, но это предположение опровергается не только тем, что он сообщил о шифрованной переписке Треста, но и его собственным признанием, что шифр М.О.Р. остался неразгаданным.

«По странному стечению обстоятельств — сказано в той части воспоминаний, в которой их автор, еще раз, слил воедино Якушева и Опперпута — после того, как Таллин лишился связи с М.О.Р.-Трестом и была установлена непосредственная связь Варшавы с Москвой, в Варшаве появился Федоров-Опперпут. Я предложил майору Таликовскому, руководившему разведкой на Россию, встречу втроем. Я прежде никогда не встречался с Опперпутом, который, как казалось, был в контакте с руководителем разведки на Россию. Они до этого виделись неоднократно. Когда встреча уже была решена, Федоров неожиданно заболел и был помещен в частную клинику св. Иосифа в Варшаве. Он перенес там операцию удаления слепой кишки. Случилось так, что, после того, как мы постучали в дверь его комнаты, я вошел в нее первым. Я заметил, что Федоров быстро спрятал под одеяло какую-то книгу.

От разговора в памяти не сохранилось ничего. Помню только банальное лицо и небольшие, хитрые, лисьи глаза, непрерывно перебегавшие с одного из нас на другого. Выйдя из комнаты, я попросил больничную сестру записать, когда окажется возможным, название и год издания книги, которую читает русский пациент. Мне повезло. Книга оказалась историей России, написанной Иловайским и изданной в Москве за несколько лет до (первой мировой) войны. По моему предположению, эта книга употреблялась для шифровки заграничных писем (Треста) по буквенному методу. По мнению нашего превосходного специалиста по чтению шифров, полковника Ковалевского, к которому я обратился с просьбой о расшифровке ряда писем, это невозможно было сделать, не зная книги. Таким образом, я, до возвращения в Таллин, дал руководителю разведки на Россию ключ, который мог привести к расшифровке писем М.О.Р.-Треста, но Варшава, как следовало предвидеть, не располагала ни временем ни людьми для того, чтобы спокойно и методически заняться этим делом».

—

Итак, В. Т. Дриммер признал, что зашифрованная часть заграничной переписки Треста, перевозившаяся в Москву или из Москвы польскими дипломатическими курьерами и проходившая через второй отдел польского генерального штаба, оставалась нерасшифрованной. Если он не ошибся, эта передача по назначению непрочитанных писем была бы доказательством неограниченного доверия штаба к русской монархической организации и ее заграничным корреспондентам. При любых обстоятельствах, использование иностранной дипломатической почты для шифрованной переписки показывает, как велика была, в те годы, независимость русских противников коммунизма и, в частности, Кутеповской организации от иностранцев.

Утверждение В. Т. Дриммера, что он обнаружил в больничной комнате Якушева написанный Иловайским учебник русской истории уже после того, как связь с Трестом была сосредоточена польским штабом в Варшаве, и счел эту книгу ключом к шифру М.О.Р., доказывает, что адрес советского полковника, у которого он, по его словам, побывал в Москве, не мог быть получен благодаря расшифровке одного из заграничных писем Треста.

Равнодушие начальников В. Т. Дриммера к его «открытию» можно объяснить не только тем, что штабу не хватало людей и времени на расшифровку переписки М.О.Р., но и тем, что «открытие» оказалось ошибкой. Книга, которую Якушев спрятал под одеяло от польского офицера, не была той, которой Трест пользовался для шифровки. Ею было берлинское издание «Истории русской музыки» Сабанеева.

Однако, больничная сестра в варшавской клинике св. Иосифа, где Якушев действительно, в один из своих приездов, пролежал довольно долго после более сложной операции, чем удаление слепой кишки, не ошиблась, сказав В. Т. Дриммеру, что таинственный русский пациент читает Иловайского. После операции Якушев попросил Артамонова принести ему несколько книг. Я присутствовал при их передаче. Среди них был упомянутый В. Т. Дриммером учебник. Почему же Якушев поспешно спрятал его от посетителей-поляков? Не потому ли, что Иловайский был и остается для них символом того мировоззрения, которое оправдывало разделы Польши и утверждало право России на вечное владение Царством Польским? Якушев, который, вероятно, это мировоззрение разделял, знал, как относятся к Иловайскому поляки. Не было ли вызвано его непроизвольное движение желанием скрыть от них ненавистное имя? Верю в то, что В. Т. Дриммер это движение заметил, но оно меня удивляет — не знаю, как его сочетать с самообладанием, которое Якушев проявлял при выполнении данного ему чекистами задания.

—

В том, что В. Т. Дриммер написал о поездке В. В. Шульгина в Россию, нет — с одним, неправдоподобным исключением — ничего нового. Не заслуживающим доверия кажется мне сообщение сотрудника «Культуры» о, якобы, устроенном чекистами для Шульгина живоцерковном «богослужении».

В. Т. Дриммер утверждает, что оно состоялось в Москве, в каком-то подвале, в присутствии всех возглавителей М.О.Р. и облеченных в военное обмундирование командиров красной армии. Фантастично утверждение, что Шульгина взволновало неправильное произношение русских слов «священником» и что автор «Трех столиц» увидел в этом подтверждение евразийского облика М.О.Р. и русской Церкви. Он, поэтому, якобы, поцеловал руку «священника», которым — по словам автора воспоминаний — был ставший чекистом бывший

польский офицер Стецкевич. Весь этот рассказ отражает такое незнание и непонимание истории Треста, что становится неловко за рассказчика, который ошибся и в примечании к своей статье, написав, что Шульгин был арестован в Югославии в 1956 году и умер девять лет спустя. В действительности, как известно, он был захвачен там большевиками в 1944 году и, повидимому, все еще жив.

—

В. Т. Дриммер включил в свои воспоминания то, что может быть названо польской версией обстоятельств, вызвавших самоликвидацию Треста. Не отрицая достоверности его сведений, нужно сказать, что указанная им причина была, вероятно, не единственной. Политическая обстановка, сложившаяся в начале 1927 года, и ответ Кутепова на вопрос об англо-советских отношениях, заданный ему в Финляндии представителями М.О.Р. в марте, могли повлиять на ликвидацию успешной советской провокации не меньше, чем та проницательность Пилсудского, на которой В. Т. Дриммер сосредоточил свое внимание.

«Переговоры нашей разведки с М.О.Р.-Трестом — написал он — тянулись бесконечно. Наконец М.О.Р. заявило, что оно, к сожалению, временно не может доставить (мобилизационного) плана (красной армии) из-за перемен в личном составе ее штаба, но вскоре сможет предложить за 10 тысяч долларов мобилизационный план советских железных дорог. Наша разведка приняла это предложение с условием, что 5 тысяч будут уплачены при получении, а остаток — после просмотра и установления достоверности. Наконец, штаб получил мобилизационный план. Его поочередно изучали: эвиденция второго отдела и четвертый, квартирмейстерский отдел главного штаба. Они признали план подлинным. Начальник штаба, генерал Пискор, и начальник второго отдела, полковник Байер, были приняты в Бельведере маршалом Пилсудским. Маршал приказал им оставить план у него на короткий срок для ознакомления. Несколько дней спустя в Бельведер был вызван начальник главного штаба, ген. Пискор. Маршал указал ему, одну за другой, ошибки в советских рассчетах пропускной способности железнодорожных станций, обнаруженные им при поверхностном ознакомлении с документом, выданным за мобилизационный план советских железных дорог.

Насколько помню, основная мысль этого плана состояла в желании создать впечатление, что советское вторжение в Польшу намечается в направлении на Львов, а не через традиционные «смоленские ворота». Это зародило в маршале Пилсудском первое подозрение, которое затем, при более тщательном вычислении пропускной способности отдельных железнодорожных станций, привело к обнаружению ошибок в расчетах, не замеченных ни вторым, ни четвертым отделом нашего штаба».

«От начальника штаба вниз, по служебной лестнице — прибавил В. Т. Дриммер — пошли касавшиеся мобилизационного плана замечания. План был возвращен М.О.Р. с соответствующей оценкой... Наш офицер связи в Москве, майор Недзинский, доложил, что возвращение мобилизационного плана, признанного фальшивкой, было большой неожиданностью для представителя М.О.Р.».

Как это ни странно, но в этом случае автор воспоминаний — по собственному признанию — не счел нужным соблюсти служебную тайну. «Я — написал он — не скрыл этой, обнаруженной в Варшаве мистификации от моих сослуживцев, военных агентов в Таллине и Риге, где я, между тем, также был аккредитован... Я догадывался, что они тоже состоят в связи с М.О.Р. Узнали это и возглавители монархической организации в Риге и Таллине, благородные и порядочные русские эмигранты».

В виде вывода из всего своего рассказа, В. Т. Дриммер прибавил:

«Предполагаю, что это событие (возвращение мобилизационного плана Тресту) и, может быть, какие-либо другие, мне не известные, причины вызвали кризис в возглавлении М.О.Р.-Треста. Это случилось в 1927 году, во время происходивших в России интенсивных «чисток». Наступил цикл совершенных чекистами ошибок и промахов».

—

Следующее затем в воспоминаниях перечисление этих ошибок содержит столько поразительных неточностей, что извлечь из него достоверные сведения не легко. Достаточно сказать, что Опперпут еще раз назван Федоровым, то есть, что ему приписан один из псевдонимов Якушева, а начальником русских воинских организаций, вместо генерала Кутепова — генерал Миллер.

Не ограничившись этим В. Т. Дриммер написал, что В. А. Ларионов и его соратники, совершившие в июле 1927 года удачное нападение на коммунистический клуб в Петрограде, были, якобы, убиты при переходе границы из Финляндии в Россию, а их покушение на клуб было, якобы, вымыслом советских газет.

Желание автора воспоминаний объяснить «бегство» Опперпута из Москвы в Гельсингфорс и последовавшее затем, сделанное им «разоблачение» Треста одним только проницательным отношением Пилсудского к переданному Трестом польскому генеральному штабу мобилизационному плану советских железных дорог и возвращением этого плана кажется мне заслуживающей внимания, но не доказанной гипотезой. Возвращение разоблаченной подделки ее виновникам было бы совершенной штабом непростительной ошибкой. Оно обнаружило бы подозрения штаба и заставило бы чекистов насторожиться. Между тем, связь Варшавы с Трестом, после описанного В. Т. Дриммером эпизода, ничем нарушена не была, а появление Опперпута в Финляндии было для штаба такой же неожиданностью, как и для Кутеповской организации.

Это не значит, что рассказ В. Т. Дриммера о переговорах штаба с М.О.Р. может быть назван вымыслом. Существует подтверждение желания польской разведки добиться от М.О.Р. выдачи советских военных тайн. В «Мертвой зыби» Никулин сообщил:

«Некто Недзинский, которому польским генштабом была поручена в Москве связь с Трестом, писал Якушеву: «Желательно получить сведения относительно маневров УВО... Кроме того, позволю себе напомнить относительно маневров ЛВО и ЗВО». Таким образом польский генштаб проявлял интерес к Украинскому, Ленинградскому и Закавказскому военным округам».

Мерилом отношения варшавского штаба к М.О.Р. до весны 1927 года был подарок, сделанный Якушеву и Потапову в 1926 году. Им были посланы в Москву бельгийские браунинги, украшенные на рукояти накладными, золотыми вензелями.

Некоторым русским зарубежным «историкам» Треста сведения об этом подарке показались настолько фантастическими, что они назвали их злостной выдумкой, но я видел эти браунинги в Варшаве, на квартире Артамонова, до их отсылки Тресту.

—

Опперпут — по мнению В. Т. Дриммера — «бежал» из Москвы не как раскаявшийся чекист, а как советский агент, получивший новое задание. Бывший польский военный агент в Ревеле не верит советскому сообщению о гибели Опперпута после неудачной попытки взорвать здание О.Г.П.У. на Малой Лубянке в Москве и в этом недоверии к смерти Опперпута в 1927 году он, безусловно, прав. Он, кроме того, утверждает, что латыш, знавший Опперпута в лицо, видел его в Шанхае незадолго до второй мировой войны.

По словам В. Т. Дриммера, Опперпут, после «бегства» в Гельсингфорс, пожелал дать генералу Кутепову подробные показания о Тресте. Он захотел сделать это в присутствии иностранных офицеров и назвал желательными участниками этого разговора начальника разведывательного отделения второго отдела польского генерального штаба, полковника Боцянского, и начальника русской секции этого отделения, майора Таликовского. Они съездили из Варшавы в Финляндию и выслушали эти показания.

Одновременно Опперпут — как утверждает В. Т. Дриммер — обвинил начальника польского штаба, генерала Пискора, начальника второго отдела полковника Байера и самого автора воспоминаний в том, что они — советские агенты. Большевики не раз пользовались и продолжают пользоваться таким злостным обвинением, чтобы повредить своим наиболее непримиримым противникам.

Польское правительство возведенной на его офицерство клевете не поверило, но сообщенная В. Т. Дриммером подробность поведения Опперпута в Гельсингфорсе подтверждает, что он там остался тем, чем был в Москве — советским агентом-провокатором.

1967 г.

ПИСЬМО П. Н. ВРАНГЕЛЯ

В литературе о Тресте есть несколько указаний на осторожное, недоверчивое отношение генерала П. Н. Врангеля к появлявшимся за границей эмиссарам организации, называвшей себя Монархическим Объединением России. Это недоверие подтверждено документом, хранящимся в Соединенных Штатах, в Институте имени Гувера в Станфорде и опубликованном мною в парижском журнале «Возрождение» (№ 233, июнь 1971 года) с согласия П. П. Врангеля, сына покойного главнокомандующего Русской Армии.

Этот документ — копия письма, написанного генералом Врангелем за два года до разоблачения советской провокации в М.О.Р., из Сремских Карловцов (Югославия) в Париж, лицу, фамилия которого в письме не указана. Однако, сопоставление с остальной перепиской автора дает возможность установить, что оно было адресовано генералу М. Н. Скалону, пользовавшемуся доверием великого князя Николая Николаевича.

Частное по форме и доверительное по содержанию, письмо было, тем не менее, помечено номером и напечатано на машинке. Копия, в соответствии с дореволюционным обыкновением, названа отпуском.

Некоторые имена и фамилии были заменены псевдонимами, легко поддающимися расшифровке, потому что — как это ни удивительно — эти условные обозначения совпадают с теми, которыми Трест пользовался в переписке с А. П. Кутеповым и другими эмигрантами. Мною, в скобках, включены в текст подлинные имена.

Письмо свидетельствует о редкой проницательности П. Н. Врангеля, подтвержденной, два года спустя, разоблачением чекистской провокации.

—

№ 1728/с

Сремски Карловци, 12 марта 1925 г.

Дорогой Михаил Николаевич,

В бытность мою в Париже я докладывал Великому Князю о подозрениях моих касательно известных тебе Федорова

(Якушева) *и Волкова* (Потапова). *Отсутствие конспиративности в их переписке и в свиданиях заграницей невольно внушали мне некоторые подозрения. Подозрения эти усилились, когда в свой приезд заграницу в 1923 году Федоров послал бывшему начальнику моей разведки порученные ему, Федорову, Марковым* (председателем Высшего Монархического Совета в Берлине) *письма к кн. Н. Л. Оболенскому и А. Н. Крупенскому. Как ты можешь увидеть из содержания этих писем, сообщение мне таковых не могло иметь другой цели, как поселить во мне недоверие к Маркову. Между тем последний имел связь с Россией через того же Федорова. Все это я докладывал Великому Князю и по его приказанию сообщил Кутепову.*

На днях я совершенно неожиданно получил одновременно прилагаемые письма от Федорова и Волкова. Последнего я видел один раз более полутора года тому назад, когда он приезжал в Сербию, первого я вовсе не знаю. Он изредка переписывался с генералом Климовичем, каждый раз прося передать мне привет, за что я просил передать благодарность. Вот, вероятно, та «деловая связь», о которой он пишет.

Одновременное обращение ко мне Федорова и Волкова и самое содержание их писем усиливают бывшие у меня ранее подозрения. Я не считаю себя вправе не сообщить их Великому Князю. Вместе с тем эти подозрения все же не непреложная уверенность, а потому убедительно прошу тебя, буде Великий Князь сочтет необходимым в интересах дела поддержать с ним дальнейшие сношения, чтобы это письмо и препровождаемые документы остались бы для всех, кроме тебя и Великого Князя, неизвестными.

Я со своей стороны приказал ответить им, что «Сергеев (П. Н. Врангель) *уже давно от всякой политической работы отошел, ограничив свою деятельность заботой о своих соратниках. Соображения, которые Вы считаете необходимым доводить до сведения Юнкерса* (великого князя Николая Николаевича), *могут быть направлены Вами обычным путем через Бородина* (А. П. Кутепова)».

Крепко жму твою руку.

Твой П. Врангель»

РЕВЕЛЬСКАЯ ЗАГАДКА

Юрий Александрович Артамонов скончался в Сан Пауло (Бразилия) 21-го августа 1971 года. Его друг и однополчанин, князь Кирилл Алексеевич Ширинский-Шихматов, пережил его недолго — смерть постигла его в Париже 23-го марта 1972 года. Их имена связаны с тем эпизодом истории Треста, который они оба, до последних дней своей жизни, считали неразрешенной загадкой.

В советской версии этой истории — «Мертвой зыби» Льва Никулина — это рассказано так:

«В январе 1922 года, на Лубянке, Дзержинский сказал своим ближайшим сотрудникам, что «по сведениям из-за границы и данным, полученным внутри страны,... на советской территории действует довольно многочисленная и глубоко законспирированная контр-революционная... Монархическая организация Центральной России,... установившая прямой контакт с центрами белой эмиграции за границей и, опираясь на их помощь, готовящая восстание против советской власти. ГПУ обязано проникнуть в замыслы и планы врага и в нужный момент нанести ему сокрушительный удар... Центральный комитет нашей партии, которому я доложил материал по этому делу, предлагает нам не производить арестов всех известных участников организации. ГПУ должно взять деятельность МОЦР под неослабный контроль с тем, чтобы выяснить масштабы ее, организационные формы построения, идейных и практических руководителей, состав, программу, цели, тактику борьбы и средства связи с заграницей, анализировать опасность организации для Советской республики, перехватить каналы, по которым МОЦР поддерживает контакты с

белоэмигрантскими центрами. Нужно сделать так, чтобы МОЦР превратилось в своего рода «окошко», через которое ГПУ могло бы иметь точное представление о том, как предполагает действовать против нас белая эмиграция... Нам нужен человек, который поможет чекистам проникнуть в ядро монархической организации».

Тогда же Дзержинский — по словам Никулина — назвал арестованного чекистами Александра Александровича Якушева, сказав о нем:

«Это видный специалист по водному хозяйству, занимавший в дореволюционное время солидное положение. Мы убедились, что сейчас он не только стоит на позициях, враждебных по отношению к советской власти, но и является одним из руководителей МОЦР...

Якушев перешел на советскую службу после длительного саботажа, но, видимо, он начал работать лишь с целью маскировки своей контр-революционной деятельности. Это ему не удалось. Он арестован. Однако, мы убедились в том, что, несмотря на свои монархические взгляды, он отвергает методы борьбы, которые предлагают его единомышленники. Он отвергает интервенцию и для него, как он заявил, «превыше всего интересы России». Поэтому он осуждает терроризм и шпионаж в пользу Антанты. В то же время он категорически отказывается дать нам откровенные признания относительно МОЦР и назвать хотя бы одно имя...

Мы не должны терять надежды переубедить его, склонить на сторону советской власти. Попытаемся это сделать. Поэтому будем держать его арест втайне. Якушев арестован тотчас по его возвращении из заграничной командировки, в момент, когда он отправлялся в другую командировку, в Иркутск. Ни в Москве, ни за границей об его аресте не знают... Якушев может быть, говоря иносказательно, тем ключем, который откроет нам, чекистам, доступ в МОЦР... Он должен объявить тайную войну своим единомышленникам, войну смертельную... Такая работа требует выдержки, смелости и находчивости. Умело маскируясь, надо глубоко проникать в лагерь врагов, подогревать их недоверие друг к другу, возбуждать взаимные подозрения, вызывать споры. Мы знаем, что происходит за границей: склоки, грызня между белыми эмигрантами. Надо ловко подбрасывать им горючий материал, сеять между ними вражду».

—

По той же советской версии чекистам не сразу удалось склонить Якушева к переходу на их службу. Первым шагом в оказанном на него давлении была очная ставка с арестованной москвичкой, Варварой Николаевной Страшкевич, показавшей на допросе, что до отъезда в заграничную командировку Якушев сказал, что хочет встретиться за границей с ее племянником Ю. А. Артамоновым, которого знал по Лицею.

Якушеву — утверждает Никулин — пришлось сознаться в том, что он получил от Страшкевич записку к Артамонову и встретился в Ревеле не только с ним, но и со служившим в разведке генерала Врангеля Всеволодом Ивановичем Щелгачевым, офицером Лейб-Гвардии Преображенского полка.

Не отрицая встречи, Якушев — сказано в «Мертвой зыби» — сделал слабую попытку опровергнуть обвинение в том, что разговаривал со Щелгачевым и Артамоновым, как представитель существующей в России тайной монархической организации, но вынужден был сознаться в этом, когда допрашивавший его чекист Пиляр показал копию письма, посланного Артамоновым из Ревеля в Берлин князю Ширинскому-Шихматову.

—

Выдержки из этого письма включены Никулиным в его рассказ о допросе Якушева в О.Г.П.У.:

«Якушев — написал Артамонов — крупный спец. Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение — мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше — без промежуточных инстанций — к царю. Толчка можно ждать через три-четыре месяца. После падения большевиков спецы станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России...

Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой; в стране существует, действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление об эмигрантах у него ужасное. «В будущем милости просим в Россию, но импортировать из-за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, приспособиться к новым условиям». Якушев далее сказал: «Монархическая организация из Москвы будет давать директивы организациям на Западе, а не наоборот». Зашел разговор о террористических актах. Якушев по этому поводу заметил: «Они

не нужны. Нужно легальное возвращение эмигрантов в Россию, как можно больше. Офицерам и замешанным в политике обождать. Интервенция иностранная и добровольческая нежелательна. Интервенция не встретит сочувствия». Якушев безусловно с нами. Человек с мировым кругозором. Мимоходом бросил мысль о «советской» монархии. По его мнению, большевизм выветривается. В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы. Предлагает реальное установление связи между нами и москвичами. Имен не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, и у них, и за границей».

—

Пятьдесят лет с лишним спустя, эти впечатления Артамонова от первой встречи с Якушевым не подтверждают, а опровергают советскую версию о подлинном контр-революционном облике приехавшего в Ревель эмиссара М.О.Ц.Р. Они доказывают, что на свидание с Артамоновым и Щелгачевым Якушев прибыл во всеоружии данной ему чекистами инструкции.

«Мимоходом» — как выразился Артамонов — он оказался предшественником младороссов, связавших в один лозунг несовместимые слова «царь» и «советы». Теперь наследниками Якушева по советской пропаганде в эмигрантской среде могут быть названы московские «Голос Родины», призывающий к возвращению из эмиграции в Россию, и нео-младороссы, проповедующие ставку на «патриотически» и даже «монархически» настроенных коммунистов. Вопреки тому, что написал о нем Никулин, ревельский гость Артамонова и Щелгачева предстает теперь перед нами, как несомненный советский агент, выполнявший данное ему Москвой поручение. Неопытные молодые эмигранты это не поняли.

Когда Артамонов и Ширинский-Шихматов узнали, что посланным из Ревеля в Берлин письмом большевики объясняют возникшую, якобы, в Якушеве ненависть к эмигрантам и его готовность повести против них «смертельную войну», они начали гадать, как могло неосторожное послание попасть в советские руки.

«Одно могу сказать наверно — написал Артамонов после появления «Мертвой зыби» — что злополучное письмо было опущено в почтовый ящик в Берлине».

«Могу тебя заверить — прибавил он позже — что «пропавшая грамота» была послана в Берлин особой почтой и там опущена в почтовый ящик... Можно строить бесконечную

массу предположений обо всем этом, но едва ли мы попадем на совсем правильное. Обо всем этом можно говорить без конца, но во всяком случае интересно, что провалов не было и никто не погиб... Ты не прав, если думаешь, что Арапов полностью верил Тресту; наоборот, он всегда думал, что они связаны (с О.Г.П.У.), т. к. одно подполье не может работать без связи с другим».

Ширинский-Шихматов был ближе к истине, предполагая, что письмо Артамонова было, до доставки в Берлин, перехвачено в Ревеле. Упомянутая Артамоновым «особая почта» была, вероятно, эстонской дипломатической почтой, а перевозивший ее курьер мог быть тем, состоявшим тогда на службе эстонского министерства иностранных дел тайным коммунистом Романом Бирком, который позже явно перешел на сторону большевиков. Он легко мог снять копию с доверенного ему письма и опустить подлинник в берлинский почтовый ящик.

—

Выдержки из писем Артамонова заимствованы мною из сохранившегося архива покойного князя Ширинского-Шихматова.

В том же архиве есть документ, показывающий, как Артамонов отнесся к разоблачению провокации в Тресте. В посланном из Варшавы 5-го января 1928 года письме он написал:

«Вся та история, которая произошла, чрезвычайно тяжела для меня морально. Все это дело очень сложное и запутанное. Нет сомнения, что Трест был связан с Г. П. У. и что многое из разоблачений Касаткина (Опперпута) верно, но дело, думается, вовсе не так просто, как он его изображает. Несомненно, роковую роль во всем этом деле сыграло письмо, которое было послано в Ллойд (Высший Монархический Совет) и в копии очутилось в Г.П.У., из-за чего А. А. (Якушев) и был арестован, как ты наверно хорошо помнишь. Но как это случилось, Оп-т не сказал, хотя я читал все его неопубликованные разоблачения. О факте он говорит, но его не объясняет. Нет ли у тебя дагадок или предположений по этому поводу? Ведь все отправлялось в те годы на твой адрес... Думаю, что правду мы узнаем только тогда, когда откроются архивы Г.П.У., пока же остается только грязь и ужас».

Если нужно еще одно доказательство того, что в апреле 1927 года Опперпут «бежал» в Финляндию по заданию ОГПУ, оно дано этим указанием Артамонова на то, что «беглец» предварил на 38 лет в своих «разоблачениях» рассказ Никулина о попавшем в руки чекистов ревельском письме, но скрыл, как оно стало их достоянием.

1973 г.

ПАРИЖСКИЙ АРХИВ

В бумагах скончавшегося в Париже князя Кирилла Алексеевича Ширинского-Шихматова сохранились документы, освещающие связь Якушева с русскими эмигрантами и их вовлечение в орбиту советской провокации нигде до сих пор не опубликованными подробностями. Документы эти принадлежали ныне также покойному князю Юрию Алексеевичу, брату Кирилла Алексеевича. Один из них — написанная, вероятно, Ю. А. Ширинским-Шихматовым, но им не подписанная памятная записка, дата которой не указана. В ней сказано:

«Первое знакомство Александра Александровича Якушева с Юрием Александровичем Артамоновым относится, повидимому, к концу лета или ранней осени 1921 года и имело место в Ревеле, где А. служил переводчиком в англ. консульстве. Якушев привез ему привет и поручения что-то купить от двух сестер, приятельниц Артамонова, живших в Москве в одном доме с Якушевым — Арбат, Никольский пер. 12 — сестер Страшкевич, сидевших в тюрьме вместе с Якушевым; говорили о политике мало, между прочим. Якушев отозвался с иронией об эмиграции и ее правом секторе, назвав себя монархистом. Пришел в восторг от показанных ему статей в восьмом и четвертом номерах берлинского журнала «Двугл. Орел» Г. Лукьянова — псевдоним Юрия Алексеевича Ширинского-Шихматова — «Мысли беженца. Советская монархия» и «Наши задачи», в коих идеологически и тактически автор стремился обосновать анти-реставрационный нео-монархизм, «советско-монархическое народничество». Вот с такими людьми я согласился бы работать, заявил Якушев. Артамонов написал об этом разговоре в Берлин брату автора статьи, своему однополчанину Кириллу Алексеевичу, прося довести эту беседу до сведения брата, проживавшего тогда в Париже, а также и до

сведения Высшего Монархического Совета в Берлине. Именно это письмо и было перехвачено коммун. агентами, ибо шло из Ревеля в Берлин почти три недели. Фотография этого письма была предъявлена Якушеву следователем ГПУ после ареста, о чем сам Я. и рассказывал в свои последующие приезды заграницу.

В первых числах января 1922 г. к Ю. А. Артамонову на квартиру явился пробравшийся нелегально из Петербурга красный офицер, б. полковник Иванов. Он привез письмо от Я. с извещением, что у него «были неприятности, но теперь все уладилось», что в Москве им организована неб. группа, принявшая название «Монарх. Объединение Центральной России» — МОЦР — конспиративно завод «Металло-Обделочный Центро-Рельса»; Иванов показался искренним, но не умным и не серьезным; был типичным узким «белым офицером», ленинской «редиской». Для сношений с МОЦР Иванов предложил пользоваться эстонской (дипломатической) вализой. Повидимому, эстонское посольство в Москве уже состояло в контакте с МОЦР, ибо эст. военное министерство пошло сразу же навстречу Артамонову. Связующим звеном служил Бирк. Иванов уехал через два дня, а Артамонов организовал «ЗЯРМО № 1» — заграничную ячейку Российской Монарх. Организации — в которую привлек несколько человек, в том числе местного представителя «Центра Действия» Щелгачева, жившего на Нарвской ул. 10 кв. 9. Переписка с Артамоновым сначала велась по адресу булочной, где служила его невеста, теперь — жена, а потом, когда адрес этот провалился, (так как) эстонская полиция обратила внимание на шифрованную переписку, помещавшуюся в пакетах газет, по адресу: Г. Крузенстиерн для г. Бирк, Широкая 32 кв. 2. Переписка шифровалась «книжным шифром» по статье «Наши Задачи», положившей основу знакомству, как с Москвой, так и с «ЗЯРМО № 2» в Берлине и с «ЗЯРМО № 3» в Париже. Возглавляли: № 2 — Кирилл Алексеевич, а № 3 — Юрий Алексеевич Ширинские-Шихматовы.

Первое общее совещание А. А. Якушева со всеми троими возглавителями «ЗЯРМО» относится к началу декабря 1922 года и имело место в Берлине, в одной из гостиниц близ Потсдамского вокзала, где остановились приехавшие вместе А. А. с Ю. А. и Ю. А. Ш.-Ш. Были выработаны основы программы и тактики. Совещание продолжалось 4 дня. К участию в последнем был привлечен Артамоновым его товарищ по (Лейб-

Гвардии Конному) полку, только что приехавший из Сербии племянник Ген. Врангеля и командир его личного конвоя, евразиец Петр Семенович Арапов. Немедленно после окончания совещания, А. А. Я. был поставлен в связь с Высш. Мон. Советом через К. А. Ш.-Ш. и с представителем ген. Врангеля полк. А. А. фон Лампе. На В. М. С. Якушев не произвел хорошего впечатления, за исключением А. М. Масленникова, но А. А. Лампе, которого познакомил с Якушевым Арапов, был им очарован.

К этому моменту относятся два интересных факта: 1. На вопрос Ю. А. Ш.-Ш., какую роль в организации играет приезжавший в Ревель полковник Иванов, Як. ответил: «Никакой — мы его ликвидировали. Он слишком много знал. Пригласили на охоту и пристрелили»; в газ. «Руль» появилась заметка, что в Берлин приехал «чекист Якушев» для ревизии местного отдела заграничного ГПУ. Якушев был очень взволнован и говорил, что ничего не понимает. Впоследствии он писал из Москвы, что его сотрудники и, в частности, «Касаткин», были страшно оскорблены фактом этой заметки и предложили поехать в Берлин «вызвать (редактора газеты «Руль») Гессена на дуэль», но в ту минуту Як. говорил, что это, вероятно, какой-нибудь однофамилец или псевдоним. «Очень неприятное совпадение».

На совещании в качестве шифра было решено пользоваться брошюрами, изданными в России: до осени 1923 г. шифром служила брошюра Быкова «Последние дни последнего царя», потом — «Дети будущего». Терминология была выработана следующая: МОЦР — трест, Высш. Мон. Совет — Ллойд, Врангелевская Армия — фирма Сергеева, Совласть — Центролес, Монархия — кооперация, коммунисты — конкуренты, курьер — письмо, дипломатический — беспроволочный, договор — счет, опасность — согласие, дела идут хорошо — падение цен, плохо — повышение. Города переименовались: Прага именовалась Киев, Гельсингфорс — Вологда, Белград — Иннсбрук, Москва — Варшава, Петербург — Вильно, Кенигсберг — Вильдунген, Берлин — Ковно, Париж — Вена, Варшава — Женева, Бухарест — Гамбург, Киев — Прага, Лондон — Мурманск, Будапешт — Чита, Чита — Чикаго, Иркутск — Квебек, Севастополь — Констанца, Рига — Копенгаген, Одесса — Варна, Мюнхен — Лихтенштейн, Омск — Сан Франциско и т. д. Псевдонимы: Якушев — Федоров, Ген. Зайончковский — Боярин Василий и Верховский, Опперпут

— Стауниц и Касаткин, Ген. Потапов — Медведев, Ген. Лебедев — Богданов, Бирк — Борисов, Врангель — Сергеев, Ген. Хольмсен — Климов, Ген. Миллер — Косенко, В. К. Николай Николаевич — Юнкер, Имп. Мария Фед. — Стиннес, В. К. Кирилл Вл. — Зингер, В. К. Дмитрий Павл. — Александров, Н. Марков 2-ой — Петренко, Н. Д. Тальберг — Лысенко, Полк. Гершельман — Иванов, Полк. Баумгартен — Садовский; представители в странах: в Варшаве Ю. А. Артамонов — Посредников и Липский, в Париже Ю. А. Ширинский-Шихматов — Лукьянов и Вильде, в Берлине К. А. Ширинский-Шихматов — Шотт и Коган, при Ген. Врангеле П. С. Арапов — Шмит и Философов, он же для связи с евразийцами, в Ревеле Щелгачев — Порви и Второв, в Гельсингфорсе Х. И. ф. Дерфельден — Алексеев

Якушев предложил желающим приехать «проверить работу на месте». На первый подпольный съезд, под Москвой, должны были поехать Ю. А. Ш.-Ш. и, от Ллойда (Александр Сергеевич) Гершельман, как представители полярных (противоположных) течений; съезд состоялся весной 1923 года, но эмигрантские делегаты на него не попали: Ш.-Ш. из-за отсутствия денег, а Г. — разминувшись в Риге с лицом, посланным трестом, дабы перевести эмигр. делегатов через границу.

В августе 1923 г. Якушев приезжал в Берлин и Париж, где виделся с В. К. Ник. Ник. К этому времени относится его разрыв с В. Мон. Сов., установление тесной связи с Врангелевской организацией — Лампе, Хольмсен, Монкевиц, знакомство с Шульгиным и уход Ю. А. Ширинского-Шихматова, не принявшего предложение Як. переехать в Берлин для слежки за Высш. Мон. Сов. и заявившего о неприемлемости для него «вождизма» — трест объявил себя подчиненным В. К. Н. Н. (великому князю Николаю Николаевичу) и национал-пораженческой линии трестовской тактики, выразившейся в торговле русскими военными тайнами, особенно в Варшаве и Ревеле, где покупателями были также англичане. К этому же моменту относится усиление дружбы Як. и Арапова и знакомство Як. с лидером евразийцев П. П. Сувчинским. Весной 1924 г. был второй съезд МОЦР, переименованного в М.О.Р., в котором участвовал и Арапов, близко сошедшийся с Касаткиным (Опперпутом)».

—

Кн. Кирилл Алексеевич
Ширинский-Шихматов
при производстве в офицеры
в 1915 году

Сообщение этого документа о несостоявшейся поездке А. С. Гершельмана на «съезд МО.Р.» в России подтверждается его очень интересными, еще не опубликованными воспоминаниями, а тот трудно объяснимый факт, что Якушев не скрыл от некоторых эмигрантов ареста, которому — по советской версии истории Треста — был подвергнут после возвращения в Москву из Ревеля — запиской князя К. А. Ширинского-Шихматова.

В последние годы своей жизни автор этой записки находился в полупарализованном состоянии, но сохранил до смерти полную ясность ума. Он постоянно вспоминал Трест и хотел написать критический отзыв о книге Никулина. Болезнь заставила отказаться от этого желания, но сохранилась написанная дрожащей рукой обреченного человека записка, в которой сказано:

«Моя теория о двойной игре А. А. Якушева. Мы узнали об его аресте от него самого. Он играл на два «табло», чтобы в эмиграции не узнали от посторонних, напр. от Кутеповской линии, об его аресте, а, с другой стороны, он «предупреждал» эмиграцию о том, что его выпустили: не говорите мне лишнего, я обязан обо всем докладывать патронам».

В таком запутанном и сложном случае, как дело Треста, каждое свидетельское показание заслуживает внимания, а показание К. А. Ширинского - Шихматова — не только внимания, но и доверия. Мне кажется, однако, что он напрасно приписал Якушеву благородное побуждение — желание предостеречь эмигрантов. Судя по включенным в «Мертвую зыбь» сведениям об его докладах О.Г.П.У. после возвращения из заграничных поездок, он не щадил эмигрантов и над некоторыми издевался.

—

В том же парижском архиве сохранились: одна открытка Якушева К. А. Ширинскому-Шихматову, два письма Якушева его брату и один документ, поражающий подражанием Треста дореволюционной официальной переписке через пять лет после захвата власти в России коммунистами. Это подражание удивительно тем более, что Ю. А. Ширинский-Шихматов, которому документ был предназначен, отнюдь не был сторонником восстановления монархии в ее прежнем облике.

—

Открытка Якушева была написана в Кенигсберге 5-го января 1923 года и адресована «господину К. Шихматову, в отдел рукоделий на Потсдамерштрассе 27-б в Берлине»:

«Покидая Кенигсберг, шлю в последний раз привет. Очень огорчен, что не встретил Липского (Артамонова), должно быть он проехал с другим поездом и не протелеграфировал. Желаю всякого успеха. Кланяюсь низко всем сослуживцам по Ллойду (Высшему Монархическому Совету).

Ваш Федоров».

—

21-го января того же года Якушев написал Ю. А. Ширинскому-Шихматову, из Москвы:

«*Дорогой Юрий Алексеевич!*

С особенным удовольствием сообщаю Вам, что я благополучно вернулся и до сих пор чувствую себя вполне удовлетворительно.

Наши конкуренты заняты теперь совсем другим делом и мы, пользуясь этим, стараемся развернуть деятельность нашего кооператива.

Работа идет бешенная, напряжение очень большое, приходится действовать решительно и потому, конечно, скучать от безделья не приходится.

Все, сделанное нами (в Берлине Якушевым, братьями Ширинскими-Шихматовыми, Артамоновым и Араповым), одобряется здесь, но сейчас невозможно менять форму Треста и мы ограничиваемся образованием организационного комитета, который подготовил бы переход к новой форме.

Завязываем торговлю с иностранцами, но крайне нуждаемся в энергичных представителях, которые, будучи вполне нашими, проводили бы нашу линию и защищали наши интересы в иностранных городах.

В частности нам очень важно иметь представителя в Париже, который бы служил связью между нами и местными кооператорами (монархистами) отечественного происхождения, а, если понадобится, входил бы в сношения и с местными французскими комерческими (политическими) учреждениями. Требуется — буду говорить грубо — высшая изворотливость вместе с твердостью, быть может даже нужно быть иногда иезуитом. Что делать, такова потребность момента.

Выбор наш останавливается только на Вас, в чем, я думаю, Вы не могли сомневаться. Помогите нам, дорогой, и не отказывайтесь от делаемого Вам предложения.

Дело трудное, неприятное, но крайне важное и необходимое. Обнимаю Вас и крепко жму Вашу руку.

Ваш Федоров».

—

Судя по сохранившейся в бумагах К. А. Ширинского-Шихматова памятной записке, в которой его брат назван представителем М.О.Р. в Париже, Ю. А. Ширинский-Шихматов предложение Треста принял, но вскоре Москва сделала отклоненную им попытку перевода в Берлин для наблюдения за Высшим Монархическим Советом.

От этой попытки сохранились: присланный ему из Москвы, упомянутый мною документ, написанный по всем дореволюционным правилам и подписанный тремя советскими агентами — Якушевым, бывшим генералом Лебедевым и Опперпутом — и приложенное к нему частное письмо того же Якушева. Оно показывает, что уже тогда Трест стремился протолкнуть в иностранную печать нужную ему дезинформацию.

Извещение о назначении в Берлин было написано 29-го ноября 1923 года и адресовано «Его Сиятельству князю Ю. А. Ширинскому-Шихматову» с указанием даты и места его отсылки, причем Москва была названа Варшавой, но М.О.Р. было названо не Трестом, а полным своим именем. Удивительно, что это извещение не вызвало напыщенным языком, столь странным после пяти лет коммунистического порабощения России, немедленного подозрения в провокации. В нем было сказано:

«Милостивый Государь,

князь Юрий Алексеевич!

По постановлению Политического Совета Монархического Объединения России Вы назначены с 1-го ноября 1923 года Представителем МОР для Германии и Бельгии.

С получением сего Вам надлежит немедленно вступить в исполнение своих обязанностей.

Вам поручается установить и поддерживать деятельную связь с Высшим Монархическим Советом и входящими в его состав монархическими организациями равно и с местными представителями фирмы Сергеева (генерала Врангеля). Кроме того, на Вас специально возлагается руководст-

во кружками русской молодежи, как в Германии, так и в Бельгии, а равно общее направление деятельностью кружков русской молодежи в Париже и вообще во Франции, не касаясь вопроса представительства МОР в Париже.

Благоволите срочно сообщить нам Ваш берлинский адрес, по которому могла бы направляться к Вам простая корреспонденция.

Всю деловую корреспонденцию Вы будете получать и должны отправлять дипломатической почтой через г. Липского (Артамонова). Вам будет указано им лицо, с которым Вам придется быть в непосредственных сношениях по этому делу.

Выражая уверенность, что Вы вполне справитесь с возлагаемым на Вас ответственным поручением, мы просим Вас передать привет кружкам русской молодежи и сообщить им, что мы рады их считать своими и всецело поддерживать во всех разумных начинаниях.

Зам. Верховного Эмиссара А. Федоров

За Начальника Штаба Богданов

Член Политического Совета Касаткин»

—

В частном письме Якушев, в тот же день, написал:

«Дорогой Юрий Алексеевич!

Прежде всего приветствую Вас с назначением и радуюсь, что Вы теперь окончательно наш. К сожалению, по независящим от нас обстоятельствам, извещение о Вашем назначении несколько задержалось.

Ну да я уверен, что Вы одним скачком догоните все опозданное. Дипломатическая линия, о которой Вам официально сообщается, идет по Женевской Торговой Палате (варшавскому генеральному штабу).

Ю. А. Липский (Артамонов) сообщит Вам лиц, к которым Вам придется обращаться для получения и отправки корреспонденции и от которых Вы будете получать содержание, конечно за наш счет.

Сейчас Вам уже готов перевод на 30 — тридцать — английских фунтов стерлингов из расчета по 1-ое февраля 1924 года. Он находится у представителя Женевской Торговой Палаты в Вене (Париже). Его фамилия также будет Вам указана Липским.

Корреспонденцию посылайте по возможности способом, который был Вам сообщен в Страсбурге мною, но имейте в виду, что этот способ известен, кроме нас, только фирме Сергеева (штабу генерала Врангеля), Ллойду же (Высшему Монархическому Совету) он не известен и не должен быть сообщаем.

Первая просьба, с которой мы к Вам обращаемся, касается помещения в газете "Action Francaise" *прилагаемой статьи. В виду тех переговоров, которые только что закончены мною совместно с Н. М. Медведевым (Потаповым) в Женеве (Варшаве) и вследствие достигнутых результатов, помещение этой статьи представляется положительно необходимым для дальнейших соображений.*

Подробно писать не имею времени и прошу сделать это Липского, который вполне в курсе дела.

Итак, дорогой, получайте деньги и приступайте к работе. В добрый час. Обнимаю Вас и крепко целую.

Ваш А. Федоров».

—

Предположение Треста, что Ю. А. Ширинский-Шихматов станет послушным исполнителем его указаний не сбылось. Может быть поэтому Якушев не сделал позже ни малейшей попытки толкнуть меня на скользкий путь того наблюдения за другими эмигрантами, которого он хотел добиться от берлинского представителя М.О.Р.

1973 г.

СУДЬБА ПРОВОКАТОРА

Существуют два мнения о судьбе Опперпута после его возвращения из Финляндии в Россию. Ныне покойный д-р Н. И. Виноградов не только поверил советской версии об его превращении из чекиста в белого террориста, но и запальчиво осуждал тех, кто, как С. П. Мельгунов и я, отнеслись к этому утверждению критически. Американский историк Поль В. Блэксток, почерпнувший от Н. И. Виноградова значительную часть своих сведений о Тресте и Кутеповской организации, также изобразил Опперпута раскаявшимся агентом-провокатором, пожелавшим искупить вину участием в борьбе с большевиками. Ни он, ни д-р Виноградов не обратили внимания на то, что советские сообщения об Опперпуте содержат противоречие, обличающее их авторов.

—

5-го июля 1927 года московские газеты опубликовали сообщение коллегии О.Г.П.У., подписанное В. Менжинским:

«В ночь на 3 июня с. г. имела место, как это известно из правительственного сообщения от 10 июня, предупрежденная сотрудниками ОГПУ попытка взорвать жилой дом № 3/6 по М. Лубянке. В результате розысков ОГПУ установлено, что злоумышленниками, совершившими попытку взрыва, являются трое террористов: Захарченко-Шульц, Опперпут и Вознесенский, нелегально перешедшие границу в СССР из Финляндии 31 мая с. г.

Во главе этой группы была известная монархистка, близкая родственница и правая рука английского агента, генерала Кутепова, М. В. Захарченко, она же Шульц. Последние месяцы она вместе с б. савинковцем Опперпутом руководила из Финляндии террористическо-шпионской работой.

После неудачи покушения на взрыв террористы направились в Смоленскую губернию, где в 10 верстах от Смоленска Опперпут был застигнут крестьянской облавой, организованной ОГПУ 19 июня с. г. При задержании Опперпут оказал вооруженное сопротивление и был убит в перестрелке. Захарченко-Шульц с ее спутником Вознесенским 23 июня наткнулась на красноармейскую засаду в районе Дретуни, высланную белорусским особым отделом ОГПУ, в перестрелке с которой оба были убиты. Опперпут был опознан как лично, так и по принадлежавшим ему вещам женой, брошенной им в России, и следователями, допрашивавшими его ранее по делу савинковской организации. Захарченко-Шульц была опознана целым рядом сидящих в ОГПУ Кутеповских агентов, прибывших из-за границы. Найденный среди других материалов дневник Опперпута с описанием подготовления взрыва и всего маршрута террористов от границы полностью подтвердил имевшиеся данные ОГПУ по этому делу.

Нельзя не отметить самоотверженного участия крестьян и других местных жителей, активно помогавших поимке шпионов-террористов. В перестрелке с террористами тяжело ранены рабочий Яновского спиртового завода Николай Кравцов, крестьянин дер. Белоручье т. Якушенко и милиционер Лекин Алексей, а также легко ранена жена краскома Н-ского полка Ровнова.

Кроме того, террористами убит шофер машины штаба Белорусского военного округа Сергей Гребенюк и тяжело ранен его помощник Борис Голенков — оба за отказ везти террористов».

—

6-го июля 1927 года «Правда» напечатала второе сообщение, повторенное Никулиным в «Мертвой зыби»:

«Взрыв подготовлялся довольно умело. Организаторы взрыва сделали все от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый снаряд. На некотором расстоянии от него были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по М. Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно почти не сомневаться в том, что здание по М. Лубянке № 3/6 было бы разрушено. Взрыв был предотвращен в последний момент сотрудниками ОГПУ.

Снаряды и вообще вся террористическая аппаратура погибших белогвардейцев были изготовлены не в СССР, а привезены из-за границы. Это нами установлено совершенно точно. И конструкция снарядов, и состав наполнявших их взрывчатых веществ — определенно иностранного происхождения. В частности, научная экспертиза известных специалистов-химиков установила с полной категоричностью английское происхождение мелинита.

По вполне понятным причинам я не стану указывать всех тех нитей, которые привели нас от Лубянской площади в Москве к белорусским лесам, где мы настигли скрывавшихся преступников. Ими оказались наши «старые знакомые»: известная террористка Захарченко-Шульц, в течение ряда лет боровшаяся всеми способами с советской властью, являясь племянницей белого генерала Кутепова, прославившегося даже в эмиграции своей исключительной, бесчеловечной жестокостью в отношении подчиненных ему белых солдат и казаков и заслужившего в эмиграции прозвище Кутеп-паши. Она, вместе со своим дядей и шефом, являлась доверенным лицом и постоянным агентом английской разведки.

В последнее время соответственные английские «сферы», изверившись в наличии каких-либо корней у монархистов в СССР, усомнившись даже в их связи с Россией, предложили своим агентам предъявить реальные доказательства того, что монархисты могут не только разговаривать и проклинать большевиков, но и действовать. Последние неудавшиеся террористические акты и следует, очевидно, считать тем «доказательством», которое Кутепов и кутеповцы пытались предъявить англичанам.

Другой участник покушения, Опперпут — тоже не новое лицо на белогвардейско-шпионском горизонте. Опперпут, не раз перекочевывавший из одной антисоветской группировки в другую, был и организатором савинковских военных групп в Белоруссии, и доверенным лицом у правомонархистов-николаевцев. Проживая последние месяцы в Финляндии, он помещал свои заметки в гельсингфорских газетах «Ууси Суоми», «Хувустадбладт» и других, ведших наиболее яростную агитацию против СССР.

Третий участник покушения на Лубянке, именовавшийся по подложному паспорту Вознесенским, являлся своего рода «выдвиженцем» из среды белых офицеров, посланных ге-

нералом Кутеповым в Финляндию для участия в террористической работе.

Перед самой экспедицией тройки в СССР генерал Кутепов приехал проинспектировать ее из Парижа в Финляндию. Здесь, в Гельсингфорсе, состоялись последние совещания всей группы, в которых принял большое участие специально прибывший из Ревеля капитан Росс — сотрудник британской миссии в Ревеле, специально ведающий разведкой в СССР...

После провала покушения террористы немедленно двинулись из Москвы к западной границе, в район Смоленской губернии. Вызывалось это тем, что у группы не оставалось никакой базы, никакого пристанища в Москве. В Смоленском же районе Опперпут рассчитывал использовать свои старые связи и знакомства среди бывших савинковцев. Кроме того, здесь ему и Шульц была хорошо знакома сама местность, но намерениям шпионов-террористов не суждено было осуществиться.

Белогвардейцы шли в двух разных направлениях. В селах они выдавали себя за членов каких-то комиссий и даже за агентов уголовного розыска. Опперпут, бежавший отдельно, едва не был задержан 18 июня на Яновском спирто-водочном заводе, где он показался подозрительным. При бегстве он отстреливался, ранил милиционера Лукина, рабочего Кравцова и крестьянина Якушенко. Опперпуту удалось бежать.

Руководивший розыском в этом районе зам. нач. особого отдела Белорусского округа т. Зирнис созвал к себе на помощь крестьян деревень Алтуховка, Черниково и Брюлевка Смоленской губернии. Тщательно и методически произведенное оцепление дало возможность обнаружить Опперпута, скрывавшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке.

Остальные террористы двинулись к направлению на Витебск. Пробираясь по направлению к границе, Захарченко-Шульц и Вознесенский встретили на пути автомобиль, направлявшийся из Витебска в Смоленск. Беглецы остановили машину и, угрожая револьверами, приказали шоферам ехать в указанном ими направлении. Шофер т. Гребенюк, раненый белогвардейцами, все же нашел в себе достаточно сил, чтобы испортить машину. Тогда Захарченко-Шульц и ее спутник бросили автомобиль и опять скрылись в лес. Снова удалось обнаружить следы беглецов уже в районе станции Дретунь. Опять-таки при активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь пробраться через оцепление, шпио-

ны-террористы вышли лесом на хлебопекарню Н-ского полка. Здесь их увидела жена краскома того же полка т. Ровнова. Опознав в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком красноармейскую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила т. Ровнову в ногу... В перестрелке с нашим кавалерийским разъездом оба белогвардейца покончили счеты с жизнью. Вознесенский был убит на месте, Шульц умерла от ран через несколько часов...

У убитого Опперпута был обнаружен диевник с его собственноручным описанием подготовки покушения на М. Лубянке и ряд других записей, ценных для дальнейшего расследования ОГПУ».

—

Таким образом, чекисты дважды сообщили, что террористов было трое и что одним из них был бывший «савинковец» Опперпут. Они явно воспользовались моим докладом Тресту о разговоре с П. Б. Струве, но допустили передержку — мой собеседник не утверждал, что англичане требуют от генерала Кутепова «доказательств» способности русских зарубежных монархистов к активной борьбе с коммунистами в России, но сказал, что существующее в Москве тайное Монархическое Объединение России должно, для получения денежной помощи из-за границы, проявить убедительную активность.

О.Г.П.У. не объяснило, как мог бывший савинковец Опперпут «перекочевывать из одной антисоветской группировки в другую». Второе сообщение чекистов о попытке взрыва на Малой Лубянке было намеренно составлено с желанием создать впечатление в неосведомленных читателях советских газет, что Опперпут, как Захарченко-Шульц и Вознесенский, был эмигрантом, пробравшимся из Финляндии в Россию для совершения террористического покушения. Вскоре, однако, они запутались в собственной лжи.

—

В 1928 году литературное издательство Народного комиссариата по иностранным делам распространило небольшую брошюру Н. Кичкасова «Белогвардейский террор против СССР».

В ней рассказано удачное нападение, совершенное 7 июня 1927 года в Петрограде на коммунистический Деловой и дискуссионный клуб тремя кутеповцами — Ларионовым, Соловьевым и Мономаховым — а затем сказано:

«Вторая группа — Захарченко-Шульц и Петерс (подлинная фамилия Вознесенского) оказалась менее удачливой. Хотя ей удалось подложить в дом № 3/6 по Малой Лубянке в Москве, населенный частично сотрудниками ОГПУ, мелинитовую бомбу весом в четыре килограмма, но последняя в ночь на 3 июня была обнаружена и, таким образом, бедствие было предотвращено. В дальнейшем оба в результате организованного преследования были убиты при следующих обстоятельствах.

16 июня в 17 часов по дороге Ельшино-Смоленск через Яновский спирто-водочный завод Пересненской волости проходил неизвестный, который на просьбу милиционера предъявить документ и предупреждение, что проход через завод запрещен, выхватил браунинг и ранил милиционера тов. Лукина. За неизвестным крестьянами, работавшими на заводе, была организована погоня, в процессе которой были тяжело ранены рабочий, тов. Николай Кривцов, и крестьянин, т. Якушенко. Дальнейшим преследованием, организованным уже ОГПУ, неизвестный был застигнут в 10 верстах от Смоленска, успевши тяжело ранить еще одного милиционера, и в перестрелке убит. При нем, кроме огнестрельного оружия — нагана и парабеллума — были обнаружены еще английская граната, топографические карты и дневник. Убитый оказался Петерсом — он же Вознесенский — одним из двух террористов московской группы.

18 июня автомобиль штаба Белорусского военного округа, управляемый шофером тов. Гребенюк и его помощником Голенковым, возвращавшийся из Витебска в Смоленск, около м. Рудня был остановлен неизвестной вооруженной женщиной, предложившей шоферам повернуть машину обратно на Витебск. Последние отказались, в результате чего тов. Гребенюк был убит, а Голенков ранен. Организованным ОГПУ преследованием, при деятельной помощи крестьян, следы преступницы были обнаружены в районе ст. Дретунь, где была устроена облава. При попытке прорваться сквозь цепь красноармейцев и крестьян преследуемая ранила в ногу жену краскома Н-ского полка тов. Ровнову, которая, заметив ее, стала созывать красноармейцев.

Между подоспевшими красноармейцами и неизвестной завязалась перестрелка, в которой последняя была убита. Убитая оказалась М. В. Захарченко-Шульц, другим членом московской группы. При ней оказались, кроме револьверов с

большим количеством патронов, английские гранаты, подложные паспорта, финские деньги, царские золотые монеты, карты Карельского перешейка и западной границы СССР».

—

Таким образом, через год после летних событий 1927 года, большевики отказались от первоначального утверждения о смерти Опперпута и признали, что «московская группа» кутеповцев состояла не из трех, а лишь из двух человек — Захарченко и Петерса.

В 1962 году это подтвердил и Ф. Т. Фомин, автор напечатанных московским Государственным издательством политической литературы «Записок старого чекиста».

На стр. 172-173 этой книги он рассказал:

«Примерно через год после смерти Ф. Э. Дзержинского произошел такой случай. В июне 1927 года двум диверсантам удалось бросить бомбу в общежитие работников ОГПУ, которая, к счастью, не принесла большого вреда, и скрыться.

В. Р. Менжинский дал распоряжение поставить на ноги все силы ОГПУ и во что бы то ни стало задержать диверсантов. Вячеслав Рудольфович распорядился также дать телеграмму с описанием примет диверсантов во все уголки страны, привлечь к поимке диверсантов самые широкие слои населения. Некоторые работники ОГПУ говорили, что в этом нет смысла: органы безопасности, действуя таким образом, достигнут лишь того, что диверсанты будут более осторожны и т. д., но В. Р. Менжинский настоял на своем.

И вот стали поступать известия. На дороге Ельшино-Смоленск один неизвестный в ответ на просьбу милиционера предъявить документы выхватил браунинг и ранил милиционера. Работавшие невдалеке крестьяне организовали погоню. К ним присоединились работники ОГПУ и красноармейцы. В десяти километрах от Смоленска неизвестный был настигнут и убит в перестрелке. При нем были найдены, кроме нагана и парабеллума, топографические карты, английская граната, дневник. Убитый оказался одним из участников диверсии.

Через два дня, недалеко от Витебска, местные крестьяне и красноармейцы вместе с работниками ОГПУ организовали преследование неизвестной женщины, застрелившей шофера военного автомобиля. В перестрелке неизвестная была убита и оказалась членом той же террористической группы».

—

Советскую версию о смерти Оппертута в июне 1927 года приходится отвергнуть. Непонятно как — при наличии документов, эту версию опровергающих — ей могли поверить и ее повторить русский и американский авторы «истории» Треста.

Они не обратили внимания на то недоверие, с которым в том же 1927 году к ней отнеслась рижская газета «Сегодня», напечатавшая до того присланные ей Опперпутом из Гельсингфорса «разоблачения».

5-го июля — сразу после получения первого сообщения ТАСС о покушении на Малой Лубянке и о смерти участников этого покушения — «Сегодня», в своем вечернем издании, написало:

«Опперпут — это в действительности Александр Оттович Уппениньш, латыш из окрестностей Режицы, бывший агент Чека и ГПУ, работавший под различными кличками — Опперпут, Селянинов, Штауниц и др.

В 1921 г. Опперпут появился в Варшаве и вошел в организацию Савинкова. По делам этой организации он несколько раз переходил в СССР, где, как выяснилось впоследствии, сообщил чекистам все данные о деятельности организации. По доносам Опперпута расстреляно было очень много лиц, не только в Москве и Петербурге, но и во многих городах. В своей провокаторской работе Опперпут не остановился перед тем, чтобы предать в руки красных палачей свою невесту и двух ее сестер. Все трое были расстреляны.

В 1922 г. Опперпут выпустил брошюру, в которой с самой циничной откровенностью сам рассказывал о своей провокационной работе. После этого в течение долгого времени работа Опперпута на пользу Чека и ГПУ шла в полной тишине, а затем весной этого года он появился в Гельсингфорсе и оттуда стал забрасывать многие крупные зарубежные газеты своими предложениями дать разоблачительный материал о деятельности Чека».

—

На следующий день «Сегодня» вернулось к той же теме:

«В этой очередной сенсации ОГПУ о деятельности контрреволюционных организаций на территории СССР странным кажется, что группа, направившаяся в СССР для террористи-

ческой работы, вела дневник, имела при себе письменные документы, содержавшие маршрут путешествия, описание своей деятельности. Не нужно быть искушенным в революционной работе, чтобы знать, что всякий террорист избегает малейшей возможности быть изобличенным и, следовательно, никогда при себе никаких письменных документов не держит и, тем более, не ведет дневника. Странным кажется и то, что все участники группы в официальном сообщении значатся убитыми и, таким образом, ни одного лица, явившегося бы живым свидетелем дела, нет. Убит будто бы и Опперпут... Не есть ли это инсценировка?...

Участие во всем этом деле Опперпута — советского Азефа — дает нам все основания предполагать это. Последние сообщения о его деятельности дают полное основание считать, что до последнего времени Опперпут продолжал выполнять задания ГПУ. Уже после появления в «Сегодня» его «разоблачений», на крайнюю фантастичность которых мы своевременно указывали, к нам поступили сведения, неопровержимо доказавшие предательскую роль Опперпута в выдаче целого ряда организаций».

Скептически к советским сообщениям о смерти Опперпута отнеслась и варшавская газета «За Свободу». Я разделил тогда ее мнение, но не предполагал, что когда-либо увижу человека, которого в течение пяти лет знал по наслышке, как «монархиста» Стауница и Касаткина. Встреча эта, однако, состоялась в 1942 году. Я ее описал в парижском журнале «Возрождение» (июль-август 1951 г.).

1974 г.

РАЗГОВОР С ОППЕРПУТОМ

Кто из русских варшавян не помнит дома на Вейской? Года за три до войны владелец сада Фраскати — запущенного парка на бывшей окраине, поглощенной разросшимся городом — распродал часть усадьбы. Богатые дельцы скупили участки, построили дома — плоские фасады, зеркальные окна, мраморные лестницы. На Вейской, в доме № 16, разместилась бразильская миссия.

В 1939 году, в сентябре, дельцы и дипломаты бежали в Румынию. Семь месяцев спустя Русский Комитет в Варшаве снял в этом доме этаж под квартиру председателя. С тех пор, до последних дней июля 1944 года, там перебывало множество народа — в книге посещений записано более 42 тысяч человек. Список открывается именем протоиерея Димитрия Сайковича, одного из членов причта варшавской Св. Троицкой церкви, и — по странному совпадению — обрывается на имени другого члена этого причта, молодого протоиерея Георгия Лотоцкого, предсказавшего при обстоятельствах, о которых нужно рассказать особо, свою трагическую смерть.

Кто только не перебывал на Вейской! До войны Комитет был эмигрантским и насчитывал в Варшаве всего лишь 265 членов. В военные годы, когда в него влились русские граждане Польши и беженцы из захваченных большевиками восточных воеводств страны, их стало 11.216. Для обыденных дел существовала канцелярия на аллее Роз, в особняке графа Тышкевича, женатого на русской падчерице великого князя Николая Николаевича, но в трудных случаях, со своим горем и нуждой, русские варшавяне шли на Вейскую, а недостатка в горе тогда в Варшаве не было.

До войны Российский Общественный Комитет в Польше — предшественник Русского Комитета — был выразителем мнений, которые принято называть монархическими. В маленьких комнатах комитетской квартиры на улице Гурского стояли в пышных рамах большие портреты российских монархов. Противники Комитета называли его реакционным за то, что основоположником Руси он считал св. князя Владимира, крестителя киевлян.

В годы войны это не изменилось, но став, по необходимости, защитником русского населения Польши от бед, надвигавшихся со всех сторон, Комитет предложил инакомыслящим участие в этой защите. Предложение было принято. Слияние русских общественных организаций с Комитетом было решено собранием их представителей, в котором поочередно председательствовали: поклонник — как он сам себя называл — «живого облика императорской России» Н. Г. Буланов и один из немногих варшавских русских либералов демократического толка Н. А. Племянников.

После этого собрания членом Комитета мог стать каждый, кто до войны называл себя русским. Наряду с консерваторами этим воспользовались социалисты Ю. А. Липеровский и Г. С. Сулима. Одним из членов правления был избран Г. М. Плотников, ревностный православный и один из тех, кого теперь принято называть солидаристами, но — по Нюренбергским законам — чистокровный еврей, одно присутствие которого на Вейской подвергало Комитет опасности разгрома и расправы.

С польским подпольным движением у Комитета сношений не было и, притом, совершенно сознательно. Слишком свежо было в памяти воспоминание о гонении на православие, воздвигнутом до войны правительством генерала Славой-Складовского; слишком был красноречив его «весьма секретный» циркуляр, найденный в 1939 году в бумагах бежавшего от немцев в Румынию келецкого воеводы Дзядоша — он содержал подробную программу постепенного искоренения русской культурной и общественной жизни в Польше. Однако, не участвуя в борьбе поляков с немцами; отказав в помощи связанной с польской заграничной разведкой небольшой группе русских эмигрантов-новопоколенцев; отвергнув тех, кто до войны участвовал в насильственной полонизации православной Церкви в Польше, Комитет не допускал участия своих членов в гонении, которое немцы обрушили на поляков. Виновники исклю-

чались из русской среды. Эта участь постигла, например, профессора Варшавского университета, видного историка и православного богослова, грубо оскорбившего религиозное и патриотическое чувство поляков. Ни упорная настойчивость профессора, ни немецкое давление на Комитет не вернули ему отнятой членской карточки.

Комитет избегал сношений с польскими тайными организациями — с этой второй и с каждым днем все более очевидной властью на польской территории, оккупированной Германией — но поляки, друзья Комитета, появлялись на Вейской. Там, например, можно было встретить Станислава Волк-Ланевского, жизнь которого — от рождения в Ананьевском уезде до соприкосновения с А. П. Кутеповым в годы расцвета и самоликвидации Треста — была связана с русской стихией. В 1938 году, будучи в Варшаве советником польского министерства внутренних дел, он оказал Комитету одну незабываемую услугу. При немцах он остался — вероятно, был оставлен — в Варшаве, участвовал в подготовке покушения польских террористов на актера Иго Сима, убитого за доносы на поляков. Комитет знал, что Ланевский — участник польского подполья, но не отказал ему в помощи, заслуженной прежним, совершенно исключительным, благожелательным отношением к русским эмигрантам. Трагическая смерть этого верного друга в борьбе за свободу Польши была не только польским, но и русским горем.

—

Сентябрь 1939 года был для русских в Польше драматическим месяцем. Соглашение Молотова с Риббентропом, подписанное в августе в Кремле, обрекло Польшу на четвертый раздел, но, в отличие от «патриотов», рассуждавших в парижских кабачках о «возвращении России на исконные русские земли», население Волыни, Виленщины и Полесья знало, чем ему грозит советское «освобождение».

В Москве было решено, что граница между германской и советской «зонами влияния» пройдет по Висле и по Нареву. Это решение отдавало большевикам Прагу — предместье Варшавы с православной митрополией, с собором Св. Марии Магдалины, со значительной частью русских варшавян. Город пылал под немецким обстрелом, выход на улицу грозил смертью, но уже в сентябре, пренебрегая опасностью, русские варшавяне начали перебираться с правого берега Вислы на левый.

Разбив поляков, Германия добилась от Москвы изменения первоначального соглашения. Демаркационной линией, разделившей Польшу на две части, стали не Висла и Нарев, а Буг. Красное нашествие миновало Прагу, Люблин и Холм, но из советской зоны потянулись на Запад беглецы. Уходили оттуда католики и православные, крестьяне и помещики, одиночки и семьи.

Русскому Комитету пришлось помогать им и в то же время ограждать русских жителей созданного немцами на обломках Польши генерал-губернаторства от бессмысленного, жестокого произвола некоторых оккупантов.

По распоряжению Германии, население генерал-губернаторства было разделено на несколько национальных групп. Каждый обитатель этой территории обязан был принадлежать к одной из них. Все общественные и культурные организации, за исключением немецких, были запрещены. Национальным группам было разрешено создать или сохранить по одному Комитету.

Польский был назван Главным Попечительным Советом во главе с графом Роникером. Председателем Белорусского Комитета был избран энергичный самостийник, д-р Щорс. Кавказские эмигранты были вначале возглавлены умным и гибким дипломатом, д-ром Алшибая, но, при всей своей гибкости, он не поладил с немецким чиновником и должен был уступить место князю Накашидзе, принадлежавшему до войны к руссофобскому «Прометею». Председателем Татарского Комитета, основанного позже других, был литовский татарин Абдул-Гамид Хурамович. Эти Комитеты не сочувствовали обращению немцев с поляками и дожили поэтому до развязки, наступившей 1-го августа 1944 года, в день восстания, поднятого в Варшаве против немцев генералом Бор-Коморовским.

Украинский Комитет, центром которого был Краков, вел себя иначе. Его председатель, бывший доцент Ягеллонского университета д-р Кубийович, издатель географической карты, на которой Украина простиралась от Каспийского моря до истоков Вислы, называл себя «провидником», то есть вождем, и завидовал лаврам хорватского фюрера Павелича. Его делегат в Варшаве, полковник Поготовко, был расстрелян в своем служебном кабинете польскими террористами, убившими попутно нескольких случайных посетителей украинского Комитета.

В 1939 году немцы потребовали от Комитетов ограничения их деятельности благотворительностью, но в короткий срок Комитеты отвоевали себе другие, более широкие права. Немцы сами, своим отношением к населению, способствовали расширению комитетских функций.

Ежедневные облавы на улицах и в домах, бесконечные аресты, бессудные расстрелы — в последние годы оккупации заложников расстреливали на улицах — не сразу вызвали вооруженное сопротивление поляков. Прошли не месяцы, а годы, прежде чем польские террористы обратили против немцев то презрение к закону, которое постоянно проявляла германская власть. Польские мстители, переодетые в немецкие мундиры, начали врываться в учреждения и квартиры, действуя так, как это делала полиция — без ордеров на обыск и арест, с шумом и бранью, с избиениями и стрельбой. Этот ответный террор создал равновесие сил в беспощадной войне, которая велась в Варшаве, но оно окончательно установилось не раньше 1943 года. До него единственной защитой населения были ходатайства, обращенные к тем же немцам. После каждой облавы, после ухода каждого эшелона в концентрационный лагерь, просьбы об освобождении текли, как лавина. Немцы потребовали, чтобы эти ходатайства представлялись не самими просителями, а национальным Комитетом.

Тактика Русского Комитета, через руки которого прошли тысячи просьб об освобождении арестованных или случайно захваченных уличной облавой людей, строилась на двух средствах: на неустанном утверждении, что русские соблюдают нейтралитет в польско-немецком споре и на поисках немцев, не лишенных совести и чести. Надо признать, что их нашлось тогда в Варшаве и в Кракове не мало. Имена д-ров Голлерта и фон Тротта, ассесора Шульце, советников Клейна и Гейнеке могут быть повторены с благодарностью теми, кто знает, как незначителен был урон, понесенный русским населением Польши в то время, когда вокруг него лилась потоком кровь.

—

Дни на Вейской делились на «приемные» и «не приемные». Дважды в неделю доступ к председателю был открыт всем желающим. Приходили не только члены Комитета. Раздавались не только исполнимые, но и безрассудные просьбы. В «не приемный» день на разговор с председателем мог надеяться только тот, кто приходил по «арестному» делу. Так

служащие Комитета окрестили случаи, требовавшие немедленного вмешательства, вызванного чьим-либо арестом.

До 1941 года посетителями Вейской были те, кто бежал в Генерал-Губернаторство из восточной Польши от советского террора, и те, кто искал защиты от террора немецкого. После вторжения Гитлера в Россию положение изменилось. Беженцы с Волыни и Полесья рвались домой. Немцы не пропускали их на правый берег Буга. Комитет заготовил удостоверения, в которых было сказано, что такой-то, бежавший в Варшаву от большевиков, возвращается на родину, в Ровно или Гродно. На немцев, воспитанных в уважении к бумажкам и печатям, эти похожие на паспорт книжечки оказывали магическое влияние. Их число — с риском для Комитета — непрерывно росло.

Возможностью попасть за Буг воспользовались солидаристы, тогда так себя еще не называвшие. Их исполнительное бюро, переехавшее из Белграда в Берлин, направляло в Варшаву молодежь, желавшую попасть в Россию. По поручению Н.Т.С., его варшавский представитель А. Э. Вюрглер обратился к Комитету с просьбой о содействии. Соглашение состоялось — побывав на Вейской, молодые люди уезжали в Пинск или Острог под видом возвращающихся на родное пепелище беженцев. Для них, конечно, «не приемных» дней не бывало.

Не было их и для тех русских варшавян, которым посчастливилось побывать в России. В 1941 году их было не мало. Поведение немцев в Польше не способствовало вере в освободительную цель их похода на Восток, но Комитет полагал, что немецкий натиск наносит советскому кораблю непоправимую пробоину. Некоторые русские варшавяне захотели в этом убедиться. Они попали в Россию, воспользовавшись тем, что немцы вербовали для своей армии переводчиков.

Рассказы вернувшихся в Варшаву были первыми достоверными сведениями о положении в России. Переводчики сходились в описании возмутительного отношения немцев к населению и к военнопленным. Некоторые проявляли замечательный дар военного предвидения — поражение немцев на Волге было предсказано Комитету задолго до капитуляции фельдмаршала Паулюса бывшим есаулом Кубанского войска. Стратегические предсказания другого варшавянина по изумительной точности приближались к ясновидению. В тяжелую обстановку комитетских приемов, в разговоры о нужде, страхе и смертельной опасности эти посещения вносили оживля-

ющую струю. Я охотно уделял им нужное время и поступил так же, когда осенью 1942 года моя секретарша, В. А. Флерова-Булгак, сказала, что меня хочет видеть посетитель, едущий из Киева в Берлин.

—

На письменный стол в моем кабинете легла визитная карточка. Готическим шрифтом на ней было напечатано: **Baron von Manteuffel.**

Незнакомое имя вызвало краткое колебание...

— Что ему нужно?

— Не знаю... Едет в Берлин... Какая-то просьба...

Немец, называющий себя просителем, не был на Вейской редкостью. Часто они появлялись не одни, а с молодыми польками. Просили, умоляли признать их спутницу русской. На польке немец жениться не мог. Брак с русской эмигранткой разрешался. Другие немцы появлялись, чтобы своим присутствием — как им казалось — поддержать просьбу русского авантюриста из числа расплодившихся в Варшаве искателей концессий и любителей легкой наживы, добивавшихся благотворительной вывески. Взглянув на карточку, я подумал, что лучше избавиться от докучливой просьбы, сославшись на «не приемный» день, но ведь этот посетитель побывал в чудесном Киеве...

К желанию увидеть человека, который недавно шел по Крещатику, поднимался по Прорезной, стоял у Золотых Ворот, смотрел из Купеческого сада на Подол и Заднепровье присоединилась другая мысль:

— А что если через этого барона я могу связаться с Коваленкой?

Колебание рассеялось...

— Просите — сказал я В. А. Флеровой-Булгак.

С именем Коваленки было связано давнее желание. Я хотел узнать судьбу двух портретов, которые помнил с самого раннего детства. Первый, написанный Шмаковым, изображал мою мать — в бальном платье, с пунцовой розой на корсаже, в сияющем и радостном расцвете. На втором, темном до черноты, подпись художника скрывалась под тяжелой рамой, увенчанной сложным гербом. Молодое лицо, написанное в профиль, выделялось светлым пятном — лицо моей прабабушки, Екатерины Васильевны Гагариной. В детстве я видел его в Троицком — нижегородском родовом гнезде, где древней и

важной старухой, окруженной внуками и правнуками, она заканчивала жизнь, чудесно начатую превращением крепостной крестьянской девушки в княгиню.

После ее смерти, портрет достался моей матери. Она его берегла, но, когда в 1921 году она, мой брат и я, после расстрела отца, тюремных злоключений, борьбы и страданий, поочередно пробрались из России в Польшу, портреты остались в Киеве на произвол судьбы. Я иногда надеялся, что в старости увижу их в каком-либо музее, в освобожденной от большевиков России.

Летом 1942 года я набрел в берлинском «Новом Слове» на объявление — некий Коваленко извещал, что в Киеве, на Фундуклеевской, им открыта антикварная лавка. Я вспомнил портреты — военный разгром первой русской столицы мог их забросить к старьевщику... Вспомнил, но искать не стал. Слишком много было других забот, но почему не спросить о Коваленко человека, побывавшего в Киеве?

В. А. Флерова-Булгак открыла дверь, впуская посетителя. По привычке, я поднялся навстречу. К столу подошел моложавый блондин, гладко выбритый, незаметно седеющий. Взгляд серых глаз был пристальным, но, в то же время, не совсем спокойным. Лицо — не русское, но и не тонкое, какое-то мелькнула мысль — «не баронское»... Да, не баронское, но все же балтийское, не то эстонское, не то латышское... Крепкое, волевое крестьянское лицо... Нет, не похож этот барон на родовитого потомка тевтонских рыцарей, но мало ли какая кровь течет в баронских жилах... Отмахнувшись от первого впечатления, я спросил:

— Womit kann ich dienen?

— Могу ли говорить по-русски? — ответил гость.

— Конечно... Садитесь, пожалуйста...

Он сел. Нас разделял письменный стол. Большие окна бросали в комнату яркий свет. На посетителе был темный, синий пиджак. Галстук, не в меру пестрый, показался безвкусным. Внимание остановилось на рубашке.

На первый взгляд — одна из тех дешевых мужских рубах, которыми до войны была завалена Европа, но — как странно — косые, четко прострoченные швы поднимаются на груди от пуговиц к плечам... Такая вещь не могла быть куплена в Берлине! В безобразных швах почудилось советское клеймо.

— Чем могу служить? — спросил я вторично.

Барон заговорил о деле: он — проездом в Варшаве; счел долгом побывать у председателя Русского Комитета; у него — хорошая торговая связь с Киевом; ему хочется наладить отношения с русскими купцами в Варшаве: может быть, кто-нибудь воспользуется возможностью выгодного вывоза варшавских товаров в Киев...

Я прервал:

— Комитет не занимается троговлей... Русских купцов в Варшаве немного, да и как торговать? Граница заперта на семь замков, а привозить из Киева в Варшаву нечего...

Гость не сдался. Торговля с Киевом сулила, по его словам, большие барыши. Население Украины нуждается во всем. В Киеве нет ниток, иголок, мыла. Взамен можно привезти серебро и фарфор, которого там сейчас столько в комиссионных лавках.

— В комиссионных лавках? Кстати, барон, знаете ли вы в Киеве антикварный магазин Коваленки?

Барон смутился:

— Какого Коваленки?

— Того, что на Фундуклеевской... В «Новом Слове» было его объявление...

Барон казался растерянным; затем, как бы вспомнив что-то, негромко, но отчетливо сказал:

— Коваленко, это я...

— То есть как?

— Очень просто...

Запутанный рассказ был неправдоподобен. Отец барона — Коваленко — был, по его словам, агрономом и управлял до революции имениями Скоропадских. Мать, урожденная Мантейфель, была остзейской немкой. Сам барон родился в России, никуда до войны не выезжал, был многократно арестован большевиками, сидел в тюрьмах, скрывался, служил бухгалтером в кооперативах...

— Все это хорошо... Но почему же вы барон Мантейфель?

— Собственно говоря, моя фамилия — барон Коваленко фон Мантейфель... Вы, вероятно, знаете, что Розенберг позволил на Украине тем, в чьих жилах течет немецкая кровь, не только стать немецким подданным, но и принять немецкую фамилию, в данном случае — фамилию матери...

— И титул?

— Да, и титул.

Это было сказано твердо, но «человек, побывавший в Киеве», больше меня не занимал. Передо мной был явно самозванец, вероятно — аферист. Я сухо его оборвал, заметив, что разговор затянулся.

— Если вам угодно войти в сношения с русскими фирмами в Варшаве, обратитесь к Борису Константиновичу Постовскому.

Я назвал члена правления, который ведал в Комитете помощью русским промышленникам и купцам.

— А нельзя ли найти ход в украинские фирмы?

— Не знаю... Спросите Бориса Константиновича...

Вероятно, в моем голосе прозвучало нетерпение. Гость это заметил и встал. Я позвонил:

— Проводите барона...

Дня через три, встретившись с Постовским, я спросил:

— Видели Мантейфеля?

— Нет, он у меня не был.

«Новое Слово» сообщило, однако, что Александр Коваленко назначен киевским представителем газеты. Следовательно, в Берлине он, очевидно, побывал.

—

Август 1944 года был в Берлине сухим и душным. Малейшее движение воздуха поднимало тучу едкой известковой пыли. От развалин пахло трупами и газом.

Город еженощно подвергался воздушной бомбардировке.

Англичане и американцы прилетали словно по точному расписанию — в десять вечера и после полуночи. Больших налетов не бывало, но появление неприятеля держало город в напряжении. До второго отбоя никто не ложился.

В эти вечера я часто бывал у Василия Викторовича Бискупского *). Ему тогда — что я узнал, со всеми подробностями, три года спустя, после его смерти — угрожала страшная опасность. Арестованный по делу о покушении на Гитлера бывший германский посол в Риме Ульрих фон Гассель записал в дневнике разговор с Бискупским, не пощадившим Гитлера и Розенберга. Вдове фон Гасселя удалось, после казни мужа, переправить дневник в Швейцарию, где он был издан после войны, но в это последнее берлинское военное лето жизнь Бискупского висела на волоске.

По воспитанию, по привычкам, по душевному складу он не был и не мог быть заговорщиком. Конспирация с ее свое-

*) Генерал-майор Василий Викторович Бискупский, был в 1932–1945 г.г. в Берлине начальником Управления делами российской эмиграции в Германии.

Антикварный магазин А. Коваленки в Киеве

образными законами претила его природе — консервативной, с оттенком барской лени. Он не участвовал, да и не мог — как русский — участвовать в заговоре, который, в случае удачи, должен был дать Германии новое правительство, но заговорщиков знал, с ними встречался и связывал с их успехом надежду на то, что немецкий народ не совершит самоубийства, освободится от Гитлера и Розенберга. После 20-го июля расплата за неосторожное общение с заговорщиками грозила ему ежеминутно, но, чувствуя мою тревогу за него, он отделывался шуткой.

Дом № 112 на Кантштрассе, где он временно приютился после разрушения прежнего жилища, был островом в море развалин. В маленькой комнатушке негде было сесть. Телефон стоял в передней. Все, чем Бискупский дорожил и, в частности, его архив, хранивший любопытнейшие сведения о первых покровителях Гитлера, сгорело в доме № 27 на Блейбтрейштрассе, где с 1934 года находилось Управление делами российской эмиграции в Германии. Этот пожар избавил его от бремени, которое забота о вещах накладывает на человека. Смертельная опасность избавила от страха перед смертью.

О сгоревшем имуществе он говорил с усмешкой. С такой же усмешкой, за которой мне чудилась грусть, вспоминал очень близкого к нему человека, который после первых больших налетов на Берлин не выдержал испытания и, под предлогом лечения, променял столицу на безопасный провинциальный городок:

— Бедняга не любит сирен...

Он сам относился к их вою стоически. Неторопливо, продолжая начатый разговор, собирал шляпу, палку и пальто — «новых, ведь, при нынешних порядках не купишь» — спускался в подвал и, сутулясь, прислонялся к стене.

Во время налетов, не обращая внимания на взрывы, Бискупский рассказывал — а он был отличным рассказчиком — один забавный или любопытный случай за другим. Вспоминал Петербург, свой полк, трунил над бывшим гетманом Скоропадским, говорил о Кобурге... Варшава и ее жизнь в годы немецкой оккупации были предметом его неиссякаемых расспросов. Многое казалось ему непонятным, почти невероятным. Он удивлялся, смеялся, хвалил эвакуацию русских варшавян и новых беженцев из России, которых Комитет, за пять дней до польского восстания, вывез в Словакию. Спрашивал меня:

— Как вы это сделали?

Однажды, я рассказал ему появление странного барона, ставшего киевским представителем «Нового Слова». Бискупский встрепенулся. Каждое упоминание этой газеты его задевало. Он ее не любил, а она платила ему тем же. Я ждал от него обычного, гневного отзыва об ее редакторе, В. М. Деспотули, об его немецком покровителе Георге Лейббрандте, но Бискупский, на этот раз, ограничился вопросом:

— А знаете ли вы, кем был в действительности Коваленко?

— Нет, не знаю...

— Напрасно... Вы пропустили случай к нему присмотреться... У вас в Варшаве побывал сам знаменитый Опперпут...

— Как, Опперпут? Тот самый, времен Кутепова и Треста?

— Да. Тот самый... Мне рассказал Х., а ему карты в руки во всем, что касается Киева при немцах... Так вот, по его словам, немцы в 1943 году раскрыли в Киеве советскую подпольную организацию. Ее начальником был не то капитан, не то майор государственной безопасности, нарочно оставленный в Киеве для этой работы. Его арестовали. Постепенно размотали клубок. Установили с несомненной точностью, что человек, называвший себя в Киеве Коваленкой, побывавший в Варшаве, как барон Мантейфель, и пользовавшийся, вероятно, и другими псевдонимами, был, в действительности, латышем, старым чекистом Александром Уппелиншем, которого все знают под фамилией Опперпута...

— Что же немцы с ним сделали?

Бискупский пожал плечами:

— Не знаю... Расстреляли, должно быть...

1951 г.

«Возрождение»

КИЕВСКИЙ АНТИКВАР

В 1969 году сотрудник «Нового Русского Слова» Юрий Сергеевич Сречинский сделал попытку разгадать «тайну Александра Коваленки» — киевского антиквара, побывавшего в Варшаве под именем барона фон Мантейфеля.

Он обратился к читателям газеты с просьбой сообщить, что им известно о Коваленке, и получил отклики бывших киевлян, встречавшихся с Коваленкой в его антикварной лавке.

Некоторые авторы этих откликов высказали сомнение в том, что Коваленкой называл себя старый чекист Опперпут, утверждая, что в 1942 году владельцу киевской лавки было не больше 40 лет, но другие определили этот возраст иначе — на десять лет старше.

Сходясь в сообщениях о том, что Коваленко и все служащие его магазина были арестованы немцами, авторы откликов разошлись в определении времени ареста. В одном из полученных Ю. С. Сречинским писем был упомянут арест служащих Коваленки, но об его судьбе ничего определенного сказано не было.

—

В 1958 году в Лондоне, на украинском языке, вышла книга С. Мечника «Під трьома окупантами». На стр. 117-119 этой книги автор рассказал:

«Еще один характерный случай произошел тогда (в годы германской оккупации) в Киеве. Гестапо раскрыло разветвленную сеть НКВД. Наша организация имела об этом сведения общего характера, полученные от наших членов, засланных в некоторые немецкие учреждения. Дело касалось чело-

века, который появился в Киеве вскоре после занятия Киева немцами и выдавал себя за «украинского графа» по фамилии Коваленко. Он приобрел права немецкой национальности — фольксдейчерство — и открыл на улице Короленки торговое предприятие. Этот человек проявил большую ловкость, опутал многих высоких немецких чиновников, делал им подарки, устраивал вечеринки, само собой разумеется, с участием веселых женщин.

В городской управе он также имел верных людей, с помощью которых опутал ряд наивных украинцев. Более того, от немцев Коваленко получил разрешение съездить в Берлин для установления, по его словам, связи с немецкими фирмами. По пути он остановился в Варшаве, где имел встречи с несколькими старыми русскими эмигрантами.

Между тем, в связи с другим делом, в руки Гестапо попал один капитан государственной безопасности, которого НКВД оставило для работы в Киеве. У него был найден ряд компрометирующих материалов, указывающих на коммунистических подпольщиков под немецкой оккупацией. Он не выдержал пыток, сломился, назвал своих сотрудников. В их числе был Коваленко. Гестапо ему сначала даже не поверило, но капитан госбеза представил убедительные доказательства. Коваленко был арестован и расстрелян.

В киевском Гестапо работали старые русские эмигранты. Один из них, во время выпивки, рассказал нашему члену, что настоящая фамилия Коваленки — Опперпут и что он еще в 1922 году принадлежал к известной советской провокационной организации в Западной Европе, к так называемому Тресту. Этот русский утверждал, что Коваленко, во время своей поездки в Варшаву, устанавливал связи с большевицкими агентами в эмигрантской среде. Говорил ли он правду, был ли Коваленко действительно Опперпутом, который, в свое время, был активным участником Треста, мы никогда установить не смогли, но факт, что Гестапо расстреляло его, как большевицкого агента».

Историческая ценность этого показания состоит в том, что оно было опубликовано за одиннадцать лет до начала произведенного Ю. С. Сречинским тщательного расследования «тайны Александра Коваленки» и за семь лет до появления «Мертвой зыби» Никулина. Следовательно, ни статьи Сречинского, из которых последняя была напечатана «Новым Русским Словом» 18-го января 1971 года, ни рассказ Никулина о Тресте

повлиять на Мечника не могли. Он подтвердил то, что мне в Берлине рассказал В. В. Бискупский.

—

Ю. С. Сречинский установил несомненную принадлежность Коваленки к существовавшей в годы оккупации в Киеве коммунистической подпольной организации.

Он сослался не только на полученные им отклики читателей «Нового Русского Слова», но и на изданную в 1965 году в Москве агентством печати «Новости» книгу «Фронт без линии фронта». В этой книге есть глава о фирме «Коваленко и компания».

«Во второй половине октября 1941 года в Киеве, на улице Ленина, в доме № 32, открылся крупный комиссионный магазин. Реклама, которая широко публиковалась в газетах, извещала жителей, что киевский торговый дом О. О. Коваленко всегда имеет в большом выборе золотые вещи, бриллианты, часы, антикварные изделия, букинистические книги, ковры, картины...

Торговые дела хозяина шли отлично... Скоро начали циркулировать слухи, что Коваленко — вовсе не Коваленко, а барон Мантейфель, единственный наследник богатых родственников, проживавших в Германии. Слухи оказались верными. Коваленко дал распоряжение своим двенадцати служащим называть его бароном фон Мантейфелем».

Отметив, что «для действующих лиц рассказа барон фон Мантейфель был просто Алексеем, что есть человеком, активно помогавшим советской разведке», Ю. С. Сречинский привел цитату из «Фронта без линии фронта»:

«Алексей был «крышей» и прикрывал он Митю Соболева и не только прикрывал, но и обеспечивал его деньгами, связью и зачастую документами», а Митя Соболев был «старым чекистом, работавшим в органах еще с 1918 года», то есть — прибавлю я — с того же года, когда чекистом стал Опперпут.

«Весной 1942 года — по данным той же советской книги — барон был неожиданно арестован гестапо. Арестовали его якобы за незаконную продажу золота. Правда, спустя десять дней он был освобожден, но за бароном, как оказалось потом, вели непрерывное наблюдение пять агентов гестапо и абвера».

Это наблюдение, вероятно, привело ко вторичному аресту владельца антикварной лавки и к ликвидации его предприятия, но об его последующей участи агентство «Новости» ничего не сказало. Между тем, казалось бы, человек, рисковавший жизнью в коммунистическом подполье, заслужил, с советской точки зрения, не только внимание, но и награду. Не предпочли ли большевики молчание, чтобы не быть уличенными во лжи — никулинском изображении Опперпута раскаявшимся чекистом, превратившимся в белого террориста?

1974 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Воспоминания, включенные в эту книгу, не были попыткой дать читателю историю Кутеповской боевой организации и Треста. Мало-мальски полное освещение этой темы не возможно, пока многое скрыто в советских и некоторых заграничных архивах. Мой труд — всего лишь свидетельское показание, подтвержденное сохраненными или полученными из разных источников документами. К тому же, я сознательно ограничился годами, когда орудием советской дезинформации и провокации в борьбе с Кутеповым и другими эмигрантами была «легенда», называвшая себя Монархическим Объединением России.

После ее разоблачения, в апреле 1927 года, в жизни Кутеповской организации наступил второй период, отмеченный подвигом и несколькими удачами ее участников, но и гибелью большинства. Это были годы «после Треста», еще требующие — с исторической точки зрения — тщательного изучения.

Отмечу только то, что именно в эти годы погибли с оружием в руках М. В. Захарченко, Г. Н. Радкович и оба соратника В. А. Ларионова по «боевой вылазке в СССР» — Д. Мономахов и В. С. Соловьев. Обстоятельства смерти М. В. Захарченко теперь известны не только из советского сообщения об ее гибели, но и из документа, обнаруженного в так называемом Смоленском архиве, ставшем в 1941 году достоянием Германии, а ныне находящемся в Соединенных Штатах, и из показаний свидетеля этой смерти, ставшего эмигрантом в годы германско-советской войны.

При всей неизбежной неполноте, мои воспоминания указывают — как мне кажется — на три задачи, поставленные

Тресту его советским возглавлением. Этими задачами были: а) противодействие русской эмигрантской и иностранной антикоммунистической активности; б) дезинформация и ее проникновение в русскую зарубежную и иностранную печать; в) утверждение, что в России существуют организованные круги, способные свергнуть диктатуру коммунистической партии и заменить ее другой властью.

С тех пор многое изменилось в соотношении сил между «социалистическими странами» и внешним миром, но цель, поставленная некогда Тресту, осталась неизменной. Внимательный читатель этой книги заметит, может быть, сходство между тактикой этой «легенды» и тем, что делается теперь, пятьдесят лет спустя.

С. Л. Войцеховский

Март 1974 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРШАВСКИЙ КОД

В архиве варшавского резидента Кутеповской организации и М.О.Р. сохранилась записка — перечисление псевдонимов, предназначенных, очевидно, для какой-то переписки.

Судя по упомянутым в этом перечислении подлинным именам и названиям или — в некоторых случаях — постоянным псевдонимам участников организации и Треста, можно сказать, что этот код был составлен до апрельских событий 1927 года — «бегства» Опперпута в Финляндию и самоликвидации советской провокации в М.О.Р.

Кто и когда этим кодом пользовался, мне не известно. Состоит он из двух столбцов. В первом указаны имена и названия, во втором — их псевдонимы. В тех случаях, когда в первый столбец, вместо подлинных имен, включены постоянно употреблявшиеся в переписке А. П. Кутепова и Треста псевдонимы, я прибавляю, в скобках, их расшифровку:

Кутепов	Воронов
Артамонов	Михайлов
Волков (Потапов)	Игнатьев
Рабинович (Якушев)	Сергеев
Касаткин (Опперпут)	Петров
Шульц (Захарченко)	Павлов
Зверев (Радкович)	Николаев
Ильинский	Гласман
Таликовский	Степанов

Великий Князь НиколайНиколаевич	Ильин
Врангель	Клименко
Шульгин	Южин
Войцеховский	Александров
Никифоров	Алексеев
Демидов	Евстафьев
Мещерский	Лобов
Москва	Шанхай
Петроград	Пекин
Варшава	Токио
Париж	Кантон
Гельсингфорс	Владивосток
Минск	Иркутск
Ревель	Чита
окно (место перехода границы)	Берлин
Польша	Мюнхен
Россия	Гамбург
Франция	Кельн
Финляндия	Данциг
Эстония	Кенигсберг
Латвия	Аахен
Германия	Эссен
Рига	Дармштадт
Трест	Григорьев
Г.П.У.	Юрьев
Ген. штаб (польский)	Гладков

1973 г.

СПИСОК

псевдонимов и условных обозначений, упомянутых во включенных в книгу документах, и их расшифровка.

Александров — вел. кн. Димитрий Павлович
Алексеев — Х. И. фон Дерфельден
Антон Антонович — С. В. Дорожинский
Баринов — С. Л. Войцеховский
Бергман — Ю. А. Артамонов
Богданов — бывший генерал Лебедев
Борисов — Р. Г. Бирк
Бородин — А. П. Кутепов
Боярин Василий — А. М. Зайончковский
Верховский — А. М. Зайончковский
Вильде — князь Ю. А. Ширинский-Шихматов
Волков — Н. М. Потапов
Волынский — Д. Ф. Андро де Ланжерон
Второв — Щелгачев
Гога — Г. Н. Радкович
В. Данилевский — В. В. Шульгин
Денисов — А. А. Ланговой
Дубенский — Ю. А. Артамонов
Елисеев — генерал Климович
Зверев — Г. Н. Радкович
Зингер — вел. кн. Кирилл Владимирович
Иванов — полк. Герпiельман
Касаткин — А. Опперпут-Упелинец
А. А. Кац — А. А. Якушев
Климов — генерал Хольмсен
А. Коваленко — А. Опперпут-Упелинец
Коган — князь К. А. Ширинский-Шихматов
Косенко — генерал Е. К. Миллер
Н. Кох — вероятно, полк. А. А. Зайцов
Левин — А. А. Якушев
Лежнев — В. В. Шульгин
Лжедмитрий — Д. Ф. Андро де Ланжерон
Липский — Ю. А. Артамонов

Лукьянов	—	князь Ю. А. Ширинский-Шихматов
Лысенко	—	Н. Д. Тальберг
барон А. фон Мантейфель	—	А. Опперпут-Упелинец
А. А. Марченко	—	С. В. Дорожинский
Медведев	—	Н. М. Потапов
С. Мещерский	—	С. В. Дорожинский
Никифоров	—	польский офицер, майор Недзинский
Орсини	—	П. П. Демидов
Петренко	—	Н. Е. Марков
Петровский	—	С. Л. Войцеховский
Платен	—	В. В. Шульгин
Племянник	—	Г. Н. Радкович
Племянница	—	М. В. Захарченко
Порви	—	Щелгачев
Посредников	—	Ю. А. Артамонов
Пэнни	—	П. Н. Малевский-Малевич
А. Рабинович	—	А. А. Якушев
Резник	—	вероятно, П. Сувчинский
Садовский	—	полк. Баумгартен
Н. Салов	—	вероятно, полк. А. А. Зайцов
Селянинов	—	А. Опперпут-Упелинец
Сергеев	—	П. Н. Врангель
Серов	—	С. В. Дорожинский
Стауниц	—	А. Опперпут-Упелинец
Стиннес	—	императрица Мария Федоровна
Тетя Саша	—	А. П. Кутепов
А. А. Усов	—	вероятно, полк. А. А. Зайцов
А. Федоров	—	А. А. Якушев
Философов	—	П. С. Арапов
Шмидт	—	П. С. Арапов
Шотт	—	князь К. А. Ширинский-Шихматов
Штауниц	—	А. Опперпут-Упелинец
Шульц	—	М. В. Захарченко и Г. Н. Радкович
Элкин	—	П. Н. Савицкий
Юнкерс	—	вел. кн. Николай Николаевич
Аргентина	—	Россия

Варна	—	Одесса
Вена	—	Париж
Вильдунген	—	Кенигсберг
Вильна	—	Петроград
Вологда	—	Гельсингфорс
Гамбург	—	Бухарест
Женева	—	Варшава
Иннсбрук	—	Белград
Квебек	—	Иркутск
Киев	—	Прага
Ковно	—	Берлин
Констанца	—	Севастополь
Копенгаген	—	Рига
Лихтенштейн	—	Мюнхен
Мурманск	—	Лондон
Прага	—	Киев
Сан Франциско	—	Омск
Чита	—	Будапешт
Чикаго	—	Чита
Швейцария	—	Польша

беспроволочный	—	дипломатический
женевцы	—	польские дипломаты и офицеры
коммерческие	—	политические
конкуренты	—	коммунисты
кооператоры.	—	монархисты
кооперация	—	монархия
курьер	—	письмо
Ллойд	—	Высший Монархический Совет
нефть	—	евразийство
нефтяники	—	евразийцы
огородники	—	эстонцы
падение цен	—	дела идут хорошо
повышение цен	—	дела идут плохо
полярные	—	противоположные
протесты	—	аресты
ревизии	—	репрессии, обыски
согласие	—	опасность
счет	—	договор
торговая палата	—	генеральный штаб
торговцы	—	участники М.О.Р.

Трест — Монархическое Объединение России
Трестхоз — Курганы, имение В. В. Шульгина на Волыни
фермеры — финляндцы
фирма Сергеева — эвакуированная в 1920 году из Крыма Русская Армия
Центролес — советская власть

БИБЛИОГРАФИЯ

Приведенный в этой библиографической справке список главных источников сведений о Кутеповской боевой организации и Тресте не исчерпывает всей доступной исследователю информации. Он не включает, в частности, многочисленных статей и заметок, появившихся с 1927 года в русской зарубежной и советской печати, но дает заинтересованным этой темой перечень того, что должно стать, в первую очередь, предметом их внимания и изучения.

Б. Архипов, "Памяти женщины-героя", "Владимирский Вестник", Сан Пауло, январь 1955 г.

Вл. Баулин, "По следам операции Трест", статья в газете "Труд", Москва, 10 октября 1967 г.

Джеффри Бэйли, "Заговорщики", статья в газете "Русская Мысль", Париж, 16 мая 1962 г.

Н. Виноградов, "Из прошлого: о так называемом Тресте", статьи в журнале "Перекличка", Нью Иорк, май-декабрь 1962 и январь-август 1963 г.

Н. Виноградов, "Боевая вылазка в СССР", статья в журнале "Перекличка", Нью Иорк, сентябрь-ноябрь 1963 г.

Н. Виноградов, "В стане обреченных", статья в журнале "Перекличка", Нью Иорк, декабрь 1963 г.

С. Л. Войцеховский, "П. Б. Струве в Варшаве", "Возрождение", Париж, тетрадь 9-ая, май-июнь 1950 г.

С. Л. Войцеховский, "Разговор с Опперпутом", "Возрождение", Париж, тетрадь 16-ая, июль-август 1951 г.

С. Л. Войцеховский, "Советские сверх-Азефы", "Возрождение", Париж, тетрадь 38-ая, март-апрель 1954 г.

С. Л. Войцеховский, "К истории Треста: письмо П. Н. Врангеля", "Возрождение", Париж, тетрадь 233-я, июнь 1971 г.

Сергей Войцеховский, "Дело Треста", статья в газете "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 11 июня 1972 г.

С. Л. Войцеховский, — "Трест — воспоминания Б. Т. Дриммера", статья в журнале "Перекличка", Нью Иорк, январь-июнь 1967 г.

Ричард Врага, "Трест — портрет М. В. Захарченко-Шульц", "Возрождение", Париж, тетрадь 7-ая, январь-февраль 1950 г.

Ричард Врага, "Трест — Внутренняя Линия", "Возрождение", Париж, тетрадь 11-ая, сентябрь-октябрь 1950 г.

Ричард Врага, "Еще о Тресте", "Возрождение", Париж, тетрадь 21-ая, май-июнь 1952 г.

Ричард Брага, "На полях одной книги", статья в газете "Русская Мысль", Париж, 8, 10 и 13 декабря 1960 г.
"Генерал Кутепов", сборник статей, издание Комитета имени генерала Кутепова под председательством ген. Миллера. Париж, 1934 г.
Е. Н. Городецкий и С. М. Кляцкин, "Из истории военного строительства советской республики в первые месяцы после Октября", статья в журнале "Исторический Архив", издание Академии Наук СССР, № 1, Москва, январь-февраль 1962 г.
Б. Т. Дриммер, "Трест", перевел с польского С. Кочубей, статья в журнале "Часовой", № 480, Брюссель, июнь 1966 г.
Н. Кичкасов, "Белогвардейский террор против СССР", издание Литиздата Народного Комиссарната по Иностранным Делам, Москва, 1928 г.
Б. Б. Коровин и М. А. Николаев, "Ас среди шпионов и его бесславный конец", статья в журнале "История СССР", № 3, Москва, май-июнь 1969 г.
Криминал-комиссар, "К делу Коваленко", письмо в редакцию газеты "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 19 января 1971 г.
Вл. Крымов, "Человек, который все знал", глава из книги "Портреты необычных людей", Париж, 1971 г.
Б. А. Ларионов, "Боевая вылазка в СССР", записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партклуба", издание журнала "Борьба за Россию", Париж, 1931 г.
Л. Б., "Правда и домыслы о Рэйли", статья в газете "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 19-22 августа 1972 г.
Лев Никулин, "Мертвая зыбь", журнал "Москва", июнь-июль 1965 г.
Лев Никулин, "Мертвая зыбь", измененный вариант текста, опубликованного журналом "Москва", Военное издательство министерства обороны СССР, Москва, 1965 г.
П. Маргушин, "Как был похищен Кутепов", статья в газете "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 6 октября 1965 г.
С. Мечник, "Під трьома окупантами", Лондон, 1958 г.
Б. Мещанинов, "Письмо в редакцию" (о Г. Н. Радковиче), газета "Россия", Нью Иорк, 19 октября 1960 г.
А. Нагайцев и Ю. Светличный, "Правда о Тресте", статья в журнале "Отчизна", Москва, май 1966 г.
"От коллегии Объединенного Государственного Политического Управления", газета "Известия", Москва, 5 июля 1927 г.
Р. И. Пименов, "Как я искал шпиона Рэйли", статья в газете "Русская Мысль", Париж, 8 июня 1972 г.
Р. Пименов, "Как я искал шпиона Рэйли", статья в газете Новое Русское Слово", Нью Иорк, 21-24 и 26 июня 1972 г.
Б. Прянишников, "Тень Треста", статья в газете "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 18 октября 1963 г.
И. Репухов, "Апофеоз Треста", статья в газете "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 13 сентября 1966 г.
П. Селянинов-Опперпут, "Народный Союз Защиты Родины и Свободы", Берлин 1922 г.
П. Г. Софинов, "Очерки истории ВЧК", Государственное издательство политической литературы, Москва, 1960 г.
"Советская Россия и Польша", издание Народного Комиссариата по Иностранным Делам, Москва, сентябрь 1921 г.
Ю. Сречинский, "Тайна Александра Коваленки", статьи в газете "Новое Русское Слово", Нью Иорк, 2 ноября и 7 декабря 1969 г., 18 января 1970 г., 10 и 17 января 1971 г.
Н. Тальберг и Г. Александровский, письмо в редакцию газеты "Россия", Нью Иорк, и ответ ее редактора, 20 апреля 1966 г.
Н. Тальберг, письмо в редакцию газеты "Россия", Нью Иорк, 1 июня 1966 г.
Ф. Т. Фомин, "Записки старого чекиста", Государственное издательство политической литературы, Москва, 1962 г.
"Фронт без линии фронта", сборник статей о "дорогих советским людям образах чекистов-разведчиков", глава о "фирме Коваленко и компания", издательство агентства печати "Новости", Москва, 1965 г.

XXX, "Легенда и действительность", "Возрождение", Париж, тетради 14-ая и 15-ая, март-апрель и май-июнь 1951 г.
Генерал-полковник авиации запаса Н. Шиманов, "Мои дополнения к роману", газета "Красная звезда", Москва, 22 сентября 1965 г.
В. В. Шульгин, "Три столицы", книгоиздательство "Медный Всадник", Берлин, 1927 г.

Geoffrey Bailey, "The Conspirators", Harper and Brothers, New York, 1960.
Paul W. Blackstock, "The Secret Road to World War II", Quadrangle Books, Chicago, 1969
Arkady Borman, "Bailey, Geoffrey: The Conspirators", "The Russian Review", Hanover, N. H., January 1961
"Britain's Master Spy", The Adventures of Sidney Reilly, A Narrative by Himself, edited and completed by his wife, Harper and Brothers Publishers, New York and London, 1933
Richard Deacon, "A History of the Russian Secret Service", Taplinger Publishing Company, New York, 1972
Natalie Grant, "A Thermidorian Amalgam", "The Russian Review", Hanover, N. H., July 1963
Robin Bruce Gockhart, "As of Spies", Stein and Day Publishers, New York, 1968
Richard Wraga, Paper on "Provocation" presented before groups of students at French and British military schools in the course of 1950-1951, in the possession of Mrs. Richard Wraga
Richard Wraga, "Russian Emigration after Thirty Years' Exile", reprinted in booklet form from "The Eastern Quaterly", vol. IV, No. 1, January 1951 and included as Chapter II in "Russian Emigre Politics" edited by George Fisher, Free Russia Fund, Inc., New York, 1951
Richard Wraga, "The Trust Case", manuscript, in the possession of Mrs. Richard Wraga.
"La Russie des Soviets et la Pologne", Edition du Commisssariat du Peuple pour les Affaires Etrangeres, Moscou, Septembre 1921
Zinaida Schakovskoy, "Une maniere de vivre", Presses de la Cite, Paris, 1965
W. T. Drymmer, "Trust", "Kultura", Nr. 11/217, Paryz, Listopad 1965 r.
Ryszard Wraga, "Trust", "Kultura", Nr. 4/21 i 5/22, Paryz, Kwiecien i Maj 1949 r.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОТОГРАФИИ

—

$ 5.00